

ВЕСТНИК

НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал издается с 2008 года

Свидетельство о регистрации № ФС77-26062 от 25 октября 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

- Г.Р.Власян*
Культурно-философские аспекты диалога 3
- А.Г.Кудрявцев*
Языковая толерантность как элемент культурной компетентности 8
- Д.А.Миронова*
Газетный медиатекст онлайн-формата как особый коммуникационный феномен 13
- Э.Ш.Никифорова*
Конвенциональные стратегии как способ разрешения
коммуникативных конфликтов в юридическом дискурсе..... 23
- А.Г.Салахова*
Лингвокогнитивные особенности аргументации в немецкоязычном религиозном дискурсе 28

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

- Е.А.Давыдова*
Онтологические модели события..... 32
- С.А.Никишина*
Аббревиатуры: генезис, словообразовательный статус,
морфемная структура, тематические группы, употребление и прогнозы..... 37
- Н.Н.Парфёнова, В.В.Савиных*
Исторический подход к изучению русской топонимии Зауралья..... 48
- Е.А.Плеханова*
Функционирование когнитивной метафоры
в медиатексте онлайн-формата на примере итальянского языка 54
- Л.Н.Ротова*
Работа с источниками языкового материала
как один из возможных подходов к построению типологии концептов 59
- Э.М.Рянская, А.С.Балкунова*
Сетевое имя (никнейм) как языковой знак 72
- Л.И.Старкова*
Проблема становления функционально-семантических свойств предлога 77
- Р.В.Федорова*
Особенности реализации категории проспективности
(на материале французского и английского языков) 83

РЕЦЕНЗИИ

- М.А.Степанова*
Волкова Т.А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода 87

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Горлов С.И., доктор физико-математических наук, профессор (Нижевартовск)

Заместители главного редактора:

Карпов А.К., кандидат филологических наук, профессор (Нижевартовск);

Погонышев Д.А., кандидат биологических наук, доцент (Нижевартовск)

Ответственный редактор:

Рянская Э.М., доктор филологических наук, доцент (Нижевартовск)

Секретарь — Балкунова А.С.

Члены редколлегии:

Безбородова Ю.В., кандидат филологических наук, доцент (Нижевартовск);

Блох М.Я., доктор филологических наук, профессор (Москва);

Зыкова С.А., кандидат филологических наук (Нижевартовск);

Иссерс О.С., доктор филологических наук, профессор (Омск);

Ковалевская Е.В., доктор педагогических наук, профессор (Москва);

Колесник Л.И., кандидат педагогических наук, доцент (Нижевартовск);

Копосов Л.Ф., доктор филологических наук, профессор (Москва);

Коростелева Л.В., кандидат филологических наук (Нижевартовск);

Култышева О.М., доктор филологических наук, доцент (Нижевартовск);

Кушникова Л.В., доктор филологических наук, профессор (Пермь);

Лютая Т.Н., доцент (Нижевартовск);

Малоземова С.И., доцент (Нижевартовск);

Нефедова Л.А., доктор филологических наук, профессор (Челябинск);

Новикова Л.В., кандидат филологических наук (Нижевартовск);

Перельгут Н.М., кандидат филологических наук, доцент (Нижевартовск);

Степанова М.А., кандидат филологических наук, доцент (Нижевартовск);

Фролов Н.К., доктор филологических наук, профессор (Тюмень);

Шумкова Т.Л., доктор филологических наук, доцент (Нижевартовск);

Thomas H. Davies, директор школы Cambridge Education Training (Великобритания)

Литературный редактор

Титова Н.В.

Технический редактор

Борзов Е.С.

Художник обложки

Павлова Л.П.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации № ФС77-26062 от 25 октября 2006 г.

Учредитель:

ГОУ ВПО «Нижевартовский государственный гуманитарный университет»

Адрес редакции:

628600, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нижевартовск, ул. Ленина, 56

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 01.12.2011
Формат 60×84 1/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 11,5
Тираж 1000 экз. Заказ 1294

*Отпечатано в Издательстве Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нижевартовск, ул. Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'23

Г.Р.Власян
Челябинск, Россия

G.R.Vlasyan
Chelyabinsk, Russia

КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГА

CULTURAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF DIALOGUE

Аннотация. В статье дается краткий обзор существующих философских концепций диалога, основным посылом которых является «обреченность» человека общаться, коммуницировать. Диалог является не только формой и средством развития культуры и философии, но и одной из существенных особенностей сознания.

Ключевые слова: философия диалога; интерсубъективность; Я и Другой; форма сознания.

Abstract. The article gives a brief outline of the existing philosophical conceptions of dialogue, the main message of which is the doom to communicate. Dialogue is not only the form and means of development of culture and philosophy, but one of the forms of consciousness.

Key words: philosophy of dialogue; intersubjectivity; I and Other; form of consciousness.

Сведения об авторе: Власян Гаянэ Рубеновна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка.

Место работы: Челябинский государственный университет.

About the author: Vlasyan Gayane Rubenovna, candidate of Philology, assistant professor, head of English Language Theory and Practice department.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Контактная информация: 454018, г. Челябинск, ул. Колхозная, д. 36, кв. 25; тел. (351)7997150; e-mail: vlasyanGR@yandex.ru

В ситуации формирования нового, диалогического типа культуры понятие «диалог» наполняется новыми смыслами, расширяется научная сфера, формирующая свои исследования на базе понятий «диалог», «диалогическая речь», «диалогические отношения».

Диалог является предметом рассмотрения различных научных дисциплин — философии, культурологии, психологии, языкознания.

Суть диалогической философии состоит в признании того, что человек формируется и реализуется в общении. Только вступая в диалог с другим человеком, Богом, природой, человек становится субъектом истории и субъектом познания. В познавательной деятельности человечества основную роль играет не абстрактно-логическое монологическое мышление, а жизненно-практическое речевое мышление, имеющее диалогическую природу, т.е. ориентированное на взаимодействие с другими людьми.

Философская концепция диалога предполагает межсубъектное общение, единение сознаний на метафизическом уровне, форму проявления единства объективной и субъективной диалектики.

Опираясь на различные культурно-философские и религиозные традиции, ее основные положения развивали М.Бахтин, Н.А.Бердяев, М.Бубер, М.Библер, Ф.Гогартен, Э.Левинас, Г.Марсель, О.Розеншток-Хюсси, Ф.Розенцвейг и др.

Диалог послужил в истории мысли первой и основной формой философского приближения к проблеме коммуникации, хотя внимание к нему изначально было обусловлено более широкими и глубокими философскими мотивами. В диалоге присутствует понятие двунаправленности, взаимности коммуникации. По сути, все межличностные отношения укоренены в диалоге.

По свидетельству Аристотеля, первым диалог в качестве философского жанра использовал Алексамен Стирийский. Философский диалог делал свои первые шаги вместе с эристикой. Он отражал естественную форму аргументации, в которой каждому тезису следовало

сомнение окружающих, и это сомнение преодолевалось в аргументативной беседе спорящих. Эристический диалог был введен в практику софистами, но подлинно философский характер он получил благодаря Сократу, который зримо давал собеседникам ощутить, как в коммуникации рождалась истина [7. С. 51].

С точки зрения Сократа, диалог должен быть направлен на познание единства противоположных мнений, и этот синтез должен рассматриваться как познание сущности той или иной добродетели.

Ключевые темы философского интереса Сократа — познание самого себя, чужой души, божества, добродетели — заложены в диалоге как некой исследовательской программе и раскрываются посредством диалога. Сократовский диалог — путь для двоих стать лучше, возможность вступить во взаимное нравственное отношение.

Если у Сократа диалог оставался преимущественно способом философского общения с живыми людьми, то Платон не только довел форму диалога до литературного совершенства, но и обратился к истокам диалога, основал на нем философскую диалектику — способ познания сущности предмета через столкновение спорящих позиций и мнений (греч. *Διαλεκτική* — искусство вести беседу, искусство исследования и убеждения посредством беседы).

Литературная форма диалога у Платона была итогом творческого компромисса между достоинствами диалогической формы живой речи и широкими перспективами монологической формы письменной речи. Платон первым обозначил преимущества речевого стиля над письменным.

Уже первая попытка античных мыслителей обратить модель коммуникации в метод познания дала плодотворные возможности для развития философии, которая вновь обратилась к диалогу в XX в., но уже не как к реконструкции естественного обмена сообщениями, а как к подчеркиванию самости индивида, его личного голоса, а также голоса Другого, отвечающего ему.

Теоретическим источником большинства концепций диалога XX в. стали исследования сознания, которые были предприняты Э.Гуссерлем в рамках феноменологии и которые впоследствии были развиты многими выдающимися философами нашего столетия. Например, М.Хайдеггер, с самого начала творческого пути определявший человеческое бытие через совместность приобщения к бытию, позднее связал свои взгляды на природу человека с фразой И.Х.Ф.Гельдерлина «Мы — разговор» и развил концепцию разговора (*Gespräch*), который зависим от со-бытия человека и бытия [5].

Э.Гуссерль трактует общение как переживание Я и Другого в диалоге, в котором происходит не обмен готовыми, ранее сложившимися внутренними смыслами, а вовлечение в процесс совместного создания нового общего смысла, преобразующего и самих участников процесса, и их жизненный мир.

В развитии современной философии диалога большую роль сыграл Г.В.Лейбниц. Его идеи о том, что диалог — форма дружеского разговора, предполагающая взаимную близость, общение, нашли свое развитие в концепциях М.Бубера, О.Розенштока-Хюсси и М.М.Бахтина, рассматривающих диалог как встречу равноправных партнеров, отношения которых строятся на основе взаимности, открытости, обращенности, уважения.

Новый подход к диалогу был также связан с пониманием того, что вся письменная культура представляла собой безличностное сообщение всем и никому. Обращение к «ты», вовлечение в коммуникацию полностью меняет перспективу вещей. Заслуга открытия коммуникативного отношения «Я — Ты» в отличие от некоммуникативного «Я — Оно» принадлежит М.Буберу, который является центральной фигурой среди западных основоположников теории диалога.

Одна из ключевых тем философии М.Бубера — проблема межличностной коммуникации. В своем знаменитом сочинении с характерным для диалога названием «Я и Ты» он

рассматривает диалогичность как свойство, присущее всем людям. М.Бубер учит видеть сущность человека в поиске диалога со своими ближними и дальними. В связи с этим возникает необходимость определить одно из важнейших понятий его философии — понятие «Другого». *Другой* — то, что не есть *Я*, иное по отношению ко мне, и в то же время подобное мне, равный мне субъект, обладающий свойствами личности.

Жизнь, считает М.Бубер, в сущности своей есть комплекс межличностных отношений. Главное в человеческом существовании — обращаться, взывать к Другому и отвечать на зов Другого. «Отношение есть взаимность. Мое Ты воздействует на меня, как я воздействую на него. Наши ученики воспитывают нас, наши произведения создают нас. <...> Мы живем, непостижимым образом включенные в поток вселенской взаимности» [3].

Таким образом, диалог — не просто то, в чем присутствует коммуникация двоих, а особое отношение непосредственного присутствия другого и взаимопроникновения друг в друга. Значение человеческого существования открывается только в том случае, когда человек обращается к Другому и Другой отвечает ему. Через Ты человек становится Я. А истина бытия как раз *между* ними, между Я и Ты.

Понятие «между» означает межличностное пространство, в котором происходит встреча. Между участниками встречи существует симметрия, поскольку партнеры равны друг другу, а истинный разговор означает соглашение инаковостей [3].

Таким образом, коммуникация впервые становится истинно философским предметом: мир делится на область диалогического и область недIALOGического отношения, причем подлинность признается только за первым. Диалог является не просто способом межличностной коммуникации, а представляет собой духовную ценность.

Во многом родственна учению М.Бубера концепция Э.Левинаса, французского религиозного философа-экзистенциалиста, принадлежавшего следующему после М.Бубера поколению и творившему во второй половине XX в.

Э.Левинас согласен с М.Бубером в том, что стремление к Другому является фундаментальным свойством бытия человека. Однако он не согласен с трактовкой диалога как симметричной встречи. Он считает, что коммуникативное пространство несимметрично, что Ближний — это не просто тот, кем Я не являюсь, а некто неповторимый и неуловимый. Моя встреча с Ближним является событием, которое нельзя ни предвидеть, ни предсказать. Я и Ближний не являемся частями целого, и при встрече не следует предполагать и ожидать взаимности, но вместе с ним можно познавать все окружающее [4].

Согласно О.Розенштоку-Хюсси, принадлежащему к философам-диалогистам XX в., глубинная цель диалогического мышления — обосновать духовно-реальное единство личностей, предшествующее их коммуникации. Диалогизм исходит из новой онтологии, где ценностью должен стать, прежде всего, не я сам, а другой, не факт моего существования, а факт моего общения с другим. Мыслитель рассматривает диалогический принцип в качестве фундаментального основания подлинного человеческого существования. Свое понимание диалогической природы человеческого бытия он излагает в концепции, названной им «метономикой», «грамматическим методом», «речевым мышлением». В ней он особое внимание обращает на значимость «говорения», «беседы» для выражения каждой своей индивидуальности, своего личностного Я. В «говорении» возникает отношение взаимности и обращенность участников друг к другу, которые он, как и М.Бубер, считает существенными признаками диалога, фундаментом понимания Другого [8].

Одновременно с западными концепциями диалога складываются более или менее близкие к ним теории в русской философии. Концепции диалога создают А.А.Майер и С.Л.Франк, но наиболее известным автором теории диалога в России является, разумеется, М.М.Бахтин.

Концепция диалогических отношений М.М.Бахтина есть отражение объективной диалектики: «Мир написан на два голоса. Жить — значит участвовать в диалоге». Язык —

самый существенный показатель всеобщности диалогизма: он и средство общения, и возможность познания, и способ самовыражения. В языке — суть бытия, источник духовной энергии человека. М.Бахтин пишет: «Я осознаю себя и становлюсь самим собой, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого... Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть — значит общаться. Абсолютная смерть (небытие) есть неслышанность, непризнанность, невспомянность. Быть — значит быть для другого и через него — для себя. У человека нет суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [1. С. 300].

Диалогу М.М.Бахтин придаёт поистине универсальный характер, считая его образцом классической формы общения [1. С. 340]. Выражая себя в диалоге, человек организует и всю свою жизнь как диалог: «Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершённый диалог. Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге — вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» [1. С. 307].

Человек, таким образом, обречен на ситуацию диалога и несет ответственность за то место в пространстве и времени, которое он занимает.

Исходя из сказанного, понятна роль, которую отводит М.М.Бахтин диалогу. Жизнь — это диалог. Человек — субъект общения, субъект диалога. Если М.Бубер описывает диалог как состояние, то для М.М.Бахтина диалог — это действие, поступок, событие, жизнь. М.Бубер видит начало диалога в инициативе Я: становясь Я, я говорю Ты. У М.М.Бахтина формирование человеческой души начинается с чужого голоса, с обращения ко мне другого человека.

По мнению М.М.Бахтина, диалог — это также и показатель общей культуры общества. Все великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, только в точке их пересечения. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом..., между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [1. С. 354].

Идея диалога культур основана на приоритете общечеловеческих ценностей. Культура не терпит единомыслия, она диалогична по природе и сути своей. Диалог является важнейшим методологическим принципом понимания и саморазвития культуры. Все культурные и исторические явления — продукты взаимодействия, общения. В ходе диалога людей и культур происходило становление языковых форм, развивалась творческая мысль. Диалог идет в пространстве и во времени, пронизывает культуры по вертикали и по горизонтали.

Диалог культур — это потребность во взаимопонимании, которое предполагает единство, сходство, тождество. То есть диалог культур возможен лишь на основе взаимопонимания, но вместе с тем — лишь на основе индивидуального в каждой культуре. Чтобы понимать язык другой культуры, человек должен понимать и ценить историю и культуру собственной страны.

Существенным аспектом в современном понимании диалога с позиций философии является теория В.С.Библера о диалоге логик. В основе его концепции лежит предположение, что социальные, духовные, исторические процессы конца XX и начала XXI вв. могут быть поняты как смещение эпицентра всего человеческого бытия к полюсу культуры [2].

В.С.Библер считает, что «современная логика есть по своему замыслу философская логика культуры, и — по своей логической форме — культура логики» [9. С. 5]. Отсюда диалог логик В.С.Библер трактует как «выражение всеобщности диалога культур».

Сегодня некоторые прежние подходы в изучении диалога активно трансформируются с учетом политических, этнографических, культурных реалий: так, от картины единой монологии философия XX в. приходит к признанию плюрализма логик, их диалога.

С точки зрения семиотики диалог понимается как форма знакового обмена. По мнению Ю.М.Лотмана, элементарный акт мышления есть перевод, а элементарный механизм перевода есть диалог. Диалог подразумевает асимметрию, которая выражается в различии семиотической структуры (языка) и в попеременной направленности сообщений. Без семиотического различия диалог бессмыслен, а при абсолютном различии он невозможен [6].

По Ю.М.Лотману, культура погружена в сложное семиотическое пространство, которое отличается многообразием и динамизмом. Данное пространство он называет «семиосферой» как пространство развития культуры. Семиосфера предполагает способность культуры к диалогу и пониманию, выполняет функцию передачи информации и коммуникации. По мнению Ю.М.Лотмана, «только внутри такого пространства оказывается возможной реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации», то есть вне его «невозможно само существование семиозиса» [6].

Дискретность — способность выдавать информацию порциями — является законом всех диалогических систем. Ю.М.Лотман рассматривает «партию диалога» в контексте семиосферы как смену центра и периферии, а спад в культуре как паузу в диалоге — этап пассивного насыщения. Диалог в культуре — процесс самоописания и самосознания культуры в текстах, реализующийся с разным уровнем интенсивности, подчиненный синусоидным колебаниям. Осуществление указанного процесса формирует культурную функцию текста. Если М.М.Бахтин говорит о «культуре как диалоге», а В.С.Библер о «диалоге культур», то описание «диалога в культуре», осуществленное Ю.М.Лотманом, — это еще один аспект философии диалога.

Таким образом, можно сделать вывод, что основным посылом философии диалога является «обреченность» человека общаться, коммуницировать. Осознание глобального и универсального характера диалога делает его не только формой и средством развития культуры и философии, но и приводит к мысли, что диалогичность является одной из существенных особенностей сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
2. Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.
3. Бубер М. Я и Ты. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu1.txt>
4. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998.
5. Лифинцева Т.П. Философия диалога Мартина Бубера. URL: <http://philosophy1.narod.ru/www/html/iphras/library/lifinceva.html>
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
7. Назарчук А.В. Философское осмысление диалога через призму коммуникативного подхода // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. 2010. № 1.
8. Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб., 2000.
9. Школа диалога культур. Основы программы / Ред. В.С.Библера. Кемерово, 1992.

ЯЗЫКОВАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

REALIZATION OF TOLERANCE IN LANGUAGE AS AN ELEMENT OF MULTICULTURAL COMPETENCE

Аннотация. Рассмотрен феномен языковой толерантности как составляющая культурной компетенции индивида или социальной группы, а также объяснены основные различия между понятиями «языковая толерантность», «лингвистическая толерантность», «вербальная толерантность» и «метаязыковая толерантность». Проводится исследование роли языковой толерантности в межкультурной коммуникации, а также попытка стандартизации понятийного аппарата лингвистической конфликтологии.

Ключевые слова: языковая толерантность; культурная компетентность; конфликтология.

Сведения об авторе: Кудрявцев Алексей Геннадьевич, аспирант кафедры романских языков и межкультурной коммуникации.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Контактная информация: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129; тел. (351)7997122; e-mail: lieroitrans@gmail.com

Abstract. This article analyzes the phenomenon of realization of tolerance in language regarded as a part of person's or social group's multicultural competence and explains the main difference between the following terms: "realization of tolerance in language", "linguistic tolerance", "verbal tolerance" and "metalinguistic tolerance". The article studies the role played by the process of realization of tolerance in language in intercultural communication and presents an attempt to standardize some of the definitions used in the study of linguistic conflicts.

Key words: realization of tolerance in language; multicultural competence; study of conflicts.

About the author: Kudryavtsev Alexey Gennadyevich, postgraduate student of the Roman Languages and Intercultural Communication department.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Языковая толерантность — это толерантность, обращенная в язык, толерантность во всем многообразии ее лингвистических проявлений. Языковая толерантность — это совокупность вербальных и невербальных средств общения, которые индивид использует при взаимодействии с человеком или группой людей, так или иначе отличающихся от него. Языковая толерантность принимает во внимание не только социально-психологические характеристики адресата сообщения (его убеждения, ценности и поведение), но и его биологические особенности (пол, возраст, принадлежность к определенному этносу и т.д.). Кроме этого, языковая толерантность предполагает и следование адресантом сообщения неким позитивным и созидательным моделям социального взаимодействия в процессе коммуникации. Даже несмотря на то, что языковая толерантность вряд ли охватывает все формы человеческого общения (хотя, с определенной долей условности, можно перенести нормы языковой толерантности и на многие неязыковые формы общения — например, на искусство), нельзя отрицать воздействие ее норм и установок и на квазизязыковые процессы в коммуникации.

Ю.В.Южакова определяет языковую толерантность как «продукт взаимодействия негативной или нейтральной интенции адресанта и общего принципа толерантности (комплекса языковых и речеповеденческих норм, требующего отношения к «чужому» «как к равно достойной личности»). Это активная социальная позиция и психологическая готовность к позитивному взаимодействию с людьми или группами иной национальной, религиозной, социальной среды, иных взглядов, мировоззрений, стилей мышления и поведения» [5. С. 16]. В данном определении языковая толерантность рассматривается скорее как речевой инструмент, позволяющий адресанту избежать проявления речевой агрессии, вследствие чего негативная или нейтральная интенции рассматриваются как неотъемлемая часть существования языковой толерантности. В своей работе «Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности» Ю.В.Южакова доказывает,

что проявление языковой толерантности неразрывно связано с вербализуемой или имплицитруемой негативной оценкой объекта высказывания. Мы, в свою очередь, считаем, что проявления языковой толерантности возможны в любых текстах вне зависимости от оценки объекта высказывания именно потому, что языковая толерантность в нашем понимании — это не столько способ снятия рече-языковых конфликтов, сколько свод норм, которым каждый говорящий должен постоянно следовать в своей речевой деятельности.

На наш взгляд, подобно категориальному понятию «толерантность», языковая толерантность также является активной нравственной позицией, предполагающей знание языковых и культурных особенностей адресата сообщения и уважение к ним, а также модификацию своей вербальной и невербальной речевой деятельности в соответствии с данным знанием. К примеру, в современном английском языке использование лексемы «Negro» для описания объекта высказывания абсолютно недопустимо. Адресант сообщения, использующий лексемы «African American» или «black» для описания темнокожего человека, совершенно очевидно прибегает к помощи приемов языковой толерантности и, несмотря на это, не может быть обвинен в импlications негативной оценки объекта высказывания.

На невербальном уровне языковая толерантность реализуется путем отказа от жестов, действий и других единиц невербального общения, которые могут быть признанными оскорбительными адресатом сообщения. К примеру, использования жеста «хорошо», обозначающего удовлетворенность адресанта сообщения в западных культурах (поднятая рука с соединенными в форме буквы «о» указательным и большим пальцами), лучше избегать при общении с представителями греческого и турецкого этносов, в культуре которых он имеет ярко выраженное оскорбительное значение [7].

В целом, на наш взгляд, феномен языковой толерантности имеет много общего с феноменом «культурной компетентности» — умением эффективно общаться с представителями других культур. Культурная компетентность состоит из четырех основных элементов:

— **Самосознание.** Под самосознанием в данной модели понимается осознание собственной реакции на действия представителей других культур. Профессор Пауль Педерсен определяет самосознание в ключе данной модели культурной компетентности как «понимание индивидом своих собственных предположений, ценностей и предрассудков» [10].

— **Отношение.** Данный элемент, добавленный к модели профессора Педерсена несколько позднее, заостряет внимание на разнице между тем, когда индивид осознает собственные общие культурные принципы и предрассудки, основанные на культурных различиях, и тем, когда индивид активно самостоятельно анализирует свое самосознание на предмет культурной компетентности.

— **Знание.** Многие социологические исследования указывают на тот факт, что наши собственные ценности и представления о равенстве культур могут существенно отличаться от наших моделей поведения. Удивительно, но большинство людей не замечают таких различий. Проведенный канадским психологом Патрицией Дивайн тест показал, что респонденты, набравшие низкое количество баллов в тесте на наличие культурных предрассудков, несмотря на позитивные результаты тестирования, зачастую допускают ошибки в кросскультурном диалоге, свидетельствующие как раз о наличии у них этих самых культурных предрассудков. По мнению П. Дивайн, это является следствием отсутствия у этих респондентов актуальных знаний об особенностях кросскультурного общения. Соответственно, позитивного отношения к участнику диалога, принадлежащему к другой культуре, недостаточно — для успешного кросскультурного общения необходимо еще и знание культурных особенностей адресата сообщения или его объекта [6].

— **Умение.** Данная составляющая модели культурной компетентности предполагает наличие определенных навыков ведения кросскультурного диалога и их постоянное развитие. Под навыками ведения диалога в данном случае понимаются как вербальные, так и невербальные элементы общения, отличающиеся их культурной специфичностью [8. С. 33].

Основы модели культурной компетенции были заложены в 70-е гг. XX в. в теории психоанализа. Профессор Педерсен, к примеру, в своих работах писал о необходимости использования особого подхода к работе с коренными жителями Америки: «Культура коренных американских индейцев выдвигает уникальные требования к эффективному консультированию. При консультировании молодых представителей американских индейцев консультант с большой вероятностью встретит пассивных молчаливых клиентов, которые слушают и усваивают знания избирательно. Консультант, ожидающий от клиентов выражения своих чувств, вряд ли добьется большого успеха с коренными американцами. Американские индейцы склонны к отстраненности, следованию полученной рекомендации, самостоятельной проработке проблем. Коренные американцы предпочитают принимать собственные решения и будут обижены попытками терапевта подтолкнуть их в том или ином направлении» [11. С. 30].

В данный момент культурной компетентности уделяется немалое внимание при обучении не только специалистов сферы здравоохранения, но и специалистов в сфере бизнеса, образования, социальной деятельности. На фоне процессов глобализации и роста числа стран с ярко выраженной мультинациональной структурой населения, культурная компетентность становится необходимостью в любой сфере деятельности, предполагающей общение с людьми. Кроме этого, культурная компетентность уже рассматривается не только, как характеристика личности, но и как характеристика организации. Являясь неотъемлемой частью деятельности крупных международных компаний, корпоративная культурная компетентность может быть реализована с помощью различных моделей, среди которых одной из самых интересных является модель «построения третьей культуры», предложенная К.Матоба [9. С. 34]. Автор основывает построение схемы взаимодействия внутри международной компании и управления ей на реализации следующих четырех принципов:

- единство в многообразии;
- интеграция;
- когнитивное разнообразие;
- коммуникативное разнообразие.

Очевидно, что каждый из этих четырех принципов в той или иной мере основан на этнокультурной толерантности, а последний из них реализуется за счет языковой толерантности.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что языковая толерантность является следствием и инструментом культурной компетентности — элементом, необходимым для ведения эффективного общения с представителями других культур и достижения целей данного общения. Именно в языковой толерантности на практике реализуется позитивное отношение к культурным различиям и знание различных коммуникативных моделей и картин мира представителей других культур.

Отметим, что при анализе языковой толерантности как феномена, родственного культурной компетентности, важно проводить различия между понятиями «языковая толерантность» и «вербальная толерантность». «Вербальный компонент толерантности», описанный Е.В.Алексеевой и С.Л.Братченко, ограничивается лишь «знаниевой составляющей» [1]. Это наиболее простое и поверхностное измерение толерантности, которое может свидетельствовать о знакомстве человека с идеями толерантности и способности более-менее внятно рассказать об этом. Говоря о толерантности среди педагогов, С.Л.Братченко достаточно резко отзывается о вербальном компоненте толерантности, называя его продуктом попыток «натаскать» учителей на толерантность, научить их произносить «правильные слова» и т.д.

О.В.Рубцова в своей работе «Толерантность — необходимость, продиктованная временем» определяет вербальную толерантность как «язык общения, который предполагает использование определённого лексикона (отсутствие унижительных, оскорбительных,

издевательских и очернительных слов) и высказывание позитивных суждений (взвешенных, непредвзятых, доказательных, конструктивных, исключающих элементы стереотипизирования, провокационности, враждебности)» [4]. В этой же работе, анализируя поведенческую толерантность как другую форму толерантности в целом, автор отмечает, что она предполагает как позитивную манеру общения (пассивная форма), так и позитивные ненастоящие действия в отношении индивидуального или группового оппонента (активная форма). Мы считаем, что языковая толерантность — это более общий феномен, которому присущи черты как вербальной, так и поведенческой толерантности, поскольку языковая толерантность характеризуется и наличием невербальных средств ее реализации, а также реализацией норм коммуникации, носящих «надвербальный» характер (модели социального поведения при общении с окружающими, определенную эмоциональную окраску передаваемых сообщений и т.д.).

Также важно понимать и различия между языковой толерантностью как составляющей культурной компетенции и лингвистической толерантностью. Последняя наиболее часто рассматривается как профессиональное качество лингвиста, предполагающее терпимое отношение к ошибкам как вариативности в языке. В данном случае толерантность рассматривается также как альтернатива «силовому» решению конфликта, имеющего место на общезыковом уровне, в качестве которого выступает установление лингвистических норм, зафиксированных как единственно правильные. Нормирование языка и рассмотрение ошибок как его вариативных изменений — это, в некотором роде, воплощение антиномии «интолерантность/толерантность» в науке о языке.

Стоит отметить, однако, что оценочные суждения о «силовом» или толерантном типе решения конфликтов в науке о языке или общении недопустимы. Н.Д.Голев в своей статье «Толерантность как вектор антиномического бытия языка» справедливо отмечает: «мы не считаем возможным априорно оценивать разные способы снятия ситуации конфликта знаками “плюс” или “минус”. Оба способа снятия необходимы для нормальной жизнедеятельности языка (в разной мере в разных сферах), и их динамическое равновесие во многих случаях есть условие его стабильного функционирования и развития. Как излишняя толерантность может привести к анархии и остановке поступательного развития языка (и лингвистики), так и избыточность волевых решений также может стать причиной несбалансированности и/или застоя» [2. С. 175].

Понятие лингвистической толерантности как терпимости к вариативным изменениям языка близко к предлагаемому Н.Б.Лебедевой понятию «метаязыковая толерантность». Лебедева противопоставляет языковую толерантность как толерантное поведение говорящих и метаязыковую толерантность как «терпимое отношение людей и общества к речевым средствам и речевому поведению разных видов, так сказать, оценка “со стороны” и “сверху”: носители языка оценивают факты языка, не будучи непосредственными участниками речевого акта» [3. С. 278]. При этом автор выделяет два вида метаязыковой толерантности — обыденную и профессионально-лингвистическую: «Обыденный вид метаязыковой толерантности (при оценке рече-языковых характеристик различных компонентов речевого акта по шкалам “хорошо/плохо”, “уместно/неуместно”, “можно/нельзя”, “по-русски/не по-русски” и т.д.) проявляется в принципиальной терпимости рядовых носителей языка, отдельных групп общества (интеллигенции, филологов и др.) и в целом общества к особенностям коммуникативно-речевого поведения других людей, к наличию в языке тех или иных разновидностей норм. Профессионально-лингвистический гносеологический вид метаязыковой толерантности обнаруживается в расширении объекта описания и теоретического изучения со стороны исследователей по отношению к “низким” сферам бытования речевой деятельности» [3. С. 279].

Подводя итоги данной статьи, отметим тот факт, что языковая толерантность является неотъемлемой частью культурной компетентности. При межкультурной коммуникации

крайне важно следовать нормам «третьей культуры», предполагающим взаимное уважение участников речевого акта к культурным особенностям друг друга, взаимные уступки при решении языковых конфликтов и принятие принципов когнитивного и коммуникативного многообразия.

Ввиду недостаточной востребованности термина «толерантность» в современной лингвистике возникает необходимость совершенствовать понятийный аппарат науки о толерантности в языке и культуре. Важно различать понятия «языковая толерантность», «вербальная толерантность», «лингвистическая толерантность», «метаязыковая толерантность», что позволит унифицировать язык лингвистической конфликтологии и упростить процесс познания феномена толерантности в межкультурном и межличностном общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А.В., Братченко С.Л. Психологические основы толерантности учителя. URL: <http://alteredu.ru/new/blog/2008/03/03/alekseeva-ev-brtachenko-sl-psixologicheskie-osnovy-tolerantnosti-uchitelya>
2. Голев Н.Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / Отв. ред. Н.А.Купина, М.Б.Хомяков. М., 2005.
3. Лебедева Н.Б. Толерантность и естественная письменная речь // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / Отв. ред. Н.А.Купина, М.Б.Хомяков. М., 2005.
4. Рубцова О.В. Толерантность — необходимость, продиктованная временем. URL: http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=33686
5. Южакова Ю.В. Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
6. Devine P. Stereotypes and Prejudice: Their Automatic and Controlled Components. URL: [https://myweb-space.wisc.edu/wtcox/web/trishpubs_files/Devine%20\(1989\).pdf?uniq=-c4okl9](https://myweb-space.wisc.edu/wtcox/web/trishpubs_files/Devine%20(1989).pdf?uniq=-c4okl9)
7. Innocent gestures that mean rude things abroad. URL: <http://travel.ninensn.com.au/world/rudegestures/835248/innocent-gestures-that-mean-rude-things-abroad>
8. Martin M., Vaughn B. Cultural Competence // Strategic Diversity & Inclusion Management magazine. San Francisco, 2007.
9. Matoba K. Transformative Dialogue for Third Culture Building: Integrated Constructionist Approach for Managing Diversity. Opladen, 2011.
10. Pedersen P. Multicultural Competence: Awareness, Knowledge and Skill. URL: http://faculty.soe.syr.edu/pedersen/training/multiculture_comp.htm 2004
11. Pedersen P. The Field of Intercultural Counseling // Counseling Across Cultures. Honolulu, 1976.

**ГАЗЕТНЫЙ МЕДИАТЕКСТ
ОНЛАЙН-ФОРМАТА КАК ОСОБЫЙ
КОММУНИКАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН**

**NEWSPAPER ONLINE MEDIATEXT
AS A UNIQUE COMMUNICATIVE
PHENOMENON**

Аннотация. В статье рассматривается явление газетного медиатекста онлайн-формата. Рассматриваются предпосылки его формирования, анализируются отличительные черты, такие как мультимедийность, интерактивность и гипертекстуальность, дающие основание определять изучаемый феномен как особый коммуникационный и лингвистический продукт.

Ключевые слова: медиатекст; медиалингвистика; онлайн-газеты; мультимедийность; интерактивность; гипертекстуальность.

Сведения об авторе: Миронова Дарья Александровна, аспирант кафедры французского языка и межкультурной коммуникации.

Место работы: Челябинский государственный университет

Abstract. The article studies the notion of newspaper online mediatext. It provides the background of its development and describes such peculiarities of online mediatext as multimediality, interactivity and hypertextuality, which determine its position as a unique communicative and linguistic phenomenon.

Key words: mediatext; media linguistics; online newspapers; multimediality; interactivity; hypertextuality.

About the author: Mironova Darya Alexandrovna, postgraduate student of French Language and Intercultural Communication department.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Контактная информация: 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129; тел. (351)7997149; e-mail: daria28@mail.ru, daria.mironova28@gmail.com

Вместе с бурным развитием в сфере компьютерных технологий и полномасштабным приходом Интернета во все сферы человеческой жизни на рубеже XX—XXI вв. начались кардинальные изменения в структуре средств массовой информации. Газеты проникли в глобальную сеть и обрели жизнь в онлайн-пространстве. При этом речь идёт не просто об образовании нового информационного канала, а о появлении уникального феномена СМИ, в рамках которого произошли качественные изменения прежней коммуникативной модели. Инновационные технологии позволили интернет-изданиям раскрыть неизвестные ранее возможности производства и получения информации и обрести характеристики, отличающие их от других средств коммуникации. Это, в свою очередь, обусловило формирование нового лингвистического явления — газетного медиатекста онлайн-формата, который является симбиотическим продуктом, с одной стороны, образованным на фундаменте традиций печатной прессы, а с другой стороны, впитавшим характерные свойства Всемирной паутины. Прежде чем приступить к анализу специфики данного явления, мы считаем необходимым рассмотреть внешние условия, предопределившие его становление.

Роль технологий коммуникаций в жизни общества трудно переоценить, именно их культовый канадский социолог, один из основоположников современного направления медиаисследований Герберт Маршалл Маклюэн рассматривает в качестве решающего фактора в процессе формирования той или иной социально-экономической системы. «The medium is the message» («средство коммуникации является сообщением») — гласит его знаменитый постулат, означающий что «...личностные и социальные последствия любого средства коммуникации — то есть любого нашего расширения вовне — вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела» [11]. Иными словами, общественная жизнь зависит в большей мере от характера средств, при помощи которых люди поддерживают между собой связь, чем от содержания их сообщений. Таким образом, вся история человечества видится ему сменой ведущих средств коммуникации: эпоха дописьменного варварства сменяется эпохой письменной кодификации, завершающейся «галактикой Гутенберга», вслед за которым наступил этап

электронного общества. Однако если во времена Маклюэна доминирующими медиа, определяющими постгуттенберговую эру, являлись телефон, радио и телевидение, то, как отмечает И.А.Шевелева, «сегодня место телевидения ... как нового и, в некоторой степени, идеализированного медиа занял Интернет, ознаменовав начало эпохи “кибернетической” (в терминологии Маклюэна таким должен был стать следующий этап развития цивилизации)...» [17]. Маклюэн ушёл из жизни за три года до изобретения персонального компьютера и за десятилетие до изобретения Интернета, тем не менее, будучи свидетелем зарождающихся социальных изменений планетарного масштаба, уже окрестил мир «глобальной деревней», сыскав славу оракула эпохи новых коммуникаций, предвестника эры информационного общества. Данный термин был введён в научный оборот в начале 60-х гг. фактически одновременно в США и Японии Ф.Махлупом и Т.Умесао, авторами, получившими широкую известность своими исследованиями динамики развития наукоёмких производств. Наибольший вклад в развитие концепции «общества знания» (близкой по своей сути идее постиндустриального общества, развитой Д.Беллом, а также теории трёх «волн» развития социума Э.Тоффлера) внесли М.Кастеллс, Р.Катц, И.Масуда, М.Порат. По М.Кастеллсу, информационное общество (сам учёный предпочитает термин «информационное») — это специфическая форма социальной организации, «...в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти» [цит. по: 9].

Таким образом, доминантой жизни современного общества является деятельность, связанная с производством, потреблением, трансляцией и хранением информации — проявление тенденции так называемой «фетишизации информации» (в формулировке А.А.Калмыкова и Л.А.Кохановой [6]). Естественным следствием создавшихся условий повышенных информационных потребностей, с одной стороны, и существующих возможностей их оптимального удовлетворения благодаря глобальному сетевому пространству, с другой стороны, является то, что ведущая роль в социуме переходит к средствам коммуникативно-компьютерного воздействия, воплощением которых стали интернет-СМИ.

Масштабный, значимый характер изменений, которые Интернет своим рождением привнёс в средства массовой коммуникации, подчёркивается большинством исследователей. Так, А.А.Калмыков называет новые изменения «тектоническими», «требующими разработки новых подходов и методов исследования» [5]. Появление новых технологий, по определению С.М.Гуревича, «знаменует завершение эры Гутенберга и начало нового направления развития газеты» [1. С. 5]. И действительно, результатом этих преобразований стало не просто появление сетевых аналогов печатных изданий, а формирование нового медиаа явления — интернет-журналистики, а также интеграция всех СМИ в единую систему, характеризующуюся новыми уникальными свойствами. Для более глубокого проникновения в суть данных процессов обратимся к их предпосылкам.

Зарубежные исследователи [19, 23, 24], обращаясь к истории становления онлайн-публицистики, делают акцент на её поэтапном, эволюционном характере. Как отмечается, началу активного проникновения СМИ в Интернет предшествовало два десятилетия экспериментирования с новыми технологиями. Электронные версии газет появились ещё в начале 1970-х, а 80-е гг. стали периодом «прощупывания почвы», активного поиска применения новых технических возможностей (видеотекста, телетекста, факса, аудиотекста и т.д.) для создания альтернативного формата существования газет. Wozzkowski в качестве причин такого стремления называет неблагоприятную обстановку на рынке печатных изданий, сложившуюся к концу XX в. Предпочтения аудитории поменялись (во многом вследствие конкуренции со стороны телевидения), спрос на газеты снижался, а тиражи падали, в результате издатели несли значительные убытки и искали новые пути привлечения читателей. Новой площадкой для экспериментирования стал Интернет, история существования

которого берёт отсчёт с 1990 г. Однако его популяризация произошла тремя годами позднее, когда появился знаменитый графический веб-браузер Mosaic, сделавший Интернет доступным не только научному сообществу и правительственным организациям, но и каждому желающему. Бурный рост пользователей вскоре привлёк внимание издателей, стремящихся выйти на глобальную аудиторию и выявить финансовый потенциал новой технологии. Вскоре газеты начинают делать первые неуверенные шаги по освоению интернет-пространства. Вторая половина 90-х гг. стала периодом вливания в интернет-СМИ большого потока ресурсов, как человеческих, так и финансовых, а к 1998 г. уже сформировались самостоятельный рынок, новая бизнес-среда с множеством конкурентов.

Что касается России, то развитие интернет-СМИ началось здесь несколько позднее. С.Г.Машкова, А.А.Калмыков, Л.А.Коханова отмечают, что годом рождения российской онлайн-журналистики условно можно считать 1995 г. Именно тогда, спустя пять лет после присоединения к Всемирной паутине СССР и спустя год после официальной регистрации домена ru, ознаменовавшей рождение российского Интернета, началось широкомасштабное проникновение первых российских изданий в сеть. Однако, с точки зрения А.Носика, в отношении описываемого периода говорить о существовании онлайн-СМИ не вполне корректно: «...создание средств массовой информации в русском Интернете стало возможно не раньше, чем сам по себе Рунет стал явлением сколько-нибудь массовым» [14]. Переломным моментом он считает 1998 г., когда количество пользователей Рунета преодолело отметку в 1 млн, что было вызвано воцарившимся в стране социально-экономическим кризисом. «18 августа 1998 года в поисках объективной информации люди обратились к традиционным СМИ, но застали их в полной растерянности. Образовалась ситуация информационного вакуума. И тогда вспомнили, что есть средство, которое может предоставить оперативную информацию, — Интернет. <...> В то время как многие печатные издания закрывались одно за другим, в Рунете начался бум» [12. С. 18]. Далее последовал период, характеризующийся коммерциализацией интернет-журналистики и появлением крупных игроков на сетевом медиарынке.

Что же явилось движущей силой столь радикальных преобразований в медиасфере? Если Wozzkowski объясняет выход печатных изданий в глобальную сеть и создание мультимедийных СМИ мотивами исключительно коммерческого характера, то И.Кирия [8] видит в этом шаге стремление адаптироваться к изменившейся модели информационного потребления, удовлетворить новые предпочтения читателей, появившиеся вследствие перемен в их образе жизни. Отмечается, что за последние 30 лет рабочий график и характер труда людей стали более гибкими: они все чаще вынуждены работать на разных местах, работать по телефону, перемещаться в пространстве; динамика жизни возросла, бюджет времени стал ограничен — теперь получать информацию лишь в определённое время суток недостаточно, она должна быть доступна 24 часа в сутки. Кроме того, сегодня во времена информационной перегруженности при большом многообразии медиаканалов обострилась конкуренция среди средств массовой коммуникации за внимание аудитории. «В этих условиях ограниченного времени потребителя информации это время перераспределяется в пользу индивидуальных и интерактивных СМИ (не только из-за того, что они более наглядны, но и потому что их потребление более индивидуально и дискретно — человек может потреблять их на бегу). При этом проигрывают традиционные СМИ, в первую очередь те, которые предполагают внимательное изучение (газеты)» [8. С. 35]. Появление сетевых масс-медиа выявило и ряд других врождённых изъянов традиционных СМИ (радио, печатная пресса, телевидение), которые не могут быть преодолены ввиду технических ограничений — это так называемые «дефект зрения и слуха» и «дефект речи» [16]. Под первым подразумевается намеренная селективность при подаче сообщений, навязывание аудитории определённой информационной картины, что может привести к созданию неполного, пристрастного или искажённого представления реальности. Второй дефект

заключается в том, что традиционные СМИ монологичны, «безответны», а также нацелены на охват максимально большой аудитории без учёта её гендерной, возрастной, этнической, экономической, политической и другой разнородности, а также необходимости удовлетворения одновременно всего многообразия интересов.

На начальном этапе освоение газетами онлайн-платформы в Америке, Азии и Европе осуществлялось преимущественно путём простого перевода оригинального контента «офлайн-родителя» (термин М.М.Лукиной, И.Д.Фомичевой [10]) или так называемого «материнского издания» (термин А.А.Калмыкова, Л.А.Кохановой [6]) в цифровую форму без адаптации (процесс, именуемый у Wozzkowski как *repurposing*, т.е. процесс смены целевого канала). Дело в том, что первоначально Всемирная паутина расценивалась издателями лишь как новая платформа распространения информации, а не особое медиапространство, задающее иные условия функционирования газет. А.Г.Качкаева с сожалением отмечает, что в России такое восприятие сохраняется до сих пор во многих региональных редакциях и даже в крупных медиахолдингах: «...до сей поры интернет-сайт ... воспринимается как “зеркало”, на котором просто “отражается” печатная версия газеты. Все эти представления из нашего медиапрошлого, с которыми все равно рано или поздно предстоит расстаться» [7. С. 150]. Вскоре, однако, вместе с освоением новых возможностей Интернета происходило взросление онлайн-журналистики, интернет-газеты перестали быть точной копией печатных версий. Оригинальное наполнение печатного издания начали комбинировать с созданным специально для сети, а также оптимизировать функциональность подачи материала (*recombiningprocess*) [19]. Затем онлайн-газеты начали включать исключительно собственный контент, формат которого соответствовал условиям интернет-среды (*recreatingprocess*) [19]. Так, постепенно сетевые издания обретали собственные отличительные черты, что дало все основания предполагать, что «в образе интернет-журналистики мы имеем дело с качественно новым культурным и цивилизационным феноменом» [6. С. 8].

Сейчас у исследователей не вызывает сомнений факт принадлежности интернет-изданий к современной медиасистеме в качестве её отдельного компонента (в которую до недавнего времени входили периодическая печать, телевидение и радиовещание), что позволяет говорить о существовании такого понятия, как интернет-СМИ (М.М.Лукина, И.Д.Фомичева [10], Е.В.Какорина [4], А.А.Калмыков [5], И.В.Кирия [8], С.Г.Машкова [12] и т.д.). А.С.Игнатьева в своём исследовании определяет интернет-СМИ как средства не массовой, а глобальной коммуникации, настаивая на их принципиальном разграничении. «...средство глобальной информации — сетевой ресурс, являющийся средством массовой информации, переведённым в онлайн-формат, и предназначенный для передачи и распространения информации от адресанта к адресату в пределах планетарного масштаба...» [3. С. 35]. К другим критериям разделения понятий, помимо нацеленности на «глобального потребителя, рассредоточенного по всей планете» [3. С. 36], А.С.Игнатьева относит технические возможности обратной связи и длительность интерактивного общения. При этом она указывает, что не всеми Интернет признан в качестве средства глобальной или массовой информации ввиду его недоступности большинству населения. Мы не согласны с такой позицией, считая аргумент ограниченности аудитории неактуальным, что подтверждают последние статистические данные. Согласно Международной мониторинговой организации Internet World Stats, по данным за март 2011 г. число пользователей глобальной сети превышает 2 млрд человек и составляет приблизительно одну треть населения всей планеты. При этом их количество продолжает бурно увеличиваться [20]. Таким образом, взгляд на интернет-издания как на средства коммуникации глобального масштаба действия, безусловно, имеет под собой логическое обоснование. Если раньше доступность прессы была ограничена определёнными географическими рамками, то сейчас «все преграды отпадают, и впервые за всю историю человеческая потребность в коммуникациях может быть удовлетворена

вопреки искусственным барьерам» [6. С. 131]. Трансграничность распространения, а также тенденция глобализации содержания газет обусловили и устаревание самого понятия «местная пресса». «Всякое издание с любым тиражом на любом языке не может не оказывать влияния на глобальное медийное пространство» [6. С. 60].

Обратимся к отличительным особенностям публицистического текста, функционирующего в глобальной сети.

Т.Г.Добросклонская отмечает, что ключевое для традиционной лингвистики определение текста как «объединённой смысловой связью последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность», при переносе в сферу масс-медиа значительно расширяет свои границы. Понятие выходит за пределы знаковой системы вербального уровня, приближаясь к семиотическому толкованию понятия «текст», которое подразумевает последовательность любых, а не только вербальных знаков [2. С. 35]. Эта особенность текстов массовой коммуникации позволяет говорить о таком явлении, как «формат» медиатекста (термин, впервые использованный Т.Г.Добросклонской в 2000 г.). При этом мы, вслед за Т.Г.Добросклонской, понимаем под форматом «устойчивое соединение определенных внешних признаков с устойчивыми компонентами содержания и стиля» [цит. по: 3. С. 32]. Следует подчеркнуть, что медиатекст представляет собой не только «диалектическое единство языковых и медийных признаков, но и совокупность многих уровней словесного текста, видеоряда или графического изображения и звукового сопровождения» [2. С. 269].

Е.В.Какорина подчёркивает: «Переключаясь на новый канал распространения информации и попадая в новое информационное поле, интернет-СМИ неизбежно вбирают в себя черты, свойственные данной информационной среде» [4. С. 69]. Таким образом, текст онлайн-газеты включает главные родовые качества Интернета, о которых говорят все медиаисследователи — *гипертекстуальность*, *мультимедийность* и *интерактивность*. Это своего рода «три кита», на которых основывается специфика функционирования сетевых СМИ в целом, и медиатекста в частности.

Далее рассмотрим каждое из свойств более детально.

Термин «*мультимедиа*» впервые был использован в 1965 г. Бобом Гольдштейном, который применил его, чтобы описать поставленное им шоу, включавшее в себя музыку, световое оформление, кино [13. С. 3]. Сегодня под мультимедийностью понимают «использование для передачи и “упаковки” информации не только в вербальной (текстовой), но и в других знаковых системах», в том числе графической, звуковой, анимационной и т.д. [10. С. 75]. И хотя, как отмечает М.М.Лукина, «старые» каналы тоже не были абсолютно мономедийными (в печати использовалась не только вербальная, но и визуальная информация, на радио и телевидении — не только картинка и звук, но и текст), однако «именно Интернет дал возможность журналистам использовать все знаковые системы для создания своих текстов» [13. С. 2]. Мультимедийность, как подчёркивает Ричард Вурф, обогащает содержание, предоставляя многообразие выбора формы и источника получения информации для читателя; кроме того, подобная «монтажная структура» текста придаёт ему такие характеристики, как динамизм, интегральность и многоплановость.

Другое свойство сетевого медиатекста — *интерактивность*, которую М.М.Лукина и И.Д.Фомичева определяют как многосторонний информационный обмен с потребителем, причём как с отдельными представителями, так и с аудиторией в целом [10. С. 84]. Важным фактом является то, что формы интерактивности существуют и в печатных изданиях (например, письма редактору), однако они существенно ограничены. Направленность действий коммуникационного процесса является, как правило, «вертикальной», ограничиваясь конфигурациями: «от одного — к одному», «от одного — к многим», «от многих — к одному». В целом, однако, аудитория оставалась пассивной. Новая медиасреда, оптимизируя интерактивные формы печатных изданий, также открыла новую возможность так

называемого «горизонтального общения» [4. С. 69], или коммуникации по схеме «от многих ко многим» [10. С. 80] — теперь читатели могут общаться друг с другом и становиться свидетелями того, какую реакцию вызывает материал у остальной аудитории.

И.Д.Фомичева предлагает различать понятия «интерактивность» и «обратная связь», указывая на то, что первое намного шире. «Обратная связь — это реакция, отклик субъекта на информационное воздействие (материал, передачу)» [15. С. 19]. В этом качестве, по мнению И.Д.Фомичевой, выступают в том числе форумы, а также и показатели посещаемости сайта, поскольку они демонстрируют степень заинтересованности пользователя в контенте, что даёт представление об интересах аудитории. «Интерактивность же предполагает и другие возможности: контроля пользователя над содержанием (запрос, оценка), участия в его формировании через постановку проблем для освещения и обсуждения, инициативу в обсуждении, авторство, обмен мнениями с другими пользователями и т.п.» [15. С. 19].

Следующее характерное свойство медиатекста основано на понятии «гипертекст», который определяется Словарём культуры XX века как «текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» [цит по: 6. С. 136]. Как говорил «отец-основатель» гипертекста Тед Нельсон, главная особенность гипертекста заключается в том, что он создает систему связи между отдельными документами с помощью встроенных в текст гиперссылок [10. С. 71]. А.А.Калмыков, Л.А.Коханова выделяют следующие три основные характеристики гипертекста:

1. Дисперсность структуры. Информация представляется в виде небольших фрагментов-гнезд, и «войти» в эту структуру можно с любого звена.

2. Нелинейность гипертекста. Читатель отныне волен (вынужден) сам выбирать путь чтения, создавая при этом свой текст.

3. Разнородность и мультимедийность, т.е. применение всех средств воздействия на потребителя-читателя, какие только возможны технически в данной системе [6. С. 137].

Рассмотрим реализацию мультимедийных, интерактивных и интертекстуальных инструментов на примере конкретных англоязычных онлайн-изданий. В целях анализа особенностей медиатекста был взят контент 11 американских изданий (The Chicago Tribune [www.chicagotribune.com]; the Denver Post [www.denverpost.com]; the Los Angeles Times [www.latimes.com]; the New York Daily News [www.nydailynews.com]; the New York Post [www.nypost.com]; the New York Times [www.nytimes.com]; the San Jose Mercury News [www.mercurynews.com]; the Seattle Times [www.seattletimes.com]; the Wall Street Journal [www.online.wsj.com]; the Washington Post [www.washingtonpost.com]; USA Today [www.usatoday.com]) и 11 британских онлайн-газет (The Daily Mail [www.dailymail.co.uk]; the Daily Star [www.dailystar.co.uk]; the Economist [www.economist.com]; the Financial Times [www.ft.com]; the Guardian [www.guardian.co.uk]; the Independent [www.independent.co.uk]; the London Evening Standard [www.thisislondon.co.uk]; the Observer [www.observer.guardian.co.uk]; the Sun [www.thesun.co.uk]; the Telegraph [www.telegraph.co.uk]; the Times [www.thetimes.co.uk]). Выбор материала не случаен: именно эти издания входят в списки лидеров по количеству читателей, что подтверждается исследованием Бюро по контролю за тиражами газет и журналов (AuditBureauofCirculations, ABC) на основе данных за первую половину 2011 г. [18; 21]. При составлении данного рейтинга учитывалась совокупная аудитория как печатных, так и сетевых версий изданий. Что же касается официальных сайтов рассматриваемых газет, количество их читателей также ставит их в число лидеров по посещаемости, по исследованию Бюро по контролю за тиражами [23, URL]. Это во многом обусловлено авторитетностью, известностью их так называемых «офлайновых родителей», высоким уровнем доверия к существующему бренду.

Репрезентативность полученного материала достигается за счёт того, что рассматриваемые газеты принадлежат к различным статусным категориям, а также имеют разную тематическую специализацию. Это и серьёзная, так называемая «качественная» пресса (*qualitypress*), и таблоиды. В число исследуемых газет входят как общенациональные (the USA Today, the Wall Street Journal и т.д.), так и региональные (the Los Angeles Times, the Chicago Tribune, the Washington Post, the New York Daily News, the London Evening Standard и т.д.). Однако с выходом на интернет-платформу эти границы становятся условными, поскольку ввиду общедоступности материала аудитория не ограничена территориальными рамками ни региона, ни страны в целом.

Итак, проведённый нами анализ условий функционирования медиатекста в указанных источниках показал, что мультимедийные инструменты в рассматриваемых онлайн-газетах представлены:

- пёстрым, высокоинформативным интерфейсом стартовой страницы (home page), обрамлённой яркими рекламными баннерами, часть которых оснащена флеш-функциями;
- статичной и анимационной графикой;
- фото-, видео-, аудиоматериалами, также встроенными в тело статьи в качестве дополнения к содержанию или точного его воспроизведения в другом формате (аудиоверсия текста);
- слайд-шоу популярных тем с опцией управления воспроизведением;
- разнообразными виджетами (прогноз погоды, сводки с финансовых бирж, афиша, телепрограммы).

Интерактивные инструменты предлагают пользователям онлайн-газеты следующие возможности:

- отправить материал по e-mail друзьям и знакомым;
- участвовать в онлайн-голосовании (poll, question of the day), делая выбор одного из предложенных вариантов ответа, а затем посмотреть текущий рейтинг ответов;
- оценить материал и комментарии к нему (кликнув по иконке «нравится»/«не нравится», стрелке вниз/вверх, «рекомендовать» или присвоив определённое количество звёзд от 0 до 5), что формирует совокупный рейтинг текста;
- активизировать связь текста с социальными сетями: присоединиться к официальной странице издания в социальных сетях LinkedIn, Twitter, Facebook, использовать опции «понравилось» и «поделиться с друзьями» (публикация ссылок на материал на личной странице в социальных сетях Facebook и/или Twitter, Tumblr, Reddit), при этом существует возможность видеть количество рекомендаций или ссылок, сделанных другими читателями через Facebook, Twitter;
- комментировать через систему DISQUS, Twitter, а также видеть список твитов по теме, обновляемый в режиме реального времени (livefeed), дать ответ на комментарий конкретного пользователя;
- участвовать в форме;
- при условии регистрации добавлять собственные фото- и видеоматериалы с опцией выставления рейтинга;
- подписаться на обновления через e-mail (newsletters), отправить комментарий или вопрос напрямую в редколлегию газеты с указанием контактных данных, заполнив поля специальной формы (feedback);
- пообщаться с журналистом газеты в режиме реального времени (livechat), предполагается односторонний доступ к видеоизображению с опцией публикации вопросов и комментариев в окне чата и напоминанием о времени онлайн-встречи заранее по электронной почте.

Гипертекстовые инструменты представлены на анализируемых сайтах в следующем виде:

- ссылки на наиболее популярные статьи внешних источников;
- возможность сортировать комментарии по популярности, дате публикации;
- расширенная навигация по тексту и по сайту: функция «карта сайта», рубрикация материала по темам, по региону, жанрам (commentary, editorial, letters, blogs, columns, etc.);
- переход по ссылкам через рубрику, подрубрику, имя автора (возможность прочитать другие его материалы);
- ключевые слова в теле текста, прикрепленные к тексту тэги;
- передвижение на тему вперед (next story) или на тему назад (previous story);
- рекомендации других материалов по теме (related topics), рубрикация по принципу «привязки» одного сюжета к другому;
- лента с возможностью перехода к «горячим новостям» (hot topics, breaking news), материалам, рекомендованным редакторами, наиболее комментируемым (most commented), наиболее читаемым (most viewed), получившим самый высокий (best rated) и/или самый низкий рейтинг (worst rated);
- функция внутреннего (по архивам сайта) и внешнего поиска (по Сети), опция сортировки результатов поиска по релевантности, дате публикации;
- различные возможности манипулирования форматом медиатекста (увеличить/уменьшить размер шрифта, увеличить размер встроенного в текст изображения, перевести в более пригодный для вывода в печать формат (printable version), распечатать текст).

Дополнительные функции манипулирования контентом онлайн-газеты включают в себя: получение обновлений в формате RSS, добавление газеты в качестве приложения iPad, создание кастомизированной страницы (при условии регистрации), подразумевающей подборку материалов с учётом личных интересов.

Таким образом, мы рассмотрели дополнительные функции, которые приобретает текст в онлайн-газете. С их помощью публицистический материал раскрывает уникальный потенциал, будучи представленным в новой, динамической роли. Другой вопрос, который возникает в связи с этим, — сказываются ли изменения в условиях функционирования на языковых характеристиках рассматриваемого медиатекста? Приведем некоторые примеры.

В печатном формате составителю текста всегда необходимо иметь в виду необходимость размещения материала на газетной странице в рамках доступного места. Особенная сложность заключается в составлении заголовка, поскольку при типографском наборе каждая строка заголовка должна соответствовать по своему размеру числу допустимых знаков. В онлайн-формате такой проблемы не возникает, автор не ограничен пространственными рамками, тем не менее, перед ним встают задачи нового плана.

Учитывая высокую конкуренцию между СМИ-ресурсами в Сети, приоритетом создателей контента онлайн-газеты, безусловно, является привлечение и удержание внимания читателей и увеличение сегмента регулярных посетителей. Одним из способов достижения этой цели является создание броского заголовка. Такая задача всегда стояла перед журналистами и печатных изданий, однако, в онлайн-формате газет её актуальность значительно выше, что обусловлено мультимедийными и гипертекстуальными свойствами представленной информации. Из-за обилия внешних и внутренних гиперссылок, аудио- и видеоматериалов, графики, анимации, рекламных блоков на страницах интернет-газет внимание посетителя может рассеиваться, и сконцентрировать его на конкретном вербальном объекте становится достаточно сложной задачей. Эту тенденцию подтверждают современные наблюдения: «...повсеместная визуализация журналистского текста ... достаточно часто приводит к “дисбалансу”, когда внешняя составляющая, заведомо более активно воспринимаемая аудиторией, настолько превалирует над словом, что просто “затмевает” его» [13. С. 8].

Еще одной причиной сниженной концентрации внимания может являться другой режим чтения. Специалисты считают, что «люди редко читают текст по словам; вместо этого они сканируют страницу, выхватывая отдельные слова и фразы». Они утверждают, что «79% процентов участников теста сканируют любую новую страницу и только 16% читают слово за словом» [цит. по: 5]. При условиях беглого прочтения материала посетителем его подача должна максимальным образом быть нацелена на привлечение интереса, в частности, путём повышения экспрессивности медиатекста.

Кроме того, журналист должен структурировать медиатекст так, чтобы он обладал повышенной «поисковой способностью», что обеспечит широкую доступность материала в огромных информационных потоках Интернета. В связи с этим А. Качкаева дает следующие рекомендации построения заголовков медиатекста: 1) всегда следовать грамматической структуре; 2) строить заголовок как можно ближе к форме нормального предложения (это означает, что нужно сделать не столько «огневой» и броский заголовок, сколько понятный, сохраняя знаки препинания и дополнительные слова, которые часто отсутствуют в газетных заголовках); 3) избегать штампов, свойственных заголовкам; 4) в заголовке уже должна быть конкретика в названии субъекта и объекта [7. С. 151].

Также перед журналистом встает задача активизировать читателя, вызвать высокие рейтинги, живое обсуждение для повышения популярности материала, что сделает его более доступным для широких масс (благодаря функции рекомендации самого читаемого материала), а также вовлечет читателя в жизнь сайта, стимулируя более продолжительное пребывание на его онлайн-страницах и, в конечном счете, повышая его трафик.

Таким образом, особая форма организации информационного онлайн-пространства требует адаптации публицистического материала для того, чтобы он отвечал изменившимся условиям функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М., 2004.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М., 2008.
3. Игнатъева А.С. Метафорика научно-публицистического медиатекста online-формата: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006.
4. Какорина Е.В. СМИ и интернет-коммуникация (области пересечения и проблемы взаимодействия) // Язык современной публицистики: Сб. статей. 3-е изд. М., 2008.
5. Калмыков А.А. Интернет-журналистика в системе СМИ: становление, развитие, профессионализация: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
6. Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. М., 2005.
7. Качкаева А. От редактора. Заметки на полях // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. М., 2010.
8. Кирия И.В. Что такое мультимедиа? // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. М., 2010.
9. Костина А.В. Тенденции развития культуры информационного общества: анализ современных информационных и постиндустриальных концепций. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Information_Society
10. Лукина М.М., Фомичева И.Д. СМИ в пространстве Интернета: Учебное пособие. М., 2005.
11. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. URL: http://www.yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf
12. Машкова С.Г. Интернет-журналистика: Учебное пособие. Тамбов, 2006.
13. Медиа Тренды. 2011. № 2(19).
14. Носик А. СМИ русского интернета: теория и практика. URL: <http://www.nethistory.ru/biblio/1043177564.html>
15. Фомичева И.Д. Социология интернет-СМИ: Учебное пособие. М., 2005.
16. Харитонов В. Медиа — в массы! URL: <http://www.computerra.ru/261120>

17. Шевелева И.А. Лингвистический подход к исследованию интернет-журналистики в парадигме современных медиаисследований // Вестник СамГУ. 2010. № 3 (77).
18. Audit Bureau of Circulations. URL: <http://www.accessabc.wordpress.com/2011/05/03/fas-fax-top-25-charts-for-u-s-newspapers-2>
19. Boczkowski P.J. Digitizing the News: Innovation in Online Newspapers. URL: http://www.books.google.com/books/about/Digitizing_the_News.html?id=2YPw9Oox70C
20. Internet World Stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>
21. List of newspapers in the UK. URL: http://www.en.wikipedia.org/wiki/List_of_newspapers_in_the_United_Kingdom_by_circulation#cite_note-UK11-4
22. PressGazette. URL: <http://www.pressgazette.co.uk/story.asp?sectioncode=1&storycode=45910&c=1>
23. Wurff R., Lauf E. Print and online newspapers in Europe: A comparative analysis in 16 countries Newspapers. URL: http://www.books.google.com/books/about/Print_and_online_newspapers_in_Europe.html?id=yoSbUIqgPSMC
24. Xigen L. Internet newspapers: the making of a mainstream medium. URL: http://www.books.google.com/books/about/Internet_newspapers.html?id=z4X7LGj45QcC

**КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ
 СТРАТЕГИИ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ
 КОММУНИКАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ
 В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**CONVENTIONAL STRATEGIES
 AS A MEANS OF RESOLVING
 A COMMUNICATION CONFLICT
 IN A LEGAL DISCOURSE**

Аннотация. Рассматривается применение коммуникативных стратегий для решения конфликтов, возникающих в типичных для юридического дискурса коммуникативных ситуациях. Автор особо акцентирует внимание на конвенциональных стратегиях, то есть стратегиях, направленных на достижение согласия или компромисса.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия; коммуникативный конфликт; конвенциональная стратегия; манипулятивная стратегия; юридический дискурс; аргументативность; суггестивность.

Сведения об авторе: Никифорова Эльмира Шавкатовна, аспирант кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета.

Место работы: Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова.

Контактная информация: 110000, Казахстан, г. Костанай, ул. Чехова, д. 106/2, кв. 224; тел. (7142)568647; e-mail: n.e.sh_1975@mail.ru

Abstract. The article deals with the use of communicative strategies to resolve communicative conflicts typical in the sphere of juridical discourse. The author draws particular attention to conventional communicative strategies aimed at reaching agreement or compromise.

Key words: communicative strategy, communicative conflict, conventional strategy, manipulative strategy, juridical discourse, argumentativeness, suggestivity.

About the author: Nikiforova Elmira Shavkatovna, post-graduate student of Roman Languages and Intercultural Communication department of Chelyabinsk State University.

Place of employment: Kostanai State University named after A.Baitursynov.

На современном этапе развития лингвистической науки вопросы, касающиеся профессиональной коммуникации, приобретают первостепенное значение. Особый интерес вызывают так называемые коммуникативные профессии, то есть такие, в которых обмен информацией выступает основным средством профессиональной деятельности. Среди профессиональных сфер, привлекающих внимание лингвистов, можно выделить такие, как педагогическая, юридическая, общественно-политическая, медицинская, обслуживания и др.

Язык является мощным средством коммуникативного воздействия. Он позволяет не просто описывать какие-либо объекты или ситуации внешнего мира, но и интерпретировать их, задавая нужное адресанту видение мира, управлять восприятием объектов и ситуаций, навязывать их положительную или отрицательную оценку. Всё вышесказанное, несомненно, актуально применительно к сфере права вообще и судопроизводства в частности.

В языковой коммуникации (судоговорении, судебной речи) язык выступает источником и хранилищем потенциальной информации. В ходе судебного процесса в зале суда источником информации являются участники процесса, люди. Они говорят непосредственно сами за себя (дают или снимают показания, дают оценку действиям сторон, обосновывают свои решения, пытаются влиять на решения других людей) или говорят заочно при помощи письменной речи (протоколы следственных действий, другие письменные документы).

Адресатом речевого сообщения является судебная аудитория.

В современной юридической теории существует тенденция к осознанию важности коммуникативной составляющей права (Н.Д.Голев, Е.И.Горошко, О.П.Сологуб). Правовая коммуникация формируется по образу и подобию естественных семиотических систем (Н.Д.Голев). Естественный язык входит в структуру юридического дискурса, отражает и формирует сознание его участников [1. С. 14].

Судоговорение происходит в определённом контексте, который можно назвать коммуникативной ситуацией. Коммуникативная ситуация в рамках юридического дискурса априори предусматривает наличие определённого коммуникативного конфликта, поскольку участники судебного процесса выступают в роли оппонентов, имеющих равный статус перед судом. Их целью является доказательство своей правоты, основанное на убеждении и аргументации. Для того чтобы убедить в своей правоте, повлиять на мировоззрение участников процесса, коммуниканты сознательно избирают ряд коммуникативных стратегий.

Остановимся подробнее на определении коммуникативной стратегии. Термин «коммуникативная (речевая) стратегия» получил в лингвистике широкое распространение и широкое толкование. Под стратегией, в частности, понимают: принцип построения процессно-ориентированной модели интерпретации текста; выполнение некоторого речевого действия; средство достижения высокой степени успешности высказывания; принцип построения любой осмысленной коммуникации; глобальную модель организации межкультурного делового общения; принцип управления конфликтом в политической коммуникации; «насилие» над адресатом, направленное на изменение его модели мира, на трансформацию его концептуального сознания; образ взаимодействия наблюдателя со средой и т.д.

В современной лингвистике существует также несколько подходов к рассмотрению этого явления: текстовый подход (стратегия — элемент текста), риторический подход (стратегия — реализация коммуникантом плана построения своего речевого поведения), психологический подход (стратегия — определение направления развития и организация действий при целостном осознании ситуации), когнитивный подход (стратегия — совокупность процедур над моделями мира участников ситуации), прагматический подход (стратегия — цепочка решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств). Все эти подходы не противоречат друг другу, они лишь рассматривают сложное явление с разных сторон. Очевидно то, что в понятие коммуникативной стратегии входит содержание выбора определённых действий, направленных на достижение определённой цели, а также постоянные усилия, направленные на поддержание этого выбора.

Отметим, что в последнее время проблемы коммуникации зачастую рассматривают в рамках гуманитарных технологий. Гуманитарная технология — это социальная технология, основанная на практическом использовании знаний о человеке в целях создания условий для свободного и всестороннего развития личности. Гуманитарные технологии могут превратить процесс общения как в манипуляционный, так и в конвенциональный. Для этого используются определённые коммуникативные стратегии. Исследователями выделяются три типа коммуникативных стратегий, которые описывают основные социальные процессы, порождающие коммуникационные действия. К ним относятся презентация, манипуляция и конвенция, причём презентационный тип является пассивной коммуникацией, манипулятивный тип — активной, конвенциональный — интерактивной. Основными средствами выражения являются: для презентации — послание, для манипуляции — сообщение, для конвенции — диалог [2].

Коммуникативное воздействие, как правило, направлено на разные уровни сознания адресата: на знания (когнитивный), отношения (аффективный) и намерения (конативный). Способы воздействия также различаются: можно влиять на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (убеждение), через эмоциональную сферу (вызов чувственной реакции) или воздействуя на подсознание (суггестия), причём воздействие осуществляется с помощью вербальных и/или невербальных средств.

Тексты юридического дискурса относятся к аргументативно-суггестивным, то есть оценочность, субъективность, эмотивность и экспрессивность играют в них не менее важную роль, чем денотативная информация.

Аргументативность основывается на логико-риторических характеристиках текста, реализующих воздействие адресанта на мнения и рациональные оценки реципиента, а также косвенное регулирование его рационального поведения. Сuggestивность текста подразумевает те его формальные, структурные и семантические характеристики, которые воздействуют на подсознание читателя посредством активизации ритмических, звуковых, тематических, словесных ассоциаций, вызывая бессознательные эмоции, мысли, образы и формируя бессознательные установки [3. С. 34].

Рассмотрим на конкретных примерах, взятых из текстов юридического дискурса, с помощью каких коммуникативных стратегий строится процесс общения участников судебного процесса. Отметим, во-первых, тот факт, что в рассматриваемых текстах проявляется разнообразие средств, избираемых для передачи информации: от нейтрального изложения до стилистически окрашенного.

В качестве примера нейтрального изложения приведем текст, в котором адвокат вкратце излагает суть дела, предлагая вниманию аудитории лишь факты в логической последовательности: «Поэтому мы считаем, что нам необходимо донести еще раз до судебной коллегии те доводы, которые касаются применения процессуального права в этом деле.

Во-первых, я бы остановился на доводах, приведенных в дополнительной жалобе, которая была представлена на прошлом судебном заседании. Это довод об истечении срока давности.

Мы считаем, что суд первой инстанции, принимая решение о продлении срока содержания Алексаняна под стражей до 22 января 2009 года, обязан был учесть очевидное и всем понятное из обвинительного заключения истечение срока давности привлечения Алексаняна по ст. 160, которое наступало именно в этот срок, а именно 1 декабря 2008 г.

В силу статьи 78 УК лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности, если со дня совершения тяжкого преступления истекли 10 лет. Инкриминируемое Алексаняну деяние относится к тяжким преступлениям, соответственно срок давности по этим преступлениям составляет 10 лет» (стенограмма заседания коллегии Московского городского суда по делу Василия Алексаняна).

Примером стилистически окрашенного изложения может послужить следующий фрагмент, в котором используется эмоционально окрашенная лексика с резко отрицательной коннотацией, так называемая пейоративная лексика: «Тот судебный акт, который мы сегодня обжалуем, основан на **немотивированных, голословных утверждениях** и свидетельствует о том, что эта процедура превращена в **фикцию**» (стенограмма заседания коллегии Московского городского суда по делу Василия Алексаняна).

Приведенные примеры демонстрируют реализацию конвенциональной коммуникативной стратегии. Участники коммуникации излагают объективную информацию о событии, дополняя ее другими фактами и предоставляя слушателю самостоятельно делать выводы.

Конвенциональные коммуникативные стратегии принципиально отличаются содержанием и набором средств для своего выражения. Для конвенции характерен прямой диалог, вопросно-ответные построения, ссылки на источники информации, аргументированность изложения. Проблемы и их возможные решения выражаются эксплицитно, выстраивается диалог, целью которого является получение объективной информации:

«Адвокат Резник: Я задам Вам несколько конкретных вопросов и хочу получить на них конкретные ответы. Вы были знакомы с Эстемировой?

Мнацаканян: Да. С 92-го года.

Адвокат Резник: С 92-го года. Скажите, пожалуйста, известно ли что-нибудь Вам о встречах Эстемировой с Рамзаном Кадыровым? Если известно, то скажите, что происходило на этих встречах, в частности не высказывалось ли там каких-то конфликтов, не высказывалось ли каких-то угроз? Пожалуйста» (стенограмма судебного заседания по

уголовному делу о клевете, возбуждённому против председателя Совета правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова).

Рассматривая реализацию коммуникативной стратегии конвенционального типа, можно выявить следующие особенности языкового выражения. Стиль изложения материала близок к нейтральному, авторами употребляется небольшое количество образных средств и фигур речи, что придает изложению большую объективность.

Необходимо отметить и тот факт, что в ходе реального судебного заседания не представляется возможным придерживаться исключительно конвенциональных стратегий, поскольку сама ситуация противопоставления оппонентов, конфликта интересов предусматривает соперничество, а следовательно, желание манипулировать сознанием слушателей, изменить их мировоззрение, картину мира или фрагмент этой картины. По этой причине манипулятивные стратегии применяются наряду с конвенциональными.

При реализации манипулятивной стратегии текст содержит большое количество импликатур, которые могут быть реализованы за счет стилистических приёмов и выразительных средств языка: «Скажите, пожалуйста, тогда **Ваши** умозаключения, **Ваше** мнение, **Ваше** чувство, которые **Вас** посетило после прочтения данной публикации?» (повтор, апелляция к сознанию и, главное, к чувствам адресата).

«Будет ли он в **мучениях** пребывать **свои последние дни**, испытывать те **страдания**, которые он сейчас испытывает, либо всё-таки этот **отпущенный срок** проведёт вместе с людьми, которых он любит, которые любят его, с членами его семьи, может быть, это скрасит немножко его **горькие будни**» (в своей речи адвокат использует эмоционально окрашенные слова и выражения, рисует печальную картину, пытается показать всю безысходность положения своего подзащитного, тем самым взывая к чувству сострадания, призывая суд изменить ранее принятое решение).

Использование в тексте специальных синтаксических построений также способствует достижению желаемого эффекта воздействия на адресата: «Когда приводишь ещё и следующие и следующие доводы, видишь их совокупность — думаешь: ну почему суд так демонстративно несправедлив к Александяну? Ну почему нужно доказывать очевидные вещи и говорить сейчас уже в который раз о вещах, которые, наверное, понятны всем, и по-человечески, и юристам, и не юристам? ... И так называемая социальная опасность личности; суд упомянул об этом, не удосужившись даже объяснить, в чём же повышенная социальная опасность Александяна? ... В чём социальная опасность Александяна? Он что, какой-нибудь разбойник с большой дороги, совершил убийство, насильственные действия?» Риторические вопросы в речи адвоката заставляют слушателей усомниться в правоте оппонента, причем адвокат не просто прибегает к риторическим вопросам, а использует их в большом количестве, что, несомненно, усиливает желаемый эффект.

«В каких условиях он сейчас пребывает? Не говоря о том, что он испытывает **невероятные физические страдания, огромные мучения**, не менее **тяжкие страдания** доставляет ему само содержание под стражей. Решётки, охранники, само сознание, что ты под стражей...». Адвокат прибегает к приёму имитированного диалога: сам задаёт вопрос, сам же на него отвечает, при этом чётко прослеживается импликация: «Любой **здравомыслящий гуманный** человек, а **Вы**, слушатель, **именно такой**, ответил бы так же на этот вопрос». Кроме того, используется односоставное назывное предложение: «Решётки, охранники, само сознание, что ты под стражей...», которое акцентирует внимание на внешних атрибутах несвободного состояния индивида (*решётки, охранники*), а также на его внутреннем состоянии (*само сознание, что ты под стражей*). Целостный образ создаётся также за счёт употребления эмоционально окрашенной лексики: *невероятные физические страдания, огромные мучения, не менее тяжкие страдания*.

Источником коммуникативных скрытых смыслов является также коннотативная и ассоциативная семантика слов: «суд так **демонстративно несправедлив** к Александяну»,

«...говорить сейчас уже в который раз о вещах, которые, наверное, **понятны всем, и по-человечески, и юристам, и не юристам**» (использование интенсификаторов).

Используя коммуникативные приемы, действующие в обход сознательного восприятия адресата, автор текста добивается формирования у него желаемого представления о мире, которое может не соответствовать действительности.

Итак, становится вполне очевидным тот факт, что в коммуникативных ситуациях, возникающих в рамках юридического дискурса, неизбежно возникают коммуникативные конфликты, как и в любой другой сфере общения. Эти конфликты, их преодоление являются движущей силой общения, поскольку без противоречий и конфликтов невозможно никакое развитие. Но для достижения определённого результата необходимо эти конфликты продуктивно разрешать. Для этой цели участники коммуникации сознательно, а иногда и неосознанно прибегают к определённому набору коммуникативных стратегий. Чтобы общение в сфере права было продуктивным и результат соответствовал ожиданиям общества, необходимо прибегать в большинстве случаев к конвенциональным стратегиям, которые позволяют построить конструктивный диалог, убедить собеседника и слушателей при помощи логических построений и апелляции к здравому смыслу. При этом сама ситуация общения, состязательный характер судебного процесса иногда требуют включения в речь манипулятивных стратегий, которыми, однако, на наш взгляд, не следует злоупотреблять, поскольку манипуляция всегда связана с насилием над личностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцева В.А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011.
2. Мартынова Ю.А. Анализ коммуникативных стратегий в общественно-публицистическом дискурсе // Изв. Саратов. ун-та. 2009. Т. 9. Вып. 2.
3. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследований: Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009.

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
 АРГУМЕНТАЦИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ
 РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ**

**LINGUO-COGNITIVE FEATURES
 OF ARGUMENTATION IN A GERMAN
 LANGUAGE RELIGIOUS DISCOURSE**

Аннотация. Рассматриваются особенности реализации аргументативной стратегии в речах немецкоязычных проповедников. Аргументация в проповеди основывается на апелляции к различным ментальным уровням. В рамках данной статьи анализируются лингвокогнитивные особенности апелляции к образцу. В качестве образцов выступают Бог, Иисус, ученики, религиозные лидеры и представители церкви, простые верующие, прихожане.

Ключевые слова: религиозный дискурс; проповедь; аргументация; апелляция к образцу.

Сведения об авторе: Салахова Аделина Гюль-Балаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Abstract. The article deals with peculiar ways of argumentation in speeches of German missionaries. The argumentation in the sermon is based on an appeal to the various mental levels. In this article the linguocognitive ways of appeal to the sample are analysed on the base of Gods, Jesus, religious leader's behavior models.

Key words: religious discourse; sermon; argumentation; appeal to masters behavior model.

About the author: Salahova Adelina Gul-Balaevna, candidate of Philology, assistant professor of the German language department.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Контактная информация: 454084, г. Челябинск, Свердловский проспект, д. 39, кв. 60; тел. (908)5727287, (351)7997151; e-mail: adelina-salakhova@yandex.ru

В процессе коммуникации каждый ее участник преследует свои определенные цели. К функциям коммуникативного процесса относятся информативная, прагматическая, рекреативная, эмоционально-оценочная, апеллятивная и другие. В рамках религиозного дискурса агенты (священнослужители) воздействуют на клиентов (слушателей, прихожан, верующих, коллег) с целью оказать влияние на адресата, его мировоззрение, морально-этические нормы, модели поведения. Говоря о коммуникативной ситуации проповедования, перед агентами религиозного дискурса стоит задача разъяснить вероучение, призвать слушающих к вере и покаянию, утвердить их в вероучении.

Для того чтобы проповедь достигла своей цели, проповедник использует ряд аргументативных средств. Одним из способов аргументации является аргументация при помощи образца. Посредством этого говорящий сознательно или неосознанно побуждает слушателя к имитации необходимого типа поведения. Образцами могут служить лица или группы лиц, общественный престиж которых повышает значимость их поступков [1]. Образец указывает на оптимальное в данной ситуации и в данное время поведение, следование которому гарантирует высокую оценку в глазах общества, повышение собственного авторитета, самоудовлетворение.

В зависимости от вида проповеди существуют различия в использовании образцов как аргументов в проповедческих текстах. Так, в разъяснительной проповеди образец является основным структурным элементом текста. Суть такого вида проповеди — разъяснить смысл Библии, библейские истины и подвести христиан к применению смысла этого текста в их сегодняшней жизни. Целью разъяснения смысла Писания является соотнесение прошлого и настоящего или раскрытие значения библейской истины для современности.

В качестве образца поведения в этих проповедях чаще всего выступает совершенное существо, представленное в виде идеи или образа Бога либо его заместителя, пророка на земле. Так, Бог наделяется человеческими чертами, оставаясь недостижимым образцом. Например, Бог говорит, его можно услышать, понять, прочесть (Gott spricht, Gott ist hörbar,

verstehbar, lesbar in unserer Wirklichkeit. Er bedient sich des Irdischen...). Однако Бог остается совершенным, высшим существом, не похожим на людей (Gott hat sein ewiges Wort, den Logos, seinen tiefsten Sinn, sein Leben in diese Welt hineingesprochen) [3].

Несмотря на свои сверхъестественные свойства, Бог часто ведет себя с другими людьми как живой человек. Он обладает человеческими качествами, такими, как отеческая любовь, сострадание, бескорыстие. Он жертвует своим единственным сыном, обрекая на нечеловеческие муки, ради спасения человечества, а не ради власти на земле. «Denn Gott hat die Welt so sehr geliebt, dass er seinen einzigen Sohn hingab, damit jeder, der an ihn glaubt, nicht zugrunde geht, sondern das ewige Leben hat. Denn Gott hat seinen Sohn nicht in die Welt gesandt, damit er die Welt richtet, sondern damit die Welt durch ihn gerettet wird» [4]. Для большинства людей свойственно заботиться о своих детях и стараться обеспечить им хорошее будущее, жизнь, полную достатка, а не лишений. Показывая Бога, проповедник апеллирует к нравственным принципам христианского вероучения. В качестве образцов часто выступают Иисус и его ученики.

Как правило, в проповеди священник анализирует какую-либо морально-нравственную проблему современного общества, при этом он описывает создавшуюся, зачастую негативную ситуацию, делает нравственные выводы и показывает альтернативное, желаемое поведение, отвечающее религиозным требованиям. Чтобы быть понятым слушателями правильно и не навязывать прямо собственного мнения, в качестве подтверждения своих слов проповедник иллюстрирует ожидаемое от слушателей поведение, ссылаясь на действия авторитетного лица. Авторитет человека, выступающего в качестве образца, не должен вызывать подозрений и негативной реакции. С одной стороны, он должен быть абсолютным авторитетом, «высшим существом» по определению Х.Перельмана, но с другой стороны, между ним и слушателями не должно быть огромного различия, будь оно духовное, временное или культурное [2].

К примеру, в своей проповеди архиепископ Иоахим Майснер проводит параллели между действиями Бога, описанными в Ветхом Завете, действиями Иисуса, изложенными в Новом Завете, и современной ситуацией в Кельне накануне отбытия vicария Райнера Марии Вёльке, назначенного папой римским архиепископом Берлина. «Unser Gott zeigt sich im Alten Bund als der Gott der wandernden Völker, der herauf ruft und Abraham und seine Nachkommen auf die Wege bringt. Christus ruft seine Jünger, indem er ihnen sagt: „Kommt!“ Und er sendet sie kurz danach, indem er zu ihnen spricht: „Geht!“. Wir erleben heute Abend eine solche Stunde des Aufbruchs und Abschieds, indem der ernannte Erzbischof von Berlin den Ruf Gottes durch die Berufung des heiligen Vaters angenommen hat und als Konsequenz nun aufbrechen wird, um dorthin zu gehen, wohin der Herr ihn bestellt und wo er schon von ihm erwartet wird» [5]. В данном отрывке проповеди использован целый ряд вербальных средств персуазивного воздействия на адресата. Синтаксический параллелизм, использование анафорических и эпифорических повторов позволяет эксплицитно показать связь между творцом всего живого, непререкаемым образцом христианского служения и действиями назначенного архиепископа. Говорящий акцентирует внимание на том, что по призыву Бога Авраам и его потомки двинулись в путь из Харрана, а после того, как Авраам прибыл в землю Ханаанскую, Господь одобрил его действия (Быт. 12:1—7), указывая на «правильное» поведение Авраама, его предназначение и служение Богу и людям. Далее священник повторяет прецедентную ситуацию служения Богу рассказом о Иисусе и его учениках, которые так же как и Авраам были посланы Иисусом проповедовать христианство. И Авраам, и апостолы по велению Бога должны были уйти с обжитых мест ради служения Богу. Тем самым говорящий проводит параллели между образцами христианского служения и современником, vicарием Вёльке, показывает избранность, высокое христианское значение нынешнего архиепископа Вёльке. Его назначение в Берлин определяется как степень смирения, а его поведение как истинное служение Богу.

В воспитательной проповеди бывшего епископа Айхштета В.Миксы говорится о необходимости плодотворного диалога между различными религиями. Проповедник описывает ситуацию в Германии, указывает на возникающее и нарастающее среди немцев недовольство, а порой и непримиримое отношение к инаковерующим, в частности мусульманам, и призывает к терпимости, толерантному поведению по отношению к приверженцам другой веры, к диалогу с представителями других религий. В качестве подтверждения своих слов он апеллирует к авторитету папы римского Иоанна Павла II, призывающего к открытому диалогу между религиями для борьбы с терроризмом. Действия папы римского выступают как образец гуманного, разумного человека, стремящегося к миру и разрешению конфликтов между религиозными течениями, выступающего против терроризма. «So ist unser jetzige Papst... Er hat aufgefordert und darum gebeten, dass jeder von den Religionsvertretern in seiner Art wie er das Göttliche, wie er das Übernatürliche versteht und durch das Gebet sich bewusst wird, dass wir im Aufschauen zum Göttlichen, im Aufschauen zu Gott nie und nimmer im Namen Gottes, nie und nimmer im Namen der Religion zum Krieg aufrufen können» [6]. Проповедник подчеркивает, что папа римский не говорил о том, что мы все верим в одного Бога и что нет повода для разногласий. Он призывал к тому, чтобы представители разных конфессий каждый со своих религиозных позиций пропагандировали среди своих приверженцев лишь одну мысль: «Поднимая взоры к Богу, мы не можем призывать к войне во имя Бога и религии». Говорящий не только показывает прихожанам модель образцового поведения в ситуации распространения терроризма на земле, но и подчёркивает авторитет папы римского как «пожалуй, единственного великого и заслуживающего доверия представителя человечества». «Mit dieser Einladung, ja mit dieser Besinnung, mit dieser geistlichen Ausrichtung des Lebens der verschiedenen Religionen im Blick auf eine Zukunft in Frieden und Gerechtigkeit, hat der Papst wohl als der einzige große und glaubwürdige Sprecher der Menschheit das richtige Ziel aufgezeigt!» Он указал верную цель своим приглашением к диалогу, призывом одуматься, переосмыслить свое поведение, направленностью духовной жизни различных религиозных течений на будущее в мире и равенстве. Проповедник не просто описывает действия папы римского, но и дает им оценку и значение для верующих всех конфессий. Тем самым слушатель получает образец для своих дальнейших действий, показанный на примере человека, высоко ценимого не только в христианском мире, но и в мире в целом.

Однако идеальный авторитет может быть воспринят слушателями как нереальное, слишком идеализированное, недостижимое существо. Поэтому проповедники показывают, что и образцам свойственно ошибаться. Например, один из учеников Иисуса Фома, который не верит в воскрешение Христа: «Wie nahe steht uns doch dieser Thomas: „Wenn ich nicht die Male der Nägel an seinen Händen sehe und wenn ich meinen Finger nicht in die Male der Nägel und meine Hand nicht in seine Seite lege, glaube ich nicht“» [5]. Он показывает неправильное с позиций христианского учения поведение. Проповедник сравнивает Фому с современным человеком. Так же, как Фома ищет материальные доказательства воскрешения Христа, современный человек ищет материальные доказательства «правильности» христианской религии. Это обусловлено нашим материальным мышлением. Впоследствии получив материальное подтверждение воскрешения, пораженный Фома повествует об этом чуде другим поколениям людей, не знавших и не живших во времена Христа. Он произносит слова, являющиеся догмой для каждого верующего: «Selig, die nicht sehen und doch glauben!» («Благословенны те, кто не видит, но верит!»). Тем самым проповедник старается предостеречь слушателей от неправильного с точки зрения христианской религии поведения современных людей. При этом он не раз подчёркивает, как похож сомневающийся в вере Фома на современного человека, требующего очевидных доказательств каким-либо фактам или утверждениям. Таким образом, говорящий подчеркивает, что современным людям, как и ученикам Иисуса, свойственно ошибаться. Но лишь те, кто истинно верит,

осознает свои ошибки и свою дальнейшую жизнь будет мерить по христианским моральным принципам.

Итак, проповедь имеет целью подвигнуть слушателей на определенные поступки, задуматься о дне сегодняшнем. Поэтому проповедники используют средства аксиологической аргументации. Аргументация при помощи образца является одним из эффективных приемов воздействия на слушателей. Она используется проповедниками как в разъяснительных, так и в воспитательных проповедях. В воспитательных проповедях образец употребляется в качестве иллюстрации какого-либо желаемого поведения, а в разъяснительных проповедях описание определенного образца лежит в основе текста проповеди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивин А.А. Теория аргументации: Учебное пособие. М., 2000.
2. Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Из книги «Новая риторика: Трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
3. Hanke G.M. Priesterweihe. URL: www.bistum-eichstaett.de/bischof/wortlaut
4. Mayer B. Joh 20, 19—31. Herberg, 2004.
5. Meisner J. Predigt zur Verabschiedung des ernannten Erzbischofs von Berlin. URL: www.erzbistum-koeln.de/dokumente/erzbischof/predigten
6. Mixa W. Allah — Gott als Vater.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

УДК 81'373

Е.А.Давыдова
Оренбург, Россия

E.A.Davydova
Orenburg, Russia

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОБЫТИЯ

ONTOLOGICAL MODELS OF EVENT

Аннотация. Рассматривается понятие «событие» как онтологическая категория в философии и как онтологическая категория в частных науках. Также представлены и описаны онтологические модели частных наук.

Ключевые слова: событие; онтология; модель.

Сведения об авторе: Давыдова Евгения Анатольевна, аспирант кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка.

Место работы: Оренбургский государственный университет.

Abstract. The notion «event» is considered as an ontological category in philosophy and as an ontological category in specialism in the article. Models of specialism are also presented and described.

Key words: event; ontology; model.

About the author: Davydova Evgeniya Anatolievna, postgraduate student of Romance Philology and French Teaching Methodology department.

Place of employment: Orenburg State University.

Контактная информация: 460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13; тел. (3532)372435; e-mail: Jannette3@yandex.ru

Понятие «онтологический» неразрывно связано с понятием «онтология». Онтология — это учение о бытии. Также она является разделом философии, который изучает фундаментальные принципы бытия, наиболее общие сущности и категории сущего. Иногда онтология отождествляется с метафизикой, но чаще рассматривается как ее основополагающая часть, т.е. как метафизика бытия [6]. Метафизика же в свою очередь — это наука о сверхчувственных принципах и началах бытия [4].

XX в. ознаменовался решительной переориентацией философского мышления в сторону онтологии. Эти изменения связаны с именем М.Хайдеггера. А.П.Огурцов отмечает, что немецкий философ, впервые после досократиков, адекватно ставит фундаментальный вопрос онтологии — вопрос о бытии как таковом (Sein), а не просто о «сущем» (Seiendes) [7].

Этот метафизический переворот связан с введением понятия «со-бытие» М.Хайдеггером. В его фундаментальной онтологии «событие уже есть». Событие — это длительность, «чистое явление, не соотносимое ни с каким деятелем». То, что он пытается определить как событие, можно отнести к длительности вне времени и пространства, длительности, в которой бытие становится тем, что есть. Событие предшествует, предваряет, открывает возможности бытия для всего того, что может произойти, случиться, стать. Событие (Ereignis) «особляет» все, что приобретает бытийственное значение, дарует всему являющемуся его собственную сущность, неповторимую и единственную: явление событийно в том смысле, в каком оно принадлежит самому себе [11].

Р.Ингарден рассматривает понятие «событие» с точки зрения так называемой критической онтологии (иногда употребляют термин «формальная онтология»). Польский философ в трактате «Спор о существовании мира» относит понятие «событие» к темпорально определенным объектам. Возникновение (более точно вхождение в бытие) некоторого положения вещей или некоторой предметной ситуации является событием. События характеризуются тем, что не имеют никакой длительности. Они происходят и тем самым перестают существовать. Они являются завершениями, результатами процессов или их началами (иногда их «пересечениями»). Событием не является само состояние вещей, возникшее в результате некоторого периода развития, так как и состояние вещей может иметь длительность, большую или малую [3. С. 149].

Все вышеперечисленное относится к онтологии вообще, но также существуют онтологии частных наук.

Так, например, классическая физическая модель события выпадит следующим образом [5. С. 111]:

Пространство + Время

В данной модели пространство и время не являются одним целым, они разделены.

В связи с появлением теории относительности возникает неклассическая физическая модель события, в которой время рассматривается как продолжение пространства. В.П.Руднев пишет о том, что событие только тогда становится событием, когда оно зафиксировано, т.е. за ним кто-нибудь наблюдает [10. С. 53]. Понятие «наблюдатель» уже давно и прочно употребляется в ряде дисциплин естественнонаучного комплекса, особенно в физике. С учетом всех параметров неклассическая физическая модель представляет собой следующую совокупность:

Пространство + Время (как четвертое измерение пространства) + Наблюдатель

В последнее время стали популярны работы по моделированию реальности, робототехнике и другим прикладным дисциплинам. Все эти области в той или иной степени связаны с искусственным интеллектом. С.Рассел и П.Норвиг в своей книге «Искусственный интеллект: современный подход» представляют искусственный интеллект как широкую область знаний. Они определяют искусственный интеллект как науку об агентах, которые получают результаты актов восприятия из своей среды и выполняют различные действия. В одной из частей этой книги авторы обсуждают способы представления знаний о мире, о том, как он функционирует, каковы его особенности.

С.Рассел и П.Норвиг выстраивают всеобъемлющую онтологию, в которой различные действия и объекты могут трактоваться как аспекты физического универсума. С.Рассел и П.Норвиг считают, что мир, в котором существуют люди, имеет три пространственных и одно временное измерения, при этом все эти изменения непрерывны. Далее они вводят категорию «событие», определяя ее как пространственно-временной фрагмент. Все события являются частью универсума [9. С. 460]. В интеллектуальных системах событие выглядит так:

Пространство + Время (как четвертое измерение пространства)

Событие в интеллектуальных системах и в неклассической физике сходны. В зависимости от того, какие цели перед собой ставит та или иная наука, такую модель события она и выстраивает.

С точки зрения различных социальных и смежных с ними наук жизнь общества наполнена социальными событиями. Об этих событиях чаще всего можно узнать из всевозможных СМИ.

Согласно А.А.Тертычному, модель социального события имеет следующие составляющие:

Участники события + Действия участников + Мотивы + Мысли + Условия

Заметим, что составляющие «события» по А.А.Тертычному существенно отличаются от моделей «события», представленных ранее.

Это обусловлено в первую очередь тем, что для журналиста важно провести причинно-следственный анализ, чтобы отобразить правильную последовательность событий (т.е. выяснить, какое событие являлось причиной, а какое — следствием), также журналист проводит и оценочный анализ события, т.е. выясняет его значимость для общества в целом, для отдельных групп или же для конкретной аудитории данного СМИ. Журналист должен быть готов к тому, что каждое событие может повлечь за собой еще не наступившие последствия. И выбор указанных выше составляющих «события» обусловлен причинно-следственным и оценочным анализом и прогнозом развития события [12. С. 37]. В этой модели на первый план выходит «человеческий фактор», что обусловлено направленностью социальных наук.

Если рассматривать событие в диахроническом срезе, то оно является фрагментом прошлой действительности. Как пишет Г.И.Пеев, действительность, взятая в аспекте истории, является совокупностью событий. Отдельное событие называется историческим, если оно охватывает большие массы людей и сказывается на их судьбе и на дальнейших исторических событиях. Биография отдельного человека также вырастает до крупного исторического события, если его личность накладывает отпечаток на ход истории и жизнь больших масс людей. С XVIII в. круг представлений об историческом событии расширился. В него стали включать практически все проявления общественной жизни более или менее значительной группы людей. В роли неповторимого исторического события рассматривается жизнь того или иного культурного региона, народа, эпохи. Статус исторических получают события, связанные с экономической, бытовой, культурной сторонами жизни соответствующего культурного региона, народа и т.п. Событие историческое имеет две стороны: внешнюю, которой оно соприкасается с другими событиями, и внутреннюю. Две стороны события тесно связаны между собой, но не равнозначны. Внешняя сторона его — это средство для выражения внутренней. Историческое событие нуждается в истолковании. Его внешняя сторона — символ более или менее скрытого внутреннего содержания, выступающего в качестве значения. Значение события не существует помимо него самого. Вместе с тем оно выходит за его пределы. Одно и то же значение может быть символически представлено в различных событиях. В свою очередь, одному и тому же событию нередко придается разное значение в зависимости от его истолкования. Историческое событие стремится вскрыть его значение для других событий. Ввиду уникальности каждого исторического события его истолкование никогда не бывает полным, исчерпывающим и единственно верным. Событие является концентрацией и воплощением времени [8. С. 230].

По мнению А.М.Еременко, историческое событие — это действие, совершаемое индивидуальным или групповым актантом, изменяющее существующие условия и обладающее относительной самостоятельностью в системе событий, целостностью и значимостью для хода исторического процесса [2. С. 44]. С точки зрения истории событие выглядит таким образом:

Субъект (индивидуальный или групповой) + Действие + Условия

Составляющие исторического события также отличаются от моделей события в естественных и точных науках, еще раз подчеркивая специфику гуманитарного знания.

Определить, что есть событие с точки зрения политических наук, непростая задача. Как верно отметил Д.И.Аксеновский, политическое событие можно попытаться определить двумя способами. Первый способ заключается в том, чтобы построить определение понятия через рассмотрение терминов «политика» и «событие». Эти понятия выступают как взаимобратимые: событие есть форма проявления политики, а политика наполняет содержанием событие. Недостаток такого способа заключается в том, что акцент делается

лишь на связи политического и событийного. Второй способ заключается в соотнесении изучаемого понятия с классом подобных объектов. Термин «политическое событие» соотносится со следующими понятиями: политика, власть, сила, воля, возможность, действие, институт, подчинение, право, мотивирование, знак [1. С. 25].

Политическое событие занимает центральное место в политическом процессе. Организация (выстраивание) событий по различным основаниям превращает политику в способ организации мира.

По мнению Н.В.Шатиной, политическое событие не совпадает с реальным фактом, связанным с областью политического (выборы, соглашения, политические решения, выступления политических лидеров, забастовки и др.). Политический факт может стать или не стать основанием политического события в результате его введения в публичное поле с помощью различных средств, каналов и механизмов коммуникации, т.е. в результате его интерпретации и репрезентации. Интерпретация этого события может привести к определенным политическим последствиям или быть использованным для того, чтобы произвести политические изменения. Следует обратить внимание на то, что политическое событие не всегда носит «стихийный» характер. Оно может создаваться специально, например, как часть PR-кампании политического лидера или партии [14. С. 218].

А.Ф.Филиппов в статье «Пространство политических событий» рассматривает различные вопросы, касающиеся как события вообще, так и политического события в частности [13. С. 11]. По его мнению, структура события содержит в себе следующие составляющие:

Пространство + Время + Наблюдатель

Объединив вышеизложенные концепции события, мы получили онтологические модели события по различным наукам.

Онтологические модели «события»

№	Концепция	Структура		
		Пространство	Время	Наблюдатель
1	Классическая физика	Пространство	Время	
2	Неклассическая физика	Пространство	Время (как четвертое измерение пространства)	Наблюдатель
3	Интеллектуальные системы	Пространство	Время (как четвертое измерение пространства)	
4	Социальные науки (науки об обществе)	Участники события	Действия участников	
		Мотивы	Мысли	Условия
5	Исторические науки	Субъект (индивидуальный или групповой)	Действие	Условия
6	Политические науки	Пространство	Время	Наблюдатель

Проанализировав сведения, содержащиеся в таблице, можно сделать вывод, что для естественных и точных наук важны объективные характеристики событий (пространство, время), а для социально-гуманитарных наук — субъективные (актант, мысли, мотивы). Следует отметить, что намечаются пути объединения естественнонаучного и социально-гуманитарного знаний. Это заметно при сравнении составляющих «события» неклассической физики и политических наук. Использование одних и тех же категорий способствует взаимопроникновению точных и гуманитарных наук и развитию тесных междисциплинарных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксеновский Д.И. Политическое событие как экономия и предел власти: опыт категоризации // Вестник РГГУ. 2008. № 1.
2. Еременко А.М. Структурно-событийный и ценностно-смысловой подход к истории // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции. СПб., 2006. Ч. 1.
3. Лебедев М.В. Концепция времени в экзистенциальной онтологии Ингардена // Вопросы философии. 2006. № 12.
4. Метафизика. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/704
5. Мостепаненко А.М. Четырехмерность пространства и времени. М.; Л., 1966.
6. Онтология. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Онтология>
7. Онтология. URL: <http://terme.ru/dictionary/189/word/ontologija>
8. Пеев Г.И. Начало истории как историческое событие // Мысль. 2004. № 5.
9. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход / Пер. с англ. и ред. К.А.Птицына. М., 2006.
10. Руднев В.П. Философия языка и семиотика безумия. М., 2007.
11. Событие (Ereignis) в фундаментальной онтологии М.Хайдеггера. URL: <http://terme.ru/dictionary/879/word/sobytie-ereignis-v-fundamentalnoi-ontologi-m-haidegera>
12. Тертычный А.А. Аналитическая журналистика. М., 2010.
13. Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Полис: Политические исследования. 2005. № 2.
14. Шатина Н.В. «Политическое событие» как область интерпретации российского экспертного сообщества // Вестник РГГУ. 2008. № 1.

**АББРЕВИАТУРЫ:
ГЕНЕЗИС, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
СТАТУС, МОРФЕМНАЯ СТРУКТУРА,
ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ,
УПОТРЕБЛЕНИЕ И ПРОГНОЗЫ**

**ABBREVIATIONS:
GENESIS, WORD-BUILDING STATUS,
MORPHEMIC STRUCTURE,
THEMATIC GROUPS, USAGE
AND FORECASTS**

Аннотация. В статье рассматриваются истоки и причины появления и широкого распространения аббревиатур в русском языке, спорные вопросы, связанные с морфемным членением аббревиатур и определением их места в системе способов деривации. Выделяются тематические группы аббревиатур, анализируются их стилистические функции и особенности употребления в основных функциональных разновидностях языка.

Ключевые слова: аббревиация; аббревиатура; деривация; лингвацинизм; принцип экономии языковых усилий; сложносокращенное слово; тематическая группа; языковая игра.

Abstract. The article deals with the sources and reasons for appearance and wide usage of abbreviations in the Russian language, outlining disputable issues related to morphemic segmentation of abbreviations and defining their place in the system of means of derivation. The author singles out thematic groups of abbreviations, analyses their stylistic functions and usage in major functional styles of the language.

Key words: abbreviating; abbreviation; derivation; linguo-cynicism; the principle of language means economy; contracted compound; thematic group; language play.

Сведения об авторе: Никишина Светлана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

About the author: Nikishina Svetlana Alexeevna, candidate of Philology, assistant professor of Philology and Mass Communication department.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Контактная информация: 628609, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б; тел. (3466)273550; e-mail: nikishina_svetla@mail.ru

Термины «аббревиация» и «аббревиатура» восходят к латинскому слову «brevis» — краткий. Е.Г.Водолазкин истоки графической аббревиации находит в ряде культур Востока, Греции, Рима: «Там аббревиатуры представляли в самых разных формах и обслуживали по преимуществу область сакрального. Иногда тайного, которое, как известно, порой способно сакрализоваться. Во многих культурах святость явления предполагает его неназывание или, по крайней мере, неполное называние» [5]. Ученый отмечает, что феномен сокращения на графическом уровне присутствует и в христианской культуре. Священные слова — Бог, Богородица, Иисус Христос, Спаситель — писались в сокращении под титлой (надстрочным знаком, свидетельствующим о сокращении слова). Буквы из середины слова выносились над строкой [5]. Генезис лексической аббревиации (лат. *abbrevio* — сокращаю) как способа словообразования исследователи связывают с древнерусским языком, в котором уже были, хотя и единично, представлены сложносокращенные дериваты (*Святослав*, *Святополк*, *Новгород*) [3. С. 147]. Но такие примеры единичны. Активизация аббревиатурной деривации связана с началом пролетарского этапа в русском революционном движении и относится к концу XIX в. В это время появились слова *РСДРП* (*Российская социал-демократическая рабочая партия*), *ЦК* (*Центральный Комитет*) и др., употребляемые в кругу революционеров, а после Великой Октябрьской социалистической революции производство аббревиатур стало очень продуктивным, началось их «победное шествие» в языке и проникновение во все стили и жанры речи. Это, по мнению некоторых исследователей, объяснялось скудными в ту пору возможностями средств печати, затруднением с бумагой, нехваткой типографских шрифтов и другими соображениями экономии, а также развитием телеграфа, потребовавшего в свою очередь обращения к лаконичному «телеграфному» стилю. Э.А.Вартаньян отвергает серьезность подобных объяснений, считая, что «создание

аббревиатур следует рассматривать как объективную закономерность в развитии языка» [4. С. 22].

Одной из причин широкого распространения аббревиатур было то, что советская власть старалась отразить новую сущность государственного устройства, поэтому новые названия учреждений и должностей имели описательный характер и были многословными: *Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, Совет народных комиссаров*. Описательные многословные наименования и стали неисчерпаемым источником аббревиации, как отмечал Е.Д.Поливанов, «по нормам языковой экономии, не допускающей, чтобы частое в коллективном обиходе и отчетливое понятие выражалось словосочетанием, а не единым словом» [22. С. 29]. Аббревиация в революционное и послереволюционное время давала возможность быстро создавать однословные наименования новых реалий, поэтому она была воспринята как подлинно народный и революционный способ словопроизводства.

Таким образом, движущей причиной рождения аббревиатур стало действие **принципа экономии языковых усилий**. Длинные слова и словосочетания громоздки и неудобны в речи, они затрудняют процесс общения, поэтому в целях компрессии речи для обозначения понятий используются сокращенные слова и словосочетания. «Аббревиация сокращает материальную оболочку коммуникативных единиц, увеличивая тем самым скорость поступления информации» [12. С. 86]. Поэтому широкое распространение аббревиатур присуще большинству языков мира.

Как отмечает Н.С.Валгина, «жизнь аббревиатур в русском языке была сложной, противоречивой. В разные периоды преобладали разные типы аббревиатур — слоговые, буквенные, звуковые, смешанные. Аббревиатурам объявлялась “война”, их изгоняли и осуждали» [3. С. 148]. Дискуссия о них развернулась в 1923—1925 гг. и продолжалась в 30-е гг. Основным недостатком аббревиатур называли неблагозвучие и неудобство фонетического облика.

В.В.Маяковский в стихотворении «Прозаседавшиеся» с явным сарказмом писал:

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком, кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
.....
снова взбираюсь, глядя на ночь, на верхний этаж семиэтажного дома.
«Пришел товарищ Иван Ваньч?» —
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

Враждебно к сокращениям была настроена и эмиграция: большевиков обвиняли в порче языка. Анна Ахматова писала: «Была Россия, все ее любили, стала “СССР” — как я могу любить это нагромождение согласных?» [6. С. 163].

С возмущением отзывался о некоторых аббревиатурах В.И.Ленин. В воспоминаниях А.В.Луначарского приводится диалог между ним и В.И.Лениным:

«Я помню, как однажды я прочел ему очень тревожную телеграмму, в которой говорилось о тяжелом положении учительства где-то в северо-западных губерниях. Телеграмма начиналась так: “Шкрабы голодают”.

— Кто? Кто? — спросил Ленин.

— Шкрабы, — отвечал я ему, — это новое обозначение школьных работников.

С величайшим неудовольствием он ответил мне:

— А я думал, что какие-нибудь крабы в каком-нибудь аквариуме. Что за безобразие называть таким отвратительным словом учителя! У него есть почетное звание — народный учитель; оно и должно быть за ним сохранено».

В 1924 г. слово «шкраб» было официально запрещено А.В.Луначарским в особом приказе по ведомству Наркомпроса [19. С. 95].

Некоторые исследователи придавали аббревиатурам какое-то мистическое значение, например, В.Н.Турбин писал: «Сущность аббревиатуры — сокращение жизни слова (имени, понятия, высказывания).

Сокращается длительность, протяженность слова; устраняется его тело, и остается лишь его голова (заглавные буквы). У Пушкина карлик Черномор отрубил голову брату-великану; осталась говорящая голова — аббревиатура. Некое начало без продолжения... Аббревиатуры могут рождаться только в обществе, которое, что бы оно ни говорило, не верит в продолжение себя, в продление, в протяженность... Аббревиатура — одна из разновидностей казни слова» [7].

Но у аббревиатур и тогда были сторонники, хотя немногочисленные. Одним из них был известный лингвист Г.О.Винокур, отмечавший: «Сокращения наши ... есть составная часть современного русского языка и выполняют в составе этого языка свою культурную функцию» [2. С. 55].

Сегодня количество аббревиатур, находящихся в обращении, по сравнению с 20-ми гг. XX в. значительно выросло. Мало кто сомневается в их целесообразности и необходимости, но эстетико-фонетическая несостоятельность аббревиатур до сих пор признается их главным недостатком.

До сих пор не получил однозначного определения статус аббревиации в системе способов русского словообразования. Часть лингвистов не усматривают в производном слове нового словообразовательного значения, которое обязательно должно появиться в результате деривации. Другие лингвисты, такие как Е.А.Земская, Д.И.Алексеев, отстаивают статус аббревиации как способа словообразования. Ведь графическое оформление аббревиатур отличается от оформления графических сокращений, в которых используются точки, косые линии, дефис (*ул.*, *п/о*, *р-н*). Кроме того, Д.И.Алексеев отмечает, что «аббревиатура не рассчитана на передачу всей информации, содержащейся в многословном описательном исходном наименовании..., она предусматривает обобщение исходной информации и ее интеграцию (сжатие)» [1. С. 23]. Например, *ЗАГС* расшифровывается как «запись актов гражданского состояния», но семантика исходного слова передается не полностью — нет слова «*отдел*».

В.Н.Немченко рассматривает аббревиатуры как особую категорию сложных слов. Это позволяет автору включить аббревиацию либо в чистое сложение с целым словом в качестве опорного компонента (*стенгазета*, *зарплата*), либо в состав сложно-флексийного способа, к которому он относит слова, состоящие из усеченных основ (*ТЮЗ*, *нэп*). Основным словообразовательным средством, по мнению лингвиста, является единое словесное ударение, а в большинстве случаев — также система окончаний [13. С. 138].

Веский аргумент в пользу признания аббревиатурного способа словообразования приводит Т.Е.Казакова: «... часть новых слов (особенно звуковые аббревиатуры) живут в языке с иной морфологической характеристикой, противоречащей той, которая была свойственна опорному слову мотивирующего словосочетания (ср. ВУЗ — слово мужского рода, тогда как ЗАВЕДЕНИЕ среднего рода)» [11. С. 115].

Дискуссии разворачиваются и вокруг вопроса о морфемном составе аббревиатур: в слове «*завуч*» следует выделять один корень или три — *зав*(*едующий*) *у*(*чебной*) *ч*(*астью*). В учебнике русского языка для 6 класса общеобразовательной школы в слове «*завхоз*» выделяется два корня [15. С. 75]. Между тем, по мнению многих лингвистов, в аббревиатурах

происходит процесс опрощения, будучи вторичными дериватами, они теряют связь с соотносительным словосочетанием, становятся основными, единственными номинациями. Характер соотносительности со словосочетаниями не определяет их морфемной структуры, аббревиатуры «приобретают качество немотивированной, морфологически опрощенной лексической единицы» [20. С.97]. Исходя из этого в аббревиатурах типа «колхоз», «филфак», «комсомол» с точки зрения синхронии следует выделять одну корневую морфему.

Образование сложносокращенных слов — непрерывный процесс, продуктивность которого возрастает, с 90-х гг. наблюдается рост многочисленных сокращений. В Словаре сокращений [17] зафиксировано более 131 тыс. сокращений. Интересным, но необъяснимым является тот факт, что больше всего сокращений начинается (11 018) и заканчивается (13 228) на букву **С**; больше всего значений (192) имеет аббревиатура **ПП**.

Сложносокращенные слова обладают функционально-стилистической окраской. Широко представлены аббревиатуры в официально-деловом стиле. Анализ документных текстов, имеющих хождение в Нижневарттовском государственном гуманитарном университете, позволил выявить следующие тематические группы аббревиатур, расположенные с учетом алфавитного принципа и включающие:

1) названия кафедр: **ГЕО** (кафедра географии), **ДиВИ** (кафедра документоведения и всеобщей истории), **ДПИиД** (кафедра декоративно-прикладного искусства и дизайна), **ИЗО** (кафедра изобразительного искусства), **ИМПИ** (кафедра информатики и методики ее преподавания), **ИР** (кафедра истории России), **ИЯ** (кафедра иностранных языков), **КуМ** (кафедра коммерции и менеджмента), **КФисН** (кафедра культурологии, философии и социальных наук), **ЛинП** (кафедра лингвистики и перевода), **МДНО** (кафедра методик дошкольного и начального образования), **МО** (кафедра музыкального образования), **ОСП** (кафедра общей и социальной педагогики), **ПОР** (кафедра психологии образования и развития), **СД** (кафедра спортивных дисциплин), **СКСиТ** (кафедра социально-культурного сервиса и туризма), **ТОФВ** (кафедра теоретических основ физического воспитания), **ФМК** (кафедра филологии и массовых коммуникаций), **ФМО** (кафедра физико-математического образования), **ЭКО** (кафедра экологии);

2) названия субъектов и направлений деятельности различных структурных подразделений вуза: **АХР** (административно-хозяйственная работа), **ВР** (воспитательная работа), **ИБО** (информационно-библиотечное обеспечение), **МТО** (материально-техническое оснащение), **НИЛ** (научно-исследовательская лаборатория), **НИР** (научно-исследовательская работа), **НИРС** (научно-исследовательская работа студентов), **НМС** (научно-методический семинар), **НР** (научная работа), **ППС** (профессорско-преподавательский состав), **ТЗ** (техническое задание), **УР** (учебная работа), **СНО** (студенческое научное общество);

3) названия образовательных учреждений: **ГОУ ВПО** (государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования), **МОСШ** (муниципальная образовательная средняя школа), **СШ** (средняя школа), **ОУ** (образовательное учреждение);

4) названия органов управления: **СФ** (совет факультет), **УС** (ученый совет);

5) названия подразделений: **АХУ** (административно-хозяйственное управление), **БУиФК** (управление бухгалтерского учета и финансового контроля), **ИАО** (информационно-аналитический отдел), **ОМК** (отдел менеджмента качества), **ОПТ** (отдел профессиональной ориентации и содействия трудоустройству выпускников), **УВР** (управление по воспитательной работе), **УНИ** (управление научных исследований), **УНПиФЭО** (управление нормативно-правового и финансово-экономического обеспечения), **УноК** (управление по кадрам), **УУ** (учебное управление);

6) названия учебных дисциплин и видов работы студентов: **ВКР** (выпускная квалификационная работа), **ОБЖ** (основы безопасности жизнедеятельности), **СР** (самостоятельная работа), **ТиПМИ** (теория и практика массовой информации), **КСЕ** (концепции современного естествознания), **ПУПР** (практика устной и письменной речи);

7) названия специальностей: *БЖ* (безопасность жизнедеятельности), *ДиДОУ* (документоведение и документационное обеспечение управления), *ЕНО* (естественнонаучное образование), *ЗиК* (землеустройство и кадастры), *МО* (музыкальное образование), *НХТ* (народное художественное творчество), *ОРМ* (организация работы с молодежью), *ПМНО* (педагогика и методика начального образования), *РЯиЛ* (русский язык и литература), *СР* (социальная работа), *СсО* (связи с общественностью), *СЭО* (социально-экономическое образование), *ФК* (физическая культура), *ФМО* (физико-математическое образование), *ФО* (филологическое образование);

8) названия стандартов, программ и их частей: *ВПО* (высшее профессиональное образование), *ГОС ВПО* (государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования), *ГОСТ* (государственный стандарт), *ГСЭ* (гуманитарные и социально-экономические дисциплины), *ГСЦ* (цикл гуманитарных и социально-экономических дисциплин), *ДПО* (дополнительное профессиональное образование), *ДПП* (дисциплины предметной подготовки), *ДС* (дисциплины специализации), *ЕН* (естественнонаучные дисциплины), *ИУП* (индивидуальный учебный план), *КИМ* (контрольно-измерительные материалы), *МУ* (методические указания), *ОП* (образовательная программа), *ОК* (общекультурные компетенции), *ОПД* (общепрофессиональные дисциплины), *ООП* (основная образовательная программа), *ПЦ* (профессиональный цикл), *ПК* (профессиональные компетенции), *РП* (рабочая программа), *УМК* (учебно-методический комплекс), *УМО* (учебно-методическое объединение), *УП* (учебный план, учебная программа), *УЦ ООП* (учебный цикл основной образовательной программы), *ФГОС ВПО* (федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования);

9) названия факультетов: *ГУ* (гуманитарный факультет), *ПуП* (факультет педагогики и психологии), *ФДО* (факультет дополнительного образования), *ФДП* (факультет дополнительных профессий), *ФКиС* (факультет культуры и сервиса), *ФФКиС* (факультет физической культуры и спорта);

10) названия форм контроля: *БРСА, БРС* (балльно-рейтинговая система аттестации, балльно-рейтинговая система), *ГЭК* (государственная аттестационная комиссия), *ЕГЭ* (единый государственный экзамен), *ИА* (итоговая аттестация), *ИАК* (итоговая аттестационная комиссия), *ИГА* (итоговая государственная аттестация), *ИГЭ* (итоговый государственный экзамен), *СМК* (система менеджмента качества).

Единично представлена аббревиатура, образованная сложением начальных букв, входящих в фамилии руководителей кафедр, находящихся в ведении факультета педагогики и психологии: *ГИПС* (Гончарова, Истомина, Петрова, Снегирева).

Количественный анализ сокращений, используемых в сфере образования, позволяет сделать вывод об интенсификации аббревиатурного словопроизводства и словоупотребления, вызванной, с одной стороны, необходимостью повышения информативности делового текста, экономии пространства, времени и языковых усилий адресанта и адресата, а с другой стороны, формализацией образовательного процесса в вузе. Многие из аббревиатур непонятны преподавателям и студентам — основным субъектам учебной деятельности. В связи с этим некоторые документы сопровождаются примечаниями, включающими «расшифровку» аббревиатур. Кроме того, отдельные сокращения неблагозвучны и неудобны в произношении (*ДПИиД, СКСиТ, ТОФВ, УНПиФЭО, ФФКиС*), вызывают комический эффект (*ИАК, ОПТ, УС*) или неприятные ассоциации за счет омонимии с другими сокращениями и словами: *БУиФК* (*бывший в употреблении*), *ИГА* (*уго*).

Аббревиатуры широко представлены не только в официально-деловом общении, но и в языке газет. Сложносокращенные слова активно вовлекаются и в ядерную систему стандартных средств публицистики. Сегодня, чтобы ощущать себя комфортно в коммуникативном пространстве СМИ, носитель языка должен овладеть неким аббревиатурным минимумом. Опыт преподавания дисциплин «Словообразование современного русского

языка» и «Русский язык и культура речи» показал, что многие студенты испытывают затруднения при восприятии значений даже таких распространенных аббревиатур, как *АСУ*, *ГИБДД*, *МВФ*, поэтому было предложено составить аббревиатурный минимум по аналогии с орфоэпическим, лексическим, орфографическим минимумами, представленными в учебных пособиях по русскому языку и культуре речи. С этой целью было просмотрено свыше 60 номеров городских газет «Местное время» и «Варта» за второе полугодие 2009 г. и начало 2010 г., в результате чего методом сплошной выборки были выявлены буквенные и звуковые аббревиатуры, употребленные в этих периодических изданиях. Знание этих сокращений обеспечивает читателю понимание газетного текста. Для объяснения аббревиатур использовались следующие источники: Тематический словарь сокращений [18] и Словарь сокращений [17]. Аббревиатурный минимум включает в себя сокращения, распределенные по 26 темам:

1) **библиотеки:** *БИС* (библиотечно-информационная система);

2) **вычислительная техника, информатика и программирование:** *АСУ* (автоматизированная система управления);

3) **государства, округа:** *РФ* (Российская Федерация), *СНГ* (Содружество Независимых Государств), *УрФО* (Уральский федеральный округ), *ХМАО* (Ханты-Мансийский автономный округ), *ЯНАО* (Ямало-Ненецкий автономный округ);

4) **государственно-административная система, министерства, государственные комитеты и другие властные структуры:** *ЗАГС* (запись актов гражданского состояния), *МВД* (Министерство внутренних дел), *МЧС* (Министерство по чрезвычайным ситуациям);

5) **жилищно-коммунальное хозяйство, недвижимость:** *БТИ* (бюро технической инвентаризации), *ГХ* (городское хозяйство), *ЖКХ* (жилищно-коммунальное хозяйство), *ЖЭК* (жилищно-эксплуатационная контора), *ЖЭУ* (жилищное эксплуатационное управление, жилищно-эксплуатационный участок), *МЖК* (молодежный жилищный комплекс), *ПРЭТ* (производственно-ремонтный эксплуатационный трест), *ТСЖ* (товарищество собственников жилья);

6) **медицина:** *ВИЧ* (вирус иммунодефицита человека), *ЛТП* (лечебно-трудовой профилакторий), *ОРВИ* (острая респираторно-вирусная инфекция), *ОРЗ* (острое респираторное заболевание), *СПИД* (синдром приобретенного иммунодефицита);

7) **международные организации:** *ВОЗ* (Всемирная организация здравоохранения);

8) **нефтедобыча:** *НИПИнефть* (научно-исследовательский проектный институт нефти), *УБР* (управление буровых работ);

9) **нормы и стандарты:** *ГОСТ* (государственный стандарт), *МУ* (методические указания);

10) **образование:** *ГОУ ВПО* (государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования), *ДШИ* (детская школа искусств), *ДЮСШ* (детско-юношеская спортивная школа), *ЕГЭ* (единый государственный экзамен), *МДОУ* (муниципальное дошкольное образовательное учреждение), *МОСШ* (муниципальная образовательная средняя школа), *ОБЖ* (основы безопасности жизнедеятельности), *СШ* (средняя школа), *УПК* (учебно-производственный комбинат);

11) **органы охраны правопорядка, налоговые органы, автоинспекция:** *ГИБДД* (Государственная инспекция безопасности дорожного движения), *ГОМ* (городской отдел милиции), *ДПС* (дежурно-постовая служба, дорожно-патрульная служба, дорожно-постовая служба), *ДТП* (дорожно-транспортное происшествие), *КДН* (комиссия по делам несовершеннолетних), *ОБНОН* (отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков), *ОГИБДД* (отдел Государственной инспекции безопасности дорожного движения), *ОГПН* (отдел государственного пожарного надзора), *ОДН* (отделение по делам несовершеннолетних), *ППС* (патрульно-постовая служба), *УВД* (Управление внутренних дел), *УУМ* (участковый уполномоченный милиции);

12) организации и предприятия: *ПЧ* (пожарная часть), *РЭБ* (ремонтно-эксплуатационная база), *ТК* (торговый комплекс);

13) сады и парки: *ПП* (природный парк);

14) сельское хозяйство: *СОНТ* (садово-огородническое некоммерческое товарищество), *СОТ* (садово-огородническое товарищество);

15) СМИ (средства массовой информации): *ТРК* (телерадиокомпания);

16) спорт: *ФОК* (физкультурно-оздоровительный комплекс);

17) страховые организации и пенсионные фонды: *НПФ* (негосударственный пенсионный фонд), *ОСАГО* (обязательное страхование автогражданской ответственности), *ФОМС* (Фонд обязательного медицинского страхования), *ФСС* (Фонд социального страхования);

18) строительство: *ГСК* (гаражно-строительный кооператив);

19) театры: *ТЮЗ* (театр юного зрителя);

20) топливо и энергетика: *ГЭС* (гидроэлектростанция);

21) транспорт: *ГАТП* (грузовое автотранспортное предприятие), *ПАТП* (пассажирское автотранспортное предприятие), *САТУ* (специализированное автотранспортное управление);

22) химические вещества: *ГМИ* (генно-модифицированные ингредиенты);

23) центры, дворцы и дома творческих работников: *ДК* (ДВОРЕЦ культуры, дом культуры), *КДЦ* (культурно-досуговый центр), *ЦНК* (Центр национальных культур), *ЦДТ* (центр детского творчества);

24) экономика, торговля, бизнес: *БИК* (банковский идентификационный код), *ИНН* (идентификационный номер налогоплательщика), *ДООО* (дочернее общество с ограниченной ответственностью), *ЗАО* (закрытое акционерное общество), *ООО* (общество с ограниченной ответственностью), *МРОТ* (минимальный размер оплаты труда), *НДС* (налог на добавленную стоимость), *НДФЛ* (налог на доходы физических лиц), *ПИФ* (паевой инвестиционный фонд);

25) юриспруденция: *КоАП* (Кодекс об административных правонарушениях), *УК РФ* (Уголовный кодекс Российской Федерации);

26) некоторые часто используемые сокращения советской эпохи: *ВЛКСМ* (Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи), *СССР* (Союз Советских Социалистических республик), *ЦК* (Центральный комитет).

Извлечение аббревиатур позволяет сделать вывод о высокой частности и тематическом разнообразии сложносокращенных слов в языке газет. Проанализировав номера газет «Местное время» и «Варта» за 12 марта 2010 г., мы обнаружили на 12 страницах первого издания 80 аббревиатур, на 8 страницах второго — 52 аббревиатуры. Наибольшей частотностью по вполне понятным причинам отличается аббревиатура *ХМАО*, а также многочисленные *ООО*, *ЗАО*, *ОАО*, выполняющие функции номенклатурных знаков.

Аббревиатуры включаются в текст разными способами.

Общеизвестные даются без пояснений: «*прямые деловые связи РФ*»; «*сборная СССР*»; не относящиеся к числу общеизвестных могут получать пояснение, иногда частичное, в посттексте: «*Глядя на ту радость, которой было пропитано юбилейное собрание дружной семьи работников Белозерного ГПК, нетрудно представить себе 1980 год. Тогда... был сдан в эксплуатацию Белозерный газоперерабатывающий завод*» (Местное время. 12.03.2010).

Однако более типичен иной способ подачи малоизвестных аббревиатур: в начале текста дается словосочетание, а затем буквенное или звуковое сокращение: «*В Нижневартовском комитете солдатских матерей в субботу приемный день. Его ведет председатель КСМ Людмила Иванова*» (Местное время. 1.12.2009); «*...сохранился коллектив надежных людей, которые сегодня обеспечивают производство ценнейшего сырья для нефтехимической промышленности — широкой фракции легких углеводородов, которую*

(следует — которое. — С.Н.) здесь кратко и привычно называют **ШФЛУ...**» (Местное время. 12.03.2010); «За прошедший год в Югре было создано 250 товариществ собственников жилья (ТСЖ)» (Варта. 16.02.2010). К сожалению, встречаются неединичные факты использования малоизвестных аббревиатур без пояснений: «В течение четвертого квартала 2009 года специалистами **ФФГУЗ** “Центр гигиены и эпидемиологии в ХМАО—Югре” было проведено 55 замеров уровня гамма-фона» (Варта. 12.02.2010); «Силами подразделений УВД и Нижневартовского межрайонного отдела **УФСКН РФ** регулярно проводятся профилактические мероприятия...» (Варта. 2.03.2010). Какими целями руководствовался автор, включая подобных «речевых монстров» в текст, одним из основных качеств которого должна быть понятность и доступность? Что бы это ни было: некомпетентность, речевая небрежность или профессиональное равнодушие — в проигрыше читатель, вынужденный тратить время на слова-пустышки, не несущие никакой информационной нагрузки и не вызывающие ничего, кроме раздражения.

Еще одну аббревиатуру мы не можем обойти вниманием: «К нам на постоянное место жительства переехал дедушка-ветеран **ВОВ...**» (Варта. 27.01.2010); «Стать участником подготовки мероприятий ко Дню Победы может каждый желающий, перечислив благотворительные средства для оказания социальной поддержки ветеранам, вдовам, семьям инвалидов и участников **ВОВ...**» (Варта. 2.03.2010). Называть людей, внесших неоценимый вклад в Великую Победу, ветеранами **ВОВ**, не просто моветон, это кощунство. Эта аббревиатура разрушает нашу историческую память, которая и без того нуждается в «лечении». Известный ученый-лингвист Н.А.Еськова пишет: «Человек, наделенный языковым чутьем, ощущает неуместность аббревиатуры **ВОВ**, хотя его несколько не смущают США, ФРГ, ООН, МГУ, БДГ, ГАБТ и т.д. Это имеет свои объяснения. Аббревиатуры — получивший широкое распространение способ сокращенной передачи состоявшихся из нескольких слов названий государств, организаций, учреждений и т.д. Но не исторических эпох и событий! Историки не пишут о «деятелях **ВФР**» (Великой французской революции), «победителях рыцарей-крестоносцев в ЛП» (Ледовом побоище)... Но Великой Отечественной войне «повезло»: в связи с льготами ее участникам она попала в сферу действия бюрократов... Так как же изгнать со страниц печатных изданий эту варварскую аббревиатуру?» [8].

В истории каждой страны и каждого народа есть сферы, в которых к употреблению аббревиатур нужно относиться с большой осторожностью. Сегодня, например, в языке СМИ используются такие аббревиатуры, как **РПЦ** (Русская православная церковь), **ХХС** (Храм Христа Спасителя). Только человек, утративший чувство языка и не способный или не желающий думать о том, «как наше слово отзовется», может употреблять подобные номинации, для которых в лингвистической терминологии появилось обозначение *лингвоцинизмы* — слова, обороты речи и целые высказывания, в которых нашел отражение цинизм индивидуального или социального мышления (мировоззрения) [16. С. 302].

Интересные примеры использования аббревиатур дает художественная, в частности научно-фантастическая, литература. Так, в романе «Час быка» И.Ефремов употребляет аббревиатуры-окказионализмы: **ЭРМ** (Эра Разобщенного Мира), **ЭВР** (Эра Встретившихся Рук), **ЗПЛ** (Звездолет Прямого Луча), **ОЭС** (охрана электронных связей), **ПНОИ** (психологический надзор), **РТИ** (решетчатая трансформация индивида), **ИТВ** (индекс технической высоты), **СВУ** (Совет Всеобщих Усовершенствований), **СДФ** (от первых букв латинских слов «слуга, защитник, носильщик»). Основное назначение этих лексических единиц — номинация фантастических реалий. Облеченный в компактную форму аббревиатуры многогранный и емкий мир науки, открывающийся читателю, заставляет испытывать «священный трепет» перед силой научной мысли.

Заслуживает внимания и употребление аббревиатур в творчестве братьев Стругацких, «зашифровавших» и себя, и свои произведения в аббревиатуры: «...и не такое приходилось

АБС о себе слышать» (Аркадий и Борис Стругацкие); *«В середине мая АН пишет...»* (Аркадий Николаевич); *«Б. прибыл в Москву в связи с отвергнутием СоТ Детгизом»* («Сказка о тройке»); *«...Пл. Ногина выпустила, наконец, ОО из своих когтистых лап»* («Обитаемый остров»). Аббревиатуры априори являются символом некоей таинственности и бюрократизма. В «Обитаемом острове» Стругацкие пародируют такие тайные и идеолого-бюрократические службы, используя аббревиатуры **ГСП** (Группа Свободного Поиска), **ПБЗ** (Противобаллистическая Защита), **КГБ** (Комиссия Галактической Безопасности) и др. Аббревиатуры-омонимы, частично напоминающие несокращенные слова, выполняют у Стругацких юмористически-сатирическую функцию: *«Но дома меня ждал мой “Москвич” и необходимость делать как ЕУ, так и ТО. С ЕУ еще можно было примириться, это всего-навсего Ежедневный уход... Но вот ТО... Чистоплотному человеку в жаркий день страшно думать о ТО. Потому что ТО есть не что иное, как Техническое Обслуживание...»*

«На вывеске было написано: “АН СССР НИИЧАВО”... НИИЧАВО, — подумал я. — Научно-исследовательский институт... Чаво? В смысле — чего? Чрезвычайно автоматизированной Вооруженной Охраны? Черных Ассоциаций Восточной Океании? Изба на курногах, подумал я, музей этого самого НИИЧАВО...» (позже герой узнает, что за этим названием скрывается *Научно-Исследовательский Институт Чародейства и Волшебства*).

«Я даже подумал было, что художник непосредственно связан со смежным НИИ Кабаллистики и Ворожбы ... НИИКАВО (Понедельник начинается в субботу)».

«ТПРУНЯ ... это не Тройка по Распределению и Учету. ТПРУНЯ ... это Тройка по Рационализации и Утилизации» («Сказка о тройке»).

Сегодня аббревиатуры вовлекаются и в несвойственное им поле поэзии, привнося в поэтический текст дополнительное экспрессивное звучание.

*УДАЧА что —
Да вот она,
Конкретная уже:
УДАЧА,
Если Родина
Еще и ПМЖ. (В. Вишневский)*

*Мигрировав по городу зазря,
Мой КПД — без «П» и «Д» —*

Он мнимый.

*Как трудно стало без секретаря,
Охранника, водителя, любимой. (В. Вишневский)*

Сложносокращенные слова активно включаются в фонд экспрессивных средств языка и становятся элементом языковой игры, которую понимают как «нетрадиционное, неканоническое использование языка, ...творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [14. С. 168].

*Как патриот своей страны,
Который пережил и — дожил,
Чьи помыслы уже видны,
Хотя чисты, но все о том же;
Как гражданинИИИ, прошедший путь,
Как россиянин, а с недавних
И государственник, державник,*

букве), **ЕПЛР** (по 2-й букве), **НОУМ** (по 3-й букве), **ЙЙБИ** (по последней букве) и т.п. [9. С. 116].

Аббревиатуры за свое более чем вековое существование в языке не единожды подвергались остракизму: их называли нелепыми, уродливыми, собачьими. Между тем сегодня они наши друзья и незаменимые помощники, обеспечивающие экономию языковых усилий и времени в коммуникативном пространстве языка. Современные тенденции в аббревиации и благоприятные прогнозы, определяющие их продуктивность, свидетельствуют о том, что у аббревиатур в языке большое будущее. Сегодня темп жизни изменился: сделать нужно больше, сказать быстрее, поэтому аббревиатурам обеспечена долгая жизнь в языке. Кроме того, сегодня они изменили свой традиционный статус «скучных слов» и стали средством выражения экспрессии и языковой игры. Исследователи отмечают динамику в оценке обществом аббревиатур и их места в словарном составе языка: от сомнений в их целесообразности до понимания их необходимости и выработки новых способов образования. При этом критериями создания аббревиатур должны стать их благозвучие и краткость» [2. С. 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д.И. О месте аббревиации в системе русского словообразования, синтаксиса и стилистики современного русского языка. Куйбышев, 1974.
2. Алиева Г.Н. Аббревиатуры должны быть краткими и благозвучными // Русская речь. 2004. № 1.
3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
4. Вартаньян Э.А. Путешествие в слово. М., 1982.
5. Водолазкин Е.Г. Надо развивать аббревиатуры // Новая газета. 2008. № 16.
6. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 1997.
7. Громов И.А. Словообразование // Русский язык. 2003. № 18.
8. Еськова Н.В. Изгнать варварскую аббревиатуру. URL: <http://www.journalists.spb.ru/publish/magazine/acronym>
9. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования. Орел, 1998.
10. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.
11. Казакова Т.Е. Словообразование в вузе и в школе. Тобольск, 1999.
12. Косарева О.Г. Аббревиатура как одно из средств экономии и экспрессии речи (на материале современной прессы) // Иностранные языки в школе. 2004. № 2.
13. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984.
14. Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. М., 1987.
15. Русский язык: Учеб. для 6 кл. общеобразоват. учреждений. М., 2001.
16. Сковородников А.П. Лингвоцинизмы // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю.Иванова, А.П.Сковородникова, Е.Н.Ширяева и др. М., 2007.
17. Словарь сокращений. URL: <http://sokr.ru>
18. Тематический словарь сокращений современного русского языка. М., 1998.
19. Чуковский К.И. Живой как жизнь. М., 2004.
20. Шепель Ю.А. О некоторых трудных случаях изучения состава слова в системе вузовского преподавания русского языка // Русский язык в школе. 1988. № 1.
21. Шумарин С.И. Новые тенденции в аббревиации // Русский язык в школе. 2011. № 6.
22. Янковая В.Ф. Сокращенные слова // Секретарское дело. 2002. № 4.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ТОПОНИМИИ ЗАУРАЛЬЯ

HISTORICAL APPROACH TO THE STUDY OF RUSSIAN TRANS-URAL TOPONYMY

Аннотация. В статье даётся анализ топонимии Зауралья на основе архивных материалов XVI—XVIII вв. Русская топонимия имела перенесённый характер и отражала концепт «свой — не свой».

Ключевые слова: антропоцентризм; концепт; топоним; антропоним; катойконим; историзм.

Сведения об авторах: Парфёнова Нина Никифоровна¹, доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики; Савиных Валентина Владимировна², старший преподаватель кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации.

Место работы: Сургутский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 628400, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2; тел. (3462)223187 (доб. 408); e-mail: ¹ru_language@surgpu.ru, ²lingvokafedra@mail.ru

Abstract. The article analyses Trans-Ural toponymy on the basis of archival materials of the XVI-XVIII centuries. The Russian toponymy had a transferred character and reflected the concept “native — non-native”.

Key words: anthropocentrism; concept; toponym; anthroponym; catoiconym; historicism.

About the authors: Parfyonova Nina Nikiforovna¹, doctor of Philology, professor of Philology and Journalism department; Savinykh Valentina Vladimirovna², senior lecturer of the department of Linguistic Education and Cross-cultural Communication.

Place of employment: Surgut State Pedagogical University.

Современная методика топонимических изысканий предполагает антропоцентризм, обращённость к миру человека, его языку, культуре, истории. Топонимическое пространство в русской языковой картине мира является результатом восприятия и оценки окружающего мира. Концепт как ментальное образование присутствует в национальном сознании.

Западносибирские топонимы закрепили информацию о характере миграции русских, особенностях географической среды, этнического состава, уровня социально-экономического освоения края. Географические имена анализируются нами во взаимосвязи с антропонимами и катойконимами (наименованиями жителей по территориальной принадлежности).

Литература по топонимике обширна. Толкование географических названий встречается уже в древних летописях. Интерпретация топонимов представлена в трудах В.Н.Татищева, М.В.Ломоносова, А.П.Сумарокова, Г.Ф.Миллера, А.Х.Востокова, А.М.Шегрена, М.А.Кастрена, Н.П.Барсова, А.М.Селищева, А.И.Соболевского, П.Л.Маштакова, В.П.Семёнова-Тян-Шанского.

Большой вклад в развитие отечественной топонимике внесли О.Н.Трубачёв, В.Н.Топоров, Н.И.Толстой, А.В.Суперанская, В.А.Никонов, Т.П.Смолицкая, Н.В.Подольская, Р.А.Агеева, Э.М.Мурзаев, Ю.А.Карпенко, А.П.Дульзон, Е.С.Отин, А.И.Попов, Е.М.Поспелов. Такой обширный регион, как Западная Сибирь, в топонимическом аспекте изучен недостаточно. Известны исследования таких учёных, как И.А.Воробьёва [2], А.К.Матвеев [3], М.Н.Нечай [4], Н.Н.Парфёнова [5], Е.Н.Полякова [6], Э.М.Рянская [8], Н.К.Фролов [9] и др.

В круг источников необходимо включать богатейшие архивные фонды, которые до сих пор остаются недостаточно изученными. Цель нашего исследования — показать процесс формирования русской топонимии, используя памятники письменности, созданные на территории Среднего Приобья с конца XVI в. Документы и карты хранятся в центральных и местных архивах: в Государственном архиве Тюменской области в г. Тюмени (ГАТО); в Государственном архиве Тюменской области, филиал в г. Тобольске (ГАТОТ); в Российском государственном архиве древних актов в г. Москве (РГАДА); в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ); в Филиале государственного архива Курганской области в г. Шадринске (ФГАКО). Привлечены исторические исследования

и публикации памятников письменности таких исследователей, как П.С.Паллас, Г.Ф.Миллер, В.Н.Шишонко, А.А.Дмитриев, П.Н.Буцинский, А.А.Дунин-Горкавич.

А.М.Селищев и ряд его последователей (А.И.Попов, И.Д.Воронин, А.И.Лебедева, Л.П.Трубе и др.) предложили схему классификации, в основу которой были положены принципы лексико-семантической и словообразовательной структур. А.И.Соболевский, С.Роспонд свои топонимические исследования строили на морфолого-словообразовательном и этимологическом анализе.

О необходимости соблюдения принципа исторического подхода к анализу топонимов пишет А.И.Попов: «Прежде всего топонимическое исследование должно быть сугубо историчным <...> языковой материал должен привлекаться для объяснения географических имён в строгом соответствии с показаниями исторических источников» [7. С. 37].

Историзм — необходимый принцип топонимических исследований, актуален он и при концептуальном анализе топонимического пространства.

Придя за Урал, русские принесли с собой особенности быта, языка, культуры, в том числе и своеобразие топонимии, одной из отличительных особенностей которой был перенесённый характер.

В исследуемых документах наблюдается обширный пласт апеллятивов, указывающих на место выхода поселенцев. Этот признак относился к числу ярких, отличительных. Географические апеллятивы в формуле именованья занимали место препозиции. Ср.: «*тенежанин* Левка Прокоп(ь)ивъ <...> *суздалецъ* Фил(ь)ка Иванов» (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 116); «*устюжанин* Панко Фёдоров Щукин» (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 116 об.); «*русских поморских городов ветлужанинъ* Мирон Сергиевъ Нохринъ» (1718 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 41, л. 164).

В исследуемых источниках широко используется слово *род*, указывающее на территориальную принадлежность. Ср. в Тобольской переписной книге 1662 г.: «Ондрюшка сказаль *родом он* Ондрюшка *лалетин*» (РГАДА, ф. 214, кн. 434, л. 112); Лалетин < р. Лала; «Климко Остаф(ь)евъ сказал *родом он* Климко *вычегжанин*» (л. 112 об.); «*родом он* Поспѣлко *устюжанин*» (л. 114); «*родом он* Гаврилко *мезенец*» (л. 114 об.); «*родом де он* Фёд(ь)ка *важенин*» (л. 118); «*родом он* Якун(ь)ка *москвитин*» (л. 126); «во дворѣ Фёдоръ Максимов с(ы)нъ <...> *родомъ онъ вычегодской*» (1719 г., Тюм., ГАТО, ф. И 47, кн. 2034, л. 328 об.).

Слово *родина* употребляется в том же значении. Ср.: «Савелей Еремѣевъ с(ы)нъ Чужавин <...> а *родиною онъ кунгурецъ* <...> а *родом де онъ кунгурецъ*» (1719 г., Тюм., ГАТО, ф. И 85, кн. 153, л. 81). В этом же значении встречается слово *урождение*. Ср.: «Тобол(ь)ска града багадѣл(ь)щикъ Стефанъ Александров *урождениемъ каргополець*» (1719 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 48, л. 2 об.).

Широко представлены катойконимы без поясняющего слова, их положение в постпозиции формулы именованья создавало условия для антропонимизации. Ср.: «Бил нам челом <...> на верхотурскихъ жил(ь)цов на Якуша Степанова с(ы)на *Пермитина* да на *вятчанина* на Ивашка Захар(ь)ева с(ы)на Мухлынина» (ОР РГБ, ф. 256, к. 47, д. 48, л. 1); «Фёд(ь)ка Иванов *Щюкин Устюжанин*» (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 117).

Представим антропонимизированные катойконимы, извлечённые из исследуемых источников XVII—XVIII вв. Ср.:

Арзамас < г. Арзамас: «отправить в Тобольск <...> с сибирскими служилыми людьми тобольсково города <...> с Ёгнашком *Арзамасом*» (1619 г., Верх., ОР РГБ, ф. 256, к. 47, д. 124).

Астороханец < г. Астрахань: «Иван *Астороханецъ*», сын боярский (1636 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 74, л. 154 об.).

Болховитин < г. *Болхов*: «пашенной крестьянин Овдѣйко Иванов *Болховитин*» (1624 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 518 об.).

Важенин < р. *Вага*: «Кондрашко Аврамов *Важенин*» (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 117); «д(е)р(е)вни Иски жител(ь) Иванъ Алексѣевъ с(ы)нъ *Важенинъ*» (1719 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 48, л. 5).

Верхотурец < г. *Верхотурье*: «Вас(ь)ка *Верхотурец*» (1636 г., РГАДА, ф. 214, кн. 70, л. 65 об.).

Вилиженин < *Вилягодская волость*: «вмѣсто Василья *Вилиженина* Андрей Шелутков руку приложилъ» (1768 г., Тюм., ГАТО, ф. И 47, кн. 2270, л. 21 об.).

Вилягжанин < *Вилягодская волость*: «в той же д(е)р(е)вне *Вилягоцкой* мел(ь)ница колесчатая на рѣчке *Вилягженке* конного казака Якимка Степанова с(ы)на *Вилягжанина*» (1700 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 1276, л. 142 об.).

Волженин < р. *Волга*: «во дворѣ Карпъ Якимовъ *Волженинъ*», пашенной крестьянин (1719 г., Тюм., ГАТО, ф. И 47, кн. 2034а, л. 393).

Вологжанин (*Вологженин*) < г. *Вологда*: «посадцкой торговой ч(е)л(о)в(е)къ Семейка Васил(ь)евъ с(ы)нъ *Вологжанинъ*» (1601 г., Верх., ОР РГБ, ф. 256, к. 47, д. 51, л. 3); «крестьянин Леонтей *Вологженин*» (1724 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 65, л. 53).

Вымитин (*Вымитинин*, *Вымитянин*) < р. *Вымь*: «посадцкой ч(е)л(о)в(е)къ Род(ь)ка Павлов *Вымитин*» (1624 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 449 об.); «д(вор) ямской охотникъ Ивашко Емел(ь)янов с(ы)нъ Чюликанов *Вымитининъ* з дѣт(ь)ми своими» (1630 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 21, л. 119 об.); «Гришка Костянтинов *Вымитянин*» (1639 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 75, л. 507).

Вычегжанин (*Вычагженин*) < г., р. *Вычегда*: «д(вор) ямской охотникъ Ѳедоско Иванов с(ы)нъ *Вычегжанин* с с(ы)ном своим с Кирилком» (1630 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 21, л. 9 об.); «в(о) д(воре) Василья *Вычегжанина* брат Григорей *Вычагженинъ*» (1700 г., Тюм., ГАТО, ф. И 85, кн. 153, л. 9).

Вятчанин (*Вятченин*, *Вятченя*) < г., р. *Вятка*: «д(е)р(е)в(ня) верхъ Туры реки за рекою Каменкою на елани а в ней д(вор) стрелец Ѳед(ь)ка Юрьев *Вятчанин*» (1624 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 488 об.); «Матюшка да Вас(ь)ка Калинины *Вятченя*» (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 116 об.); «Петрушка Антипин *Вятченин*» (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 117); «Андрюшка Григор(ь)евъ сын *Вятчанин* у него дѣти Лаврушка Андрюшка» (1700 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 1173, л. 107 об.); «Ѳедор Васильевъ сынъ *Вятченин*» (1763 г., Тюм., ГАТО, ф. И 47, кн. 2055, л. 11).

Галиченин (*Галеченин*, *Галичинин*) < г. *Галич*: «д(е)р(е)в(ня) вниз Туры реки <...> пашенной кр(е)стьянин Захарко Петров *Галичинин*» (1624 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 518 об.); «во дворѣ бобыл(ь) Иван Дементьевъ сын *Гальченин*» (1701 г., Тюм., ГАТО, ф. И 47, кн. 518, л. 15); «во дворѣ отставленной салдат Михайло Дементьев с(ы)нъ *Галиченин*» (1719 г., Тюм., ГАТО, ф. И 47, кн. 518, л. 3).

Двинянин (*Двиненин*) < р. *Двина*: «д(вор) посадцкой ч(е)л(о)в(е)къ Лучка Игнат(ь)евъ *Двиненинъ*» (1624 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 503 об.); «у Микиѳорка Иванова *Двинянина* взято пять соболей» (1640 г., Верх., РГАДА, кн. 75, л. 784 об.).

Еренжанин < г. *Яренск*: «в(о) д(воре) Михейко Ивсев(ь)ивъ с(ы)нъ *Еренжанинъ*» (1685 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 968, л. 276).

Заонега < за + р. *Онега*: «бобыл(ь) Антон Петровъ с(ы)нъ *Заонега*» (1720 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 1605, л. 171).

Заонежанин < за + р. *Онега*: «бобыл(ь) монастырской и коневал Иванъ Ивановъ с(ы)нъ *Заонѣжанинъ*» (1720 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 1605, л. 170 об.).

Казанец < г. *Казань*: «Фед(ь)ка Филипов *Казанец*» (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 117); «Коротковы д(е)р(е)вни кр(е)стьянинъ Василей Родивоновъ *Казанецъ*» (1721 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 65, л. 29 об.).

Калужанин < г. *Калуга*: Савка *Колужанин* (1641 г., Верх., РГАДА, ф. 214, кн. 75, л. 329).

Карачевец < с. *Карачи*: «д(вор) пѣшей казак Семейка Иванов *Карачевец*» (1624 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 474 об.); Трофимка *Карачевец*, служилый человек (1642 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 75, л. 322).

Каргапол < г. *Каргополье*: Алешка *Каргапол* (1691 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 980, л. 366).

Колмогор, *Колмогорец* < г. *Холмогоры*: Илюшка Кустов *Колмогорец* (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 138).

Кондинец < г., р. *Конда*: Федосейко Тимофеев *Кондинец* (1697 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 860, л. 19).

Костромитин < г., р. *Кострома*: «лавка <...> конного казака Михѣйка Кондратьева сына *Костромитина*» (1700 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 1276, л. 106 об.).

Мезинец < р. *Мезень*: «Вас(ь)ка Иванов *Мезинец*» (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 138).

Москва < г., р. *Москва*: «Ивашко Григор(ь)ивъ *Москва*» (1662 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 434, л. 151 об.); «во дворѣ Иван Прокопьев с(ы)нъ *Москва*» (1719 г., Тюм., ГАТО, ф. И 47, кн. 2034, л. 412 об.).

Москвитин < г., р. *Москва*: «гулящей ч(е)л(о)в(е)къ Дмитрей *Москвитин*» (1699 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 2, л. 267 об.).

Нижегородец < г. *Нижний Новгород*: «Стен(ь)ка Коз(ь)мин *Нижегородец*» (1697 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 860, л. 18).

Обвинец < р. *Обва* (правый приток Камы): «Ярофейко Зырянин *Обвинец*» (1642 г., Верх., РГАДА, ф. 214, кн. 75, л. 301 об.).

Осинец < г., р. *Оса*: «д(е)р(е)вня *Осинцова* в(о) д(воре) Меркушка Осипов с(ы)нъ *Осинец*» (1680 г., Верх., РГАДА, ф. 214, кн. 697, л. 731 об.).

Осташевец < г. *Осташков*: «под(ь)як Мишка *Осташевец*» (1636 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 74, л. 154 об.). Катоиконим *осташевец* образован от усечённой основы топонима *Осташ* + *-ев-* + *-ец*.

Пенежец < р. *Пинега*: «Ивашко Офонас(ь)ивъ с(ы)нъ *Пънежець*» (1685 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 968, л. 11 об.).

Пермитин < г. *Пермь*: Максим Осипов сын *Пермитин* (1623 г., Верх., РГАДА, ф. 1111, оп. 2, ст. 10, л. 19).

Пермитянин < *пермитяне*: «послух Юрье Васил(ь)евъ с(ы)нъ *Пермитянин*» (1623 г., Верх., РГАДА, ф. 1111, оп. 2, ст. 10, л. 19).

Пинега < р. *Пинега*: «яз Иван Юр(ь)ев с(ы)нъ *Пинега*» (1623 г., Верх., РГАДА, ф. 1111, оп. 2, ст. 10, л. 19); Иван *Пинега*, беломестный казак (1673 г., Верх., ОР РГБ, ф. 256, к. 47, д. 136).

Пиняжена < р. *Пинега*: «Петрушка да Фил(ь)ка да Ивашко *Пиняжена*» (1671 г., Тюм., ГАТО, ф. И 47, кн. 711, л. 15 об.).

Пустозерец < г. *Пустозёрск*: Макарша Леонтьев *Пустозерец* (1635 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 75, л. 50 об.).

Свяжанин (*Свяженин*) < г., р. *Свяга*: «д(вор) пашенного кр(е)стьянина Мит(ь)ки *Свяжанина*» (1624 г., Тур., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 558 об.); «Мит(ь)ка *Свяженин* з брат(ь)ею с Миркою да с Левкою да з Гаврилком» (1624 г., Тур., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 609 об.); Дмитрий Миниев *Свяженин* (1635 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 75, л. 10).

Сысолетин < г., р. *Сысола*: «кр(е)стьянин Мирон ЕлѠимов *Сысолетин*» (РГАДА, ф. 214, кн. 434, л. 138); «д(вор) Амоско Иванов *Сысолетин*» (1624 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 537); «посадцкой ч(е)л(о)в(е)къ Якушко Иванов с(ы)нѣ *Сысолетинѣ*» (1630 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 21, л. 109 об.).

Сысолец < г., р. *Сысола*: «Трен(ь)ка Пантелеев *Сысолец*» (1646 г., Верх., РГАДА, ф. 214, кн. 194, л. 44).

Тагилец < г. *Тагил*: «во дворѣ крестьянин Степанъ Осипов с(ы)нѣ *Тагилецѣ*» (1720 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 1605, л. 127).

Тверитин < г. *Тверь*: Дмитрий Ларионов *Тверитин* (1671 г., Тюм., ГАТО, ф. И 47, кн. 711, л. 37 об.).

Тотменин < г. *Тотьма*: «посадцкой ч(е)л(о)в(е)къ Олеша Михайловъ *Тотменин*» (1624 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 493 об.).

Туренин < р. *Тура*: «дворѣ купленной посацкого ч(е)л(о)в(е)ка Ивана Иванова прозвание *Туренина*» (1710 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 1317, л. 141 об.).

Угличанин (Угличанин) < г. *Углич*: Ивашко Иванов *Угличанин* (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 116 об.); Якунька *Угличанин*, тюменский городничий (1685 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 968, л. 57).

Ужгинец < г., р. *Ужга*: «кр(е)стьянин Ондрюшка Сидоров *Ужгинецѣ*» (РГАДА, ф. 214, кн. 434, л. 138). В катоикониме *ужгинец* два суффикса (единичности *-ин* и лица *-ец*).

Уржумец < г. *Уржум*: «на Ѡед(ь)ке *Уржумце* (взято) оброку» (1664 г., Тюм., ГАТО, ф. И 47, кн. 780, л. 8 об.).

Усолец < г. *Усолье*: «Ивашко Яковлевъ *Усолецѣ*», крестьянин (Тюм., ГАТО, ф. И 47, кн. 604, л. 5).

Устюжанин < г. *Устюг*: «лав(ка) Знаменсково монастыря закладчика Ондрюшки ТимоѠѣева *Устюжанина*» (1623 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 1207, л. 29 об.); «Якун(ь)ка Осипов *Устюжанин*» (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 116 об.).

Уфимец < г. *Уфа*: «д(е)р(е)в(ня) УѠимцова д(вор) Семейка Ондрѣвѣв с(ы)нѣ *Уфимецѣ*» (1624 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 223 об.). Наблюдаем переход *н > м*: уфинец > уфимец. В катоикониме *уфинец* два суффикса: единичности *-ин* и лица *-ец*. Переход *н > м* характерен для живой речи Зауралья. Ср.: *Никита > Микита*, *угрин > угрим*.

Чердынец < г. *Чердынь*: «Богдашкино мѣсто НиѠантова с(ы)на *Чердынца*» (1665 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, оп. 5, кн. 146, л. 6).

Чусовитин < р. *Чусовая* и г. *Чусовой*: «в(о) д(воре) Микитка ЕвтиѠѣевъ с(ы)нѣ *Чусовитин*» (1680 г., Верх., РГАДА, ф. 214, кн. 697, л. 168).

Южак < р. *Юг*: «Демка Юр(ь)евъ *Южакѣ* прозвище Суханко» (1636 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 70, л. 41).

Ярославец < г. *Ярославль*: «Омоско Клементьивъ *Ярославецѣ*» (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 116 об.); «Ромашко Панкрат(ь)ивъ *Ярославецѣ*» (1646 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 956, л. 116 об.).

От фамилий, образованных от антропонимизированных катоиконимов, активно образовывались топонимы: д. *Вагина*, д. *Важенина*, д. *Ветлугина*, д. *Ветлужанина*, д. *Вилеженина*, д. *Вологжанина*, д. *Вымитина*, д. *Вычегжанина*, д. *Вятченинина*, д. *Галиченина*, д. *Заонежанина*, д. *Кайгородцева*, д. *Кайгородова*, д. *Колмогорова*, д. *Калужанина*, д. *Каргопольцева*, д. *Нижегородцева*, д. *Осинцева*, д. *Пенегина*, д. *Пенежанина*, д. *Пермитинина*, д. *Печорина*, д. *Сысолетина*, д. *Тотменина*, д. *Угличанина*, д. *Усольцева*, д. *Устюжанина*, д. *Чусовитина*, д. *Южакова*, д. *Ярославская*.

Перенесѣнный характер исследуемых топонимов подтверждает их сравнение с географическими наименованиями XVII в. Европейской России, сведения о которых находим в переписных книгах, актовом письменности, исследованиях по исторической географии [1].

Для перенесённых топонимов этого вида характерно совпадение названий деревни и фамилий, поскольку они восходят к единой производящей основе топонима, указывающего на место выхода поселенцев.

Архивные источники конца XVI—XVII вв., отразившие начальный этап заселения русскими Зауралья, дают в руки исследователя материал, позволяющий корректировать наши представления в области семантики, структуры и этимологии топонимов. Поскольку семантика имени собственного соотнесена с дискретным элементом объективной действительности, мотивирующая основа, запечатлённая в топониме в момент его возникновения, хранит информацию, представляющую интерес для лингвистов, историков, краеведов, этнографов, культурологов.

Перенесение топонимических имён не было актом условным и механическим: этот процесс был творческим, он затрагивал и систему личных именований. Пришедшие на новые места поселенцы в массе своей были бесфамильны, они закрепили прозвища (а затем и фамилии), возникшие от географических названий мест своего рождения. В этих ономастических номинациях репрезентируется концепт «свой — не свой». Дать имя географическому объекту — значит закрепить «своё» право на его владение.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

д. — дело
к. — картон
кн. — книга

л. — лист
оп. — опись
ф. — фонд

Населённые пункты

Верх. — Верхотурье
Тоб. — Тобольск

Тур. — Туринск
Тюм. — Тюмень

ЛИТЕРАТУРА

1. Водарский Я.Е. Населения дворцовых владений в России в последней четверти XVII в. // Историческая география России. М., 1970.
2. Воробьёва И.А. Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977.
3. Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.
4. Нечай М.Н. Русская топонимия лесной зоны Среднего Прииртышья. Свердловск, 1989.
5. Парфёнова Н.Н. Апеллятивная лексика в русской топонимии Зауралья (по архивным данным XVI—XIX веков). Сургут, 2006.
6. Полякова Е.Н. Память языка. Пермь, 1991.
7. Попов А.И. Основные принципы топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964.
8. Рянская Э.М. Когнитивный аспект лингворегиональных исследований. Нижневартовск, 2008.
9. Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию: В 2 т. Тюмень, 2005. Т. 2.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ
В МЕДИАТЕКСТЕ ОНЛАЙН-ФОРМАТА
НА ПРИМЕРЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА**

**FUNCTIONING OF THE COGNITIVE
METAPHOR IN ON-LINE MEDIA TEXT
FORMAT (ON THE EXAMPLE OF THE
ITALIAN LANGUAGE)**

Аннотация. В статье дается краткий обзор разных типов когнитивной метафоры научно-публицистической медиакартинки мира итальянцев.

Ключевые слова: медиатекст; когнитивные метафоры.

Сведения об авторе: Плеханова Елена Александровна, аспирант кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка.

Место работы: Оренбургский государственный университет.

Контактная информация: 460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13; тел. (3532)372435; e-mail: webgirlena@mail.ru, webgirlLen2005@yandex.ru

Abstract. The article gives a brief outline of different types of cognitive metaphors of a scientific-journalistic media picture of the world of Italians.

Key words: media-text; cognitive metaphors.

About the author: Plekhanova Elena Alexandrovna, postgraduate student of Romance Philology and French Teaching Methodology department.

Place of employment: Orenburg State University.

Анализ работ, посвященных проблеме употребления метафоры, показывает, что наибольшее внимание в исследованиях уделяется языковой стороне этого явления, а когнитивные основы остаются недостаточно изученными.

В связи с этим актуальность работы заключается в том, чтобы рассмотреть когнитивную сторону метафоры публицистической медиакартинки итальянцев.

Целью нашего исследования является рассмотрение и употребление различных видов когнитивной метафоры в публицистическом тексте на примере итальянского языка.

А.Бейн пишет, что «метафора — это сравнение, имплицитное самим использованием слова или выражения», и добавляет: «Когда мы рассматриваем особенности метафоры — ее положительные и отрицательные стороны, — мы ограничены рамками слова или в лучшем случае — словосочетания» [2. С. 157]. Итак, отнести предложение к разряду метафорических — значит сказать нечто о его значении, а не об орфографии, фонетике, интонации или грамматике.

В рамках хорошо известного различия между синтаксисом и семантикой метафора должна быть отнесена именно к области семантики, а не к области исследований физического аспекта языка.

Метафору в современной когнитивистике принято определять как ментальную операцию, как способ познания, концептуализации, категоризации, оценки и объяснения мира по аналогии. Объяснение механизма аналогии — задача рассмотрения метафоры в когнитивистике. С когнитивной точки зрения на данный троп главное в метафоре — семантическое взаимодействие неродственных ранее реалий, неизвестного и известного, абстрактного и конкретного.

П.Ворф отмечал, что метафора влияет как на восприятие явлений языковой культуры, так и на когнитивные процессы в целом [7. С. 135].

Эта же идея проводится в работах одного из первых исследователей вербального поведения Скиннера: по его мнению, в новой ситуации, которая не может быть выведена и названа исходя из имеющегося опыта, метафорический путь является единственным эффективным способом поведения. Ряд исследователей постулирует эвристическую и продуктивную ценность метафоры как для науки, так и для искусства (например, В.Гордон и др.) [4. С. 68].

Материалом для данного исследования послужили 500 газетных статей, опубликованных на сайте национальной газеты Италии, которые представляют интерес как для исследователей, так и для интернет-журналистики.

Рассмотрим статьи итальянского сайта «Република» с точки зрения рассредоточения и употребления экспрессивных метафор.

Процедура нашего исследования ограничена следующими этапами:

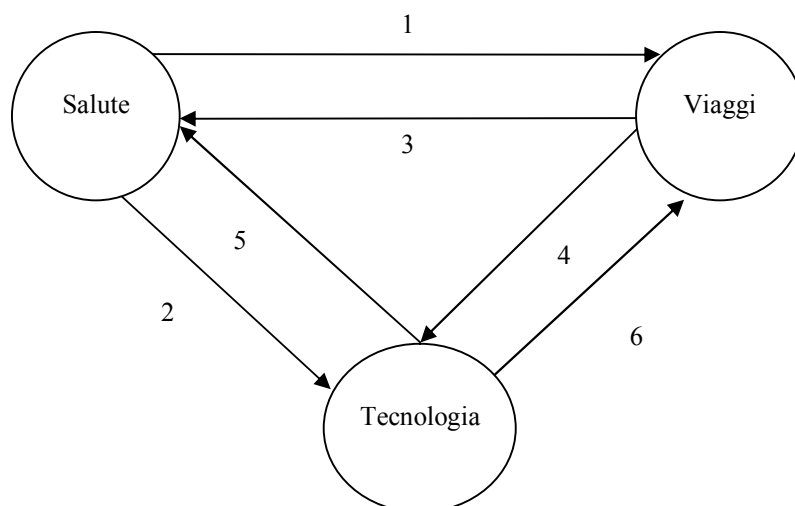
1. Отбор фактического материала, т.е. анализ современных публицистических текстов. При помощи дистрибутивного метода осуществлялся отбор текстового материала, содержащего интересные нас метафоры, а именно экспрессивные метафоры, поскольку именно экспрессивность является одним из самых важных признаков метафорической связности.

2. Анализ экспрессивных метафор с целью определения средства наиболее частого выражения метафоры в дискурсе.

3. Определение наиболее частотных средств выразительности в итальянском языке.

4. Активация средств выразительности: связанные с контекстом или связанные со свойствами самого референта.

Нами были подсчитаны метафорические экспрессии в передовых статьях «Република» — еженедельного итальянского сайта, которые имеют отношение к медицине, туризму и технологиям.

Рис. 1. Метафорические отношения между рубриками «Здоровье», «Туризм» и «Технологии»

Примечание. Стрелки указывают направление связей от источника к адресанту.

Таким образом, выстраивается следующая цепочка переходов:

1. Здоровье отражается на туризме: «C'è un'altra faccia della medaglia, meno pulita ed etica: cementificazione di aree naturali, sfregi al paesaggio, inquinamento, maggiori consumi di acqua ed energia, depauperamento delle risorse naturali e della biodiversità, alterazione della cultura e delle tradizioni locali» (Repubblica, 2011).

2. Здоровье отражается на технологиях: «L'azienda starebbe sviluppando un rootkit (un virus in grado di rubare password o alter informazioni) non rilevabile» (Repubblica, 14 febbraio 2011).

3. Туризм отражается на здоровье: «Italiani popolo di maratoneti, dunque. Dall'arteriosclerosi all'obesità, dal diabete all'ipertensione — la corsa e la miglior prevenzione che esista» (Repubblica, 15 marzo 2011).

4. Туризм переходит в технологии: «Il paesaggio industriale del settore è segnato da una concentrazione crescente» (Repubblica, 19 febbraio 2011).

5. Технология отражается на здоровье: «L'ultimo consiglio è di imparare ad assaggiare l'olio come si fa con il vino, per apprezzare il sapore e sfumature di aroma» (Repubblica, 24 febbraio 2011).

6. Технология отражается на туризме: «Camping con glamour: dal wi-fi al fotovoltaico, tutto è naturale» (Repubblica, 2 luglio 2011).

С когнитивной точки зрения можно обозначить следующие типы метафор.

Первый тип — это онтологические метафоры, формирующие категории сущностей путем очерчивания границ в реальности, в основе метафор — бытийная природа аналогий [1. С. 7—16].

Этот тип метафор встречается чаще других типов. Рассмотрим примеры:

1) «артритические рынки» («mercati artricitì»):

- сфера-донор: экономика;
- сфера-мишень: болезнь;
- вектор ассоциации, определяющий формирование новых знаний: артрит; группа суставных заболеваний инфекционного происхождения или развивающихся в результате нарушения питания сустава — здоровье — так же значимо для страны, как здоровые рынки;

2) «артерии страны» («arteria di campagna»):

- сфера-донор: медицина;
- сфера-мишень: дороги Америки;
- вектор ассоциации, определяющий формирование новых знаний: артрит;
- важнейшие кровеносные сосуды — дороги — так же значимы для Америки, как значимы артерии для человека (стертая метафора);

3) «противоядие от одиночества, средство от лени...» («antidote alla solitudine, cura anti pigrizia»):

- сфера-донор: здоровье;
- сфера-мишень: лучший друг человека — собака;
- вектор ассоциации — новые знания: физические упражнения, ходьба или прогулка с собакой — особенность здорового образа жизни.

Второй тип — ориентационная метафора, отражающая оппозиции, в которых зафиксирован человеческий опыт пространственной ориентации в мире. Приведем примеры:

1) «политики, представляющие правый фланг» («Il politico sul fianco destro»):

- свернутая метафора;
- сфера-донор: воинское построение;
- сфера-мишень: партийная система страны;
- фрейм: расположение сил в общественно-политической системе;
- вектор ассоциации: правая сторона — правая партия; скрытая оппозиция справа — слева;
- слот: ситуативная метафора.

2) «Мы держали путь из Оклахомы через “ручку кастрюли” Техаса»:

- сфера-донор: предметы быта, кухонная утварь, посуда;
- сфера-мишень: географическое расположение, административная граница;
- фрейм: форма штата, образ-фигура на географической карте;
- вектор ассоциации: на севере штат Техас врезается в штат Оклахома, пространственная смежность.

3) «300 лет назад прорубили окно в Европу. Давайте подумаем, какие ветры проникали к нам через это окно... Не пора ли вообще поставить дверь?»:

- развернутая метафора — сложное синтаксическое целое;
- сфера-донор: строительство зданий;
- сфера-мишень: отношения Россия — Запад (Европа);
- фрейм — прецедентная ситуация: Петр I — окно в Европу;
- вектор ассоциации: Петр I — Россия — Европа — окно; современность — Россия — Европа — дверь;
- концептуальные признаки: оппозиция открытость — закрытость; свой — чужой; пространственная смежность;

- слот: ситуативная метафора.

Проведенный анализ показал, что в медиатекстах онлайн-формата ориентационных метафор значительно меньше, чем онтологических.

Третий тип метафор — интертекстуальный. Сам термин подсказывает, что данный тип метафор формируется на основе интертекстуальных связей.

Связующими элементами внутри интердискурса и интертекста выступают коллективные символы — совокупность образных элементов (символы, аллегории, метафоры и т.д.), выявляющие прагматические идеологические установки субъекта высказывания и ограничивающие потенциальную неисчерпаемость значений текста, и тестовых метафор в частности.

1) «Властелин колец» (о Ю.М.Лужкове):

- сфера-донор: книга Дж. Р. Толкиена «Властелин колец»;
- сфера-мишень: мэр Москвы Ю.М.Лужков;
- вектор ассоциации: кольца дорог Москвы (матрешечный тип метафоры).

Обобщим сказанное. Количественный анализ метафор, сегментация сфер-доноров и сфер-мишеней при установлении отношений аналогии говорят о высоком воздействующем потенциале метафор, о реализации с их помощью функции привлечения внимания.

В ходе исследования нами были отобраны образцы метафорической экспрессии: ‘здоровые компании’, ‘больные фирмы’, ‘экономическое лекарственное средство’, ‘симптомы корпоративной болезни’, ‘финансовая инъекция’, ‘артритические рынки’, ‘восстановление экономики’ и многие другие.

Проведенный нами анализ эмпирического материала на итальянском языке показал, что характерным для вышеупомянутых текстовых блоков является употребление качественных прилагательных, а также прилагательных, содержащих отрицательную оценку.

Анализ частотного употребления таких и подобных экспрессий показал, когда медицинская область становится более существенной для людей, они используют медицинские метафоры более экстенсивно, чем тогда, когда это менее существенно.

Другими словами, метафора влияет на выбор людей, кажется, под влиянием того, что мы назвали принципом ‘давления последовательности (связи)’ [5. С. 39].

Вслед за З.Ковечес мы полагаем, что реализация принципов употребления метафор в интернет-текстах тесно связана с установкой «давления последовательности», которые могут меняться с течением времени (см. табл.).

Таблица

**Принцип давления последовательности
на примере употребления метафор в медиатекстах онлайн-формата**

	Tecnologia	Salute	Viaggi
человек	la culla di tutte le rivoluzioni tecnologiche	il dottore	il turista
здание	covo virtuale	l'ospedale	l'albergo
заказ	<u>negozio</u>	l' <u>operazione</u>	la corazzatura, <u>prenotazione</u>
прибор (устройство)	gadget	Attrezzi chirurgici	il fax
защита	l'antivirus	medicina	la polizza di assicurazione
болезнь	l'insonnia	le virus	l'epidemia

Будущее исследование определит, какие аспекты коммуникативной ситуации могут повлиять на выбор метафор.

Изучение метафоры как средства формирования картины мира позволило воссоздать некоторые фрагменты метафорической научно-публицистической медиакартины мира итальянцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2007. Вып. 1.
2. Bain A. English Composition and Rhetoric. L., 1887.
3. Dreistadt R. An analysis of the use of analogies and metaphors in science // J. of Psychology. 1968. № 68.
4. Gordon W. Synectics: The development of creative capacity. N.Y., 1961.
5. Kövecses Z. Metaphor in Culture. Cambridge, 2005.
6. Mackey L. Aristotle and Feidelson on metaphor: toward a reconciliation of ancient and modern // Arion. 1966. № 4.
7. Whorf P. Language, thought and reality. Cambridge, 1969.

**РАБОТА С ИСТОЧНИКАМИ ЯЗЫКОВОГО
МАТЕРИАЛА КАК ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ
ПОДХОДОВ К ПОСТРОЕНИЮ
ТИПОЛОГИИ КОНЦЕПТОВ**

**THE SOURCE
OF LANGUAGE MATERIAL
AS AN APPROACH TO SET UP
TYPOLOGY CONCEPTS**

Аннотация. Автор считает, что источник языкового материала является наиболее значимым из признаков, характеризующих вербальную модель концепта. Он определяет характер самого концепта и выбор методов его конструирования.

Ключевые слова: типология концепта; концепт-означаемое; вербальная модель концепта; ассоциативно-семантическое поле.

Сведения об авторе: Ротова Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

Abstract. The author considers the language material source as a major sign characterising a verbal model of a concept. It defines the nature of a concept and the choice of methods to set it up.

Key words: typology of a concept; concept-designatum; verbal model of a concept; associative and semantic field.

About the author: Rotova Lyudmila Nikolayevna, candidate of Philology, assistant professor of Philology and Mass Communication department.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Контактная информация: 628609, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б; тел. (3466)273550; e-mail: fisenko41@yandex.ru

Термин «концепт» получил распространение в отечественной науке в начале 1980-х гг. и сразу же стал восприниматься как многозначный. В настоящее время констатация многозначности термина «концепт» является общим местом, о ней упоминают едва ли не все авторы, имеющие отношение к данной проблематике. Главной причиной затруднений в определении содержания термина является, по мнению исследователей, то, что обозначаемая им сущность — принадлежность к миру идеального: «Дело в том, что концепт — категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования» [6. С. 29—30]. Не менее существенно и то, что термин «концепт», являясь междисциплинарным, используется представителями многих наук: «Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций» [6. С. 29—30].

Многообразие точек зрения в отношении концепта обнаруживается не только на междисциплинарном уровне, но и в рамках отдельных наук, в том числе и в когнитивной лингвистике. Как отмечают исследователи, существуют определенные различия в подходах, категориальном и терминологическом аппарате, в понимании основных задач когнитивной лингвистики и используемых методах [6. С. 13]. В научной литературе имеет хождение множество лингвокогнитивных определений концепта, разобраться в которых бывает трудно даже опытному специалисту. Решить проблему могла бы единая универсальная классификация концептов, однако такой классификации нет и ученые сомневаются в самой возможности ее построения [2. С. 24].

Вместо исчерпывающей классификации предлагается выделять отдельные взаимодополняющие подходы к построению типологии концептов. Так, В.И.Карасик усматривает семь таких подходов: 1) ориентация на язык (предметные, признаковые, событийные); 2) использование данных когнитивной психологии (осмысленные фрагменты опыта соотносятся с картинками, картами, сценариями, фреймами, гештальтами); 3) на основе ценностной составляющей выделяются телеономные концепты (*любовь, красота, справедливость, счастье*) и нетелеономные, включающие регулятивные (*пунктуальность, щедрость, пошлость, здравый смысл*) и нерегулятивные (*путешествие, оскорбление, война, совет*) ментальные образования; 4) в зависимости от характера дискурса (политические,

научные, деловые, дипломатические, спортивные и т.п.); 5) по динамике концепта (стабильные и меняющиеся, уходящие и возникающие); 6) по кругу лиц, разделяющих тот или иной опыт с его оценочной квалификацией (общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные, макрогрупповые, микрогрупповые, индивидуальные); 7) по тематике (эмоциональные, коммуникативные, гастрономические и т.п.) [2. С. 24—25].

Отсутствие единой классификации восполняется также с помощью определения основных направлений исследования. Так, З.Д.Попова и И.А.Стернин выделяют в современной отечественной когнитивной лингвистике пять направлений: *культурологическое* — исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук (основной представитель Ю.С.Степанов); *лингвокультурологическое* — исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры: направление «от языка к культуре» (основные представители И.В.Карасик, С.Г.Воркачев, Г.Г.Слышкин, Г.В.Токарев); *логическое* — анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости их от языковой формы (Н.Д.Арутюнова, Р.И.Павилёнис); *семантико-когнитивное* — исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средство их моделирования от семантики языка к концептосфере (Е.С.Кубрякова, Н.Н.Болдырев, Е.В.Рахилина, Е.В.Лукашевич, А.П.Бабушкин, З.Д.Попова, И.А.Стернин, Г.В.Быкова); *философско-семиотическое* — исследование когнитивных основ знаковости (А.В.Кравченко) [6. С. 16].

Исследуя методы и приемы семантико-когнитивного описания концептов, З.Д.Попова и И.А.Стернин дают полное представление о соотношении концепта и его репрезентанта. Комментируя словесные и графические модели, которые расцениваются ими как формы материализации недоступных непосредственному наблюдению концептов, авторы говорят о том, что, «даже рассмотрев всю доступную нам совокупность языковых средств выражения концепта, а также тексты, в которых раскрывается содержание концепта, проведя психолингвистические эксперименты и осуществив когнитивную интерпретацию их результатов, мы все равно не получаем исчерпывающего описания концепта, это всегда будет лишь описание части концепта...» [6. С. 164]. Приблизительность описания обусловлена тем, что концепты объемны и нежестко структурированы, они всегда содержат невербализованную составляющую, имеют возрастные, профессиональные, гендерные и индивидуальные отличия, они динамичны и в огромной степени зависят от состояния общества. «В любом случае моделирование макроструктуры и полевой организации концепта — это гипотетическая модель концепта, даже если в ходе исследования были применены экспериментальные приемы исследования и верификации, поскольку концепт — явление сознания и исследователь в любом случае моделирует концепт по косвенным признакам его проявления» [6. С. 165]. Любая модель, считают исследователи, есть лишь некоторое приближение к концепту как ментальной единице.

Из сказанного следует: 1) не нужно называть означающее (вербальную или графическую модель) «концептом» во избежание многозначности термина и для устранения содержательной путаницы, препятствующей восприятию и пониманию научных текстов; 2) концепты и их означающие должны классифицироваться по разным основаниям и принадлежать к разным классификациям.

Концепт-означаемое — это психическая структура, ячейка памяти, связанная с когнитивными структурами мышления и операциональными структурами интеллекта. Концепт позволяет человеку запоминать информацию, понимать ее и при необходимости использовать в речи и поведении. Источниками, «питающими» ментальный концепт, являются 1) подсознание, 2) чувственно воспринимаемый внешний мир, 3) коммуникация с окружающими людьми, 4) семиотическая реальность, в первую очередь язык. Можно построить

классификацию концептов-означаемых, тогда наиболее существенными классификаторами выступают те, которые опираются на данные когнитивной психологии.

Прежде чем перейти к анализу концептов-означающих, остановимся на вопросе о построении научных моделей. В своей книге «Основы психолингвистики» А.А.Леонтьев дает следующее определение: «Модель — это логическая (знаковая) конструкция, воспроизводящая те или иные характеристики исследуемого нами объекта при условии заранее определенных требований к соответствию этой конструкции объекту. ...Моделируя реальный объект, мы конструируем другой — реальный или воображаемый — объект, изоморфный данному в каких-то существенных признаках». Поясняя значение термина изоморфный, А.А.Леонтьев далее пишет: «На самом деле в науках о человеке мы имеем дело чаще с гомоморфизмом (такое соответствие модели объекту, которое является принципиально односторонним: все, что смоделировано на географической карте, можно найти на местности, но не все, что есть на местности, отображено на карте), чем с изоморфизмом (полное взаимное соответствие: из алгебраического представления функции можно вывести геометрическое, но и наоборот)» [3. С. 8—9].

Концепт-означающее представляет собой модель, вербальную или графическую, в идеале — гомоморфную обозначаемому объекту. В лингвистической литературе когнитивной направленности встречается большое количество вербальных и графических моделей, сконструированных разными авторами. Эти модели, по причине предполагаемой гомоморфности обозначаемому объекту, именуется, как и их означаемые, концептами.

Единственный общий признак, на основании которого могут быть типизированы концепты-означающие, — источник языкового материала, использованный для их построения. Обычно в литературе этот признак как таковой не рассматривается, тем более в роли классификационного. Между тем, из него вытекают другие признаки, в частности такой, как «носитель концепта»; кроме того, от источника зависят методы извлечения языкового материала для конструирования вербальной модели, а также и методы его обработки при конструировании модели.

При первом приближении источники языкового материала делятся на «книжные», «живые» и смешанные. «Книжные» источники — это словари и энциклопедии, а также любые письменные тексты. «Книжными» мы называем их по традиции, по бумажному носителю, хотя в наше время носители могут быть и электронными. В письменном тексте реализуется концепт какого-либо автора либо коллектива авторов (авторами словарей часто являются коллективы ученых). Авторами письменных текстов обычно являются специалисты, люди высокообразованные и одаренные, их деятельность имеет всеобщий характер, поскольку результатом ее является некий образец, эталон, нечто такое, что становится общенародным достоянием. Обладателем интеллектуального достояния становится виртуальный культурно-исторический субъект, или народ. Создавая вербальную модель на материале словарей, энциклопедий и текстов, мы репрезентируем виртуальный концепт условного социального субъекта.

«Живыми» источниками являются информанты, носители реальных концептов. При построении вербальных моделей исследователи часто прибегают как к «книжным», так и к «живым» источникам языкового материала.

Наиболее ярким примером использования книжных источников для построения вербальных моделей является культурологическое направление, представленное работами Ю.С.Степанова. Ю.С.Степанов является автором словаря констант русской культуры [7], в котором он реализует свои представления о концепте. В предисловии к Словарю автор дает несколько определений концепта: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет

на нее» [7. С. 43]. «У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия <...> с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации, оценки...» [7. С. 43]. Из определений следует, что ученый воспринимает концепт как некое единство индивидуальной и социальной (культурно-исторической, народной) памяти, постоянно обменивающихся сведениями, переливающимися друг в друга.

Устанавливая этимологию слова, Ю.С.Степанов опирается на метод «Слова и вещи», основанный на привлечении данных по истории материальной культуры. История вещей помогает раскрыть этимологии многих слов. Приведем одну из статей Словаря.

*«Слово **Буква** <...> восходит к имени дерева бук (относящегося по ботанической терминологии к семейству *buxaceae*). В древности оно было распространено по всему северному побережью Средиземного моря, а также на значительной континентальной части Греции. Во всех регионах этого бассейна бук был издревле связан с письмом — из бука вырезались знаки букв, по которым обучались дети, и из него же делались деревянные дощечки, покрывавшиеся воском, на которых писали, выдавливая буквы в воске. Этот же материал служил для рисования» [7. С. 545].*

Как видим, вербальная модель представляет собой небольшого объема текст, из которого следует, что этимология слова «буква» восходит к названию дерева, сыгравшего в свое время большую роль в качестве деревянного носителя информации. В данный момент этимология оказалась стертой, утраченной, слово «буква» воспринимается как непроизводное, однако стоит восстановить его первичную «внутреннюю форму», как раскрывается целый пласт славянской культуры.

Сугубо книжной является вербальная модель В.А.Масловой, которая, вслед за Ю.С.Степановым, дает следующее определение концепта: «**Концепт** — это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства “дома бытия” (по М.Хайдеггеру). Но в то же время это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека <...>. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [5. С. 47].

Для установления смыслового объема «концепта», по мнению исследовательницы, нужно проделать следующее: «1) определить референтную ситуацию, к которой принадлежит данный концепт; <...> 2) установить место данного концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации, используя энциклопедические и лингвистические словари; при этом словарную дефиницию мы считаем ядром концепта; 3) учесть особенности этимологии; 4) ...нужно привлечь к анализу самые разнообразные контексты: поэтические, научные, философские, публицистические, пословицы и поговорки и т.д.; 5) полученные результаты нужно сопоставить с анализом ассоциативных связей ключевой лексики (ядра концепта) <...>; 6) если для анализа выбран важный концепт культуры, то он должен быть многократно повторен и проинтерпретирован в живописи, музыке, скульптуре и т.д.» [5. С. 58—59]. Свое видение предмета В.А.Маслова иллюстрирует вербальными моделями. Например, вербальная модель концепта «война», относимого автором к социальным понятиям и отношениям, состоит из следующих частей: 1) определение этимологии слова «война» по словарям М.Фасмера и А.Г.Преображенского; 2) определение лексического значения слова путем цитирования соответствующих статей из словарей В.И.Даля, С.И.Ожегова и ряда других, в том числе и словаря военного жаргона ветеранов афганской войны; 3) расширение ядра концепта за счет синонимов; 4) расширение поля

концепта путем включения названий разновидностей денотата концепта: наступательная война, оборонительная, междоусобная и т.д.; 5) расширение поля концепта за счет пословиц и поговорок о войне, поговорок с глаголом «воевать», народных примет. Все источники материала книжные.

Далее, применив логический анализ, автор выявляет прямое и переносные значения слова «война», называя их характерными признаками концепта. На материале паремий усугубляются эмоционально-оценочные коннотации. Делается вывод, что концепт «война» является одним из важнейших концептов русского языкового сознания и занимает значительное место в языковой картине мира русского народа [5. С. 207]. После этого В.А.Маслова переходит к той части номинативного поля концепта, которая формируется лексико-грамматической сочетаемостью слова «война», и приводит последовательно конструкции с именами существительными (причина войны), глаголами (вступить в войну), прилагательными (короткая, длительная), выделяя, где это возможно, классификационные признаки. Все данные получены автором из словарей. Отметив это, В.А.Маслова обращается к художественным текстам русских писателей, группируя отдельные высказывания о войне по какому-либо общему признаку. Анализ художественных текстов помогает автору обозначить ассоциативное поле, связанное с концептом «война», куда входят, в частности, названия государств. Анализ контекстов дает исследователю возможность дополнить выделенные на основе словарей характерные признаки войны.

Построенная на материале книжных источников модель концепта может до бесконечности пополняться и расширяться, ведь письменные тексты — это одна из форм социальной памяти, а память эта огромна. Обладает такой памятью виртуальный культурно-исторический субъект. Остается добавить, что письменные источники диктуют не только выбор носителя субъекта, но и методы: при извлечении языкового материала это работа со словарями и контент-анализ (сплошная выборка); при обработке языкового материала — анализ и классификация.

В работах последних лет ведущие специалисты предлагают методики построения вербальных моделей с использованием и книжных источников, и информантов. Так, В.И.Карасик называет концептом «ментальное образование, которое представляет собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и поэтому эмоционально переживаемые) характеристики действительности. Эти характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны» [2. С. 24]. Из определения следует, что в концепте имеется три составляющих: понятийная, образная и ассоциативная.

Лингвокультурные концепты подразделяются ученым на этноспецифические («вызов», «здравый смысл»), институциональные («власть», «лояльность»), регулятивные («абсурд», «лень»), контрастивные («подлинность», «простота»), архетипические («делка с дьяволом», «вражеский заговор»). Описание концепта представляет собой текст, построенный по строго определенному плану. Сначала проводится понятийный анализ концепта, предполагающий «выявление его конститутивных признаков, отраженных в словарных дефинициях, и определение его системных оппозитивных связей с другими концептами» [2. С. 24]. В качестве источников материала используются толковые и синонимические словари русского и английского языков. По материалам словарей создаются списки наиболее значимых семантических признаков, наличествующих в сравниваемых языках. Затем устанавливаются образно-перцептивные признаки концепта. Источником материала в данном случае выступают небольшие сочинения (топики) на тему «Когда я думаю о том-то, я представляю себе...». Сочинения пишутся носителями русского и английского языков,

опрашивается до 50 информантов. Полученный таким образом материал также позволяет выделить группы признаков. Вывод формулируется в виде сопоставительного описания. Например, вывод о характере образно-перцептивных признаков регулятивного концепта «лень» имеет следующий вид:

«Русские респонденты дают амбивалентную оценку лентяю, характеризуя его как безвольное, безответственное и неопрятное существо, с одной стороны, и как своеобразного философа, понимающего суетность обыденной жизни и не желающего зря расходовать силы — с другой. Обращает на себя внимание гендерный аспект лени: женщины более резко осуждают лентяев, чем мужчины, типичным лентяем является мужчина (точнее — муж, лежащий на диване, когда жена целый день занята домашними делами). В ответах англоязычных респондентов лень рассматривается часто с позиций более общих социальных отношений как результат отсутствия мотивации работать. Вместе с тем англоязычные информанты подчеркивают удовольствие от приятного ничегонеделания во время отпуска или выходного дня» [2. С. 85].

Очевидно, что образно-перцептивные признаки сочетаются с эмоционально-оценочными, поскольку информанты, рассуждая о своем представлении, постоянно выражают свое отношение к описываемому объекту.

Еще один уровень описания концепта — это выявление его ассоциативных признаков. С этой целью рассматриваются сочетаемостные характеристики слов, обозначающих данный концепт. Источником материала в этом случае выступают тексты произведений художественной литературы.

Из различных произведений русской литературы выписываются как отдельные предложения со словом, репрезентирующим концепт, так и более крупные фрагменты текста. Контекст позволяет определить, какой признак актуализируется в данном конкретном случае. Каждый фрагмент текста сопровождается комментарием исследователя, так что описание сочетаемости представляет собой перечисление выдержек из текста в сопровождении комментариев.

Примеры сочетаемости в английском языке извлекаются из компьютерной базы данных «Британский национальный корпус», переводятся на русский язык и комментируются. На основании сопоставления сочетаемости слов-репрезентантов в русском и английском языках делается вывод. Вот как выглядит он по отношению к слову «лень»:

«Сочетаемость слов, обозначающих концепт “лень” в русском и английском языках, в целом подтверждает и уточняет данные словарных определений. Лень признается осуждаемым качеством, выражается как нежелание двигаться, расслабленность и вялость. Осуждаются ленивые лежебоки, избалованные ленивые дети. Вместе с тем состояние расслабленного покоя может оцениваться как приятное» [2. С. 95].

Описание концепта завершается общим выводом, в котором перечисляются отличия признаков концепта в русском и английском языках. Таким образом, В.И.Карасик прибегает к сопоставительному описанию, учитывая при этом его разновидности концептов, выделяя уровни их организации и используя в качестве источников материала словари, информантов и тексты. Полученные таким образом концепты представляет собой соединение книжной и ментальной частей, это единства, включающие концепт социума и концепты живых носителей языка. Практическая значимость такого описания очевидна: оно адресовано в первую очередь изучающим иностранные языки.

З.Д.Попова и И.А.Стернин определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания

к данному явлению или предмету» [6. С. 34]. Они разделяют общие исходные постулаты современных лингвистов, когнитологов, психолингвистов о невербальном характере концептов и концептосферы, лишь часть которых получает выражение через посредство языковых средств; о том, что концепт не привязан только к одному знаку, он выражается, при этом лишь частично, многими знаками, как языковыми, так и неязыковыми; о том, что любой концепт «находится в мозгу разных людей» и, имея общую для всех часть, «включает множество варьируемых признаков». Более или менее полное представление о признаках концепта можно получить в том случае, если привлечь к исследованию «не только лексикографическое, но и психологически реальное его наполнение». То и другое авторы включают в содержание концепта, считая их коммуникативно значимой частью этой ментальной структуры. Семантика слов, репрезентирующих концепт, «обволакивает» концепт и, по мнению авторов, делает возможным доступ к нему. Однако традиционные методы описания семантического пространства языка недостаточны для этого, необходимо применение комплекса экспериментальных методик, в числе которых ассоциативный эксперимент (свободный и направленный), рецептивный эксперимент с его разновидностями и др.

Выше мы говорили о том, что традиционные методы распространяются на книжные источники, на письменные тексты, в то время как для описания «живого» концепта необходимы информанты. Преимущество книжных концептов в их полноте, в наличии большого количества культурно-исторических сведений, несмотря на то, что многие из этих сведений могут быть неизвестными народу на данном этапе его существования. Достоинство концептов, сконструированных путем применения экспериментальных методик, в том, что они имеют непосредственное отношение к реальным ментальным структурам, они их репрезентируют напрямую. Недостаток в том, что источником языкового материала является группа информантов, что полученный концепт только в определенной степени совпадает с реальным концептом отдельного человека.

Особую разновидность книжных вербальных моделей составляют те, которые строятся на материале произведений одного автора. Основной способ извлечения языкового материала в этом случае — сплошная выборка, которая позволяет обнаружить в тексте все случаи употребления ключевого слова, языковых синонимов и антонимов, окказиональных наименований, местоименных обозначений, однокоренных слов. Ключевое слово, его заместители и дериваты занимают в тексте разные синтаксические позиции: они могут входить в состав грамматической основы предложения, выступать в роли как главного, так и зависимого слова в структуре словосочетания. Ядро вербальной модели, таким образом, состоит из словоформ, притягивающих к себе словоформы сочетающихся с ними других слов. Вербальная модель содержит когнитивные признаки как лексического, так и грамматического уровней. Чтобы показать ее отличие от номинативного поля, которое состоит из начальных форм слов, некоторые авторы предлагают называть ее ассоциативно-семантическим полем. Так, Н.С. Болотнова считает, что основной формой актуализации концепта является конкретный текст. По мнению этого автора, любой частный актуализатор концепта — слово, фразеологизм, синтагма и т.д. — не представляет собой изолированной единицы, а включается в общую систему актуализаторов, в том числе и грамматических. Ассоциативно-семантическое поле может рассматриваться в разных аспектах — номинативном, ассоциативно-образном и текстовом [1].

Приведем в качестве примера построенную нами на материале поэтического творчества нижевартовского поэта Владимира Мазина вербальную модель концепта «мать».

Работа по построению ассоциативно-семантического поля проходила в несколько этапов. Сначала методом сплошной выборки нами было найдено 35 стихотворений В.Мазина, в которых встречаются слова со значением 'мать'. Далее был определен круг однокоренных слов (с алломорфными корнями -МАМ-, -МАТ-), таких слов оказалось 13: *мама, мамаша, мамин, мамкин; мать, матушка, мать, материнский, матушкин; Богоматерь;*

мать-природа, отцовство-материнство, пчёлка-мать. Из них к обозначению родной матери имеют отношение только 7 слов: *мать, мама, матушка; материнский, мамин, мамкин, матушкин.* Это два ряда языковых стилистических синонимов, используемых в поэтическом тексте примерно в тех же значениях, что и в литературном языке. Кроме того, автор вводит для обозначения матери контекстуальные синонимы, расширяя тем самым количество обозначений: *Екатерина* (имя матери), *хозяйка избы*, субстантивированное прилагательное *милая* в качестве обращения к матери, а также прилагательное *вдовий* в значении 'материнский'.

Ряд *мать, мама, матушка, Екатерина, хозяйка избы, милая; материнский, мамин, мамкин, матушкин, вдовий* — это непосредственные прямые репрезентанты концепта «родная мать», рассматриваемые как начальные формы.

Для выявления всех случаев упоминаний родной матери в стихотворных текстах потребовалось учитывать совокупность таких показателей, как 1) количество словоупотреблений, 2) частеречная принадлежность, 3) выполняемая синтаксическая функция. Морфолого-синтаксический анализ показал, что слова этой группы выполняют в текстах стихотворений следующие функции: 1) обращения, 2) подлежащего, 3) дополнения и обстоятельства, 4) несогласованного определения, 5) согласованного определения.

1. Обращения, выраженные словами *мама, матушка, милая*, стилистически и эмоционально окрашены, они придают речи лирического героя искренность и доверительность: 1) *На полотенце годы вышиты, Узор их прост, неодинаков. Над ним и горько и возвышенно Ты, мама, уставала плакать.* 2) *И все тысячелетия, все века Песни поколений ваховских Грелись на солнце, вмерзали во льды, Чтобы отозваться в твоей мелодии, Мама...* 3) *Помнишь, матушка, гулянку, Всё село в разгульности: Песни, пляски до позднанку, Дозволялись вольности.* 4) *Вспомни, матушка, частушки, Что срывались, как цветы.* 5) *Милая, хоть ты-то пожалей* и др. Всего обнаружено 11 случаев употребления обращений.

2. В функции грамматического подлежащего используются все имена существительные. Самым употребительным среди них является МАТЬ: 1) *На отца по-бабьи расшумелась Русская неграмотная мать ...* 2) *В предьянварскую ночь новогодья Жизнь дала мне родимая мать.* 3) — *Жаль мне сына, — мать ему сказала, — Но мужчину я не поняла.* 4) *У хантыйского чума мне русская мать Подарила тетрадь и чернила.* 5) *Где до сих пор зовет ребенком мать...* 6) *Будет сниться мне долго избышка, Где ждала меня добрая мать* и др. Всего 9 употреблений.

По два раза употреблены слова МАМА и МАТУШКА: 1) *А мама-то с Урала родом, Любила песни распевать. Когда к холодным вахским водам Белье ходила полоскать.* 2) *Когда рвался буран в мою душу, Мама добрые сказки плела.* 1) *Бросала моя матушка Сеть-невод в кровь-зарю, Голодные ребятушки Сидели на яру.* 2) *Поручила мне матушка, На тот свет уходившая, Не далече, а рядышком Видеть землю, родившую Православное отчество В моем ваховском племени, Где хантыйская вотчина Учит вечному времени.* Дважды автор употребляет контекстуальные синонимы: 1) *В кедрач, как в храм, вошла Екатерина, В миру оставив взрослых сыновей.* 2) *А хозяйка избы на погосте Под крестом третий месяц лежит, И приходят к ней прежние гости — Вот опять кто-то в Вечность спешит.*

3. Случаи употребления слов со значением «родная мать» в функции дополнений и обстоятельств также многочисленны. 6 раз в функции дополнения употребляется слово МАТЬ: 1) *И теперь в мои зрелые годы, Когда надо пургу переждать Иль утешить в душе непогоду, С благодарностью слушаю мать.* 2) *Я выйду из уютной избышки Оплакивать мать и отца.* 3) *Но за прошлое хочется крепко держаться, Как больному ребенку за строгую мать.* 4) *У бедной матери два сына На две мозолистых руки И безраздельная кручина — Такой не знают мужики.* 5) *Обратился к матери своей...* 6) *По предчувствию данного матерью слуха, По призыву волны и по зову ветров, По велению древнего отчего*

духа И по смелости юных свободных годов Попытался взлететь И отважился петь. Один раз оно используется в роли неморфологизированного обстоятельства: *А когда отыграю последнюю роль, Рядом с матерью милой меня положите.*

Трижды в функции дополнения употреблено слово МАМА: 1) *В тихой зелени кедров и сосен есть Родовой старины уголок. Там отец мой замолкшею осенью Маму счастьем одаривать мог.* 2) *На плаче модуляций я подпеваю маме: Не хочется прощаться с былыми временами.* 3) *Свою естественную речь Пытаюсь крепкими корнями Любви отца к поющей маме Из лета светлого извлечь.*

И лишь один раз использовано слово МАТУШКА: *И в послевоенном детстве Я за матушкой вознёс Музыкальное наследство Неслучайных русских слёз.*

4. В функции несогласованного определения слова со значением «мать» встречаются в словосочетаниях *голос матери, в колыбельной мамы, песня мамы, голос матушки, землячкам матушки*, всего 5 единиц: 1) *Вернутся дети в мирный вечер, И голос матери с крыльца Рванется ласково навстречу: Сыны похожи на отца.* 2) *Возвышенностью слова И вдовьими слезами Был с миром зарифмован Я в колыбельной мамы.* 3) *Засыпающий посёлок Песня мамы берегла.* 4) *В напеве различим едва-едва Негромкий голос матушки любезной: По воле Господа рождаются слова И в судный день сгорят или воскреснут.* 5) *Землячкам матушки моей.*

5. Имена прилагательные притяжательные и относительные (образованные от слов со значением «мать») в функции согласованного определения: 1) *Мамины частушки.* 2) *Мамкины частушки.* 3) *Полусонная изба Жмурит окна, словно очи. Отработана, слаба Сила матушкина к ночи.* 4) *Отцовская звучала речь И материнская звучала... Мне у Ларьякского причала Два чистых голоса беречь.* 5) *Мелодию сквозь мелколесье В два голоса не развести, Тревогу материнской песни Не разделить на два пути.* 6) *От пошлой скверны, тяжести раздоров Хранит меня забота земляков И в торжестве отеческих просторов, И в буднях материнских берегов.* 7) *Всевышней правдою исторгнут Момент святого торжества — Над материнской долей скорбной Нести рождённого Христа.* 8) *На материнском языке Стихи пишу, но яркость красок Подсказывает ханты ясанг, Гортань разжав на кадыке.* Отмечается один случай употребления контекстуального синонима в словосочетании *вдовьими слезами*.

По частоте употреблений слова, используемые для обозначения родной матери, располагаются следующим образом: МАТЬ (17), МАМА (15), МАТУШКА (7), ЕКАТЕРИНА (1), ХОЗЯЙКА ИЗБЫ (1), МИЛАЯ (1), МАТЕРИНСКИЙ (5), МАМИН (1), МАМКИН (1), МАТУШКИН (1), ВДОВИЙ (1). В общей сложности насчитывается 47 употреблений слов с алломорфными корнями -МАМ-, -МАТ-, используемых для обозначения родной матери. Из них существительные употребляются 39 раз, прилагательные — 8 раз. Кроме того, четырежды используются контекстуальные синонимы. Обращения встречаются 11 раз, подлежащие 15, дополнения 10, обстоятельства 1, несогласованные определения 5, согласованные определения 9 раз.

Однако помимо однокоренных слов и контекстуальных синонимов в текстах стихотворений используются и другие языковые средства именования матери. Это местоимения и синтаксические конструкции.

Местоимения представлены двумя разрядами: личные (Я, ТЫ, ОНА) и притяжательные (ТВОЙ, ЕЁ). Они выполняют синтаксические функции 1) подлежащего, 2) дополнения и обстоятельства, 3) согласованного определения.

1. **Личные местоимения в роли подлежащего:** 1) *Но мужчину я не поняла.* 2) *Не красоте ты нежила Купальщицей в реке.* 3) *Холодом снова морозы грозят, Хворост ты ищешь на первом снегу.* 4) *Ты над корытом согнулась в дугу.* 5) *Добрую силу во мне ты найдёшь.* 6) *Машкарадихой ходила Ты в округлый хоровод.* 7) *Ах, и лихо топотушки Откаблучивала ты!..* 8) — *Милая, хоть ты-то пожалей.* 9) *Но ты и мне как мать Берегиня*

Здесь, на земле, по-прежнему нужна. 10) На полотенце годы вышиты, Узор их прост, не-одинаков. Над ним и горько и возвышенно **Ты**, мама, уставала плакать.

2. Личные местоимения в функции дополнения: 1) Любовь рассыпана в букете, Есть алый, жёлтый, голубой... **Тебя** уж нет. 2) Мама, я — сын, я **тебе** помогу (6 единиц). 8) Тебя уж нет, но на рассвете Опять встречаемся **с тобой**. В функции обстоятельства — 1 раз: **У тебя** в седилах и морщинах Есть забота древняя о сыне.

Местоимение ОНА в функции дополнения/обстоятельства использовано только 1 раз: И приходят **к ней** прежние гости.

3. Притяжательные местоимения второго и третьего лица единственного числа (в значении «относящийся к моей матери») в функции согласованного определения: 1) И все тысячелетия, все века Песни поколений ваховских Грелись на солнце, вмерзали во льды, Чтобы отозваться в **твоей** мелодии, Мама... 2) Ничего что по-другому Зазвучит **твоей** голосок. 3) **Её** песня в суровую стужу Над моей колыбелью плыла.

Всего в текстах стихотворений использовано 20 личных местоимений. Все они являются обозначениями родной матери поэта. Чаще всего употребляется местоимение ТЫ (18 раз), придающее авторской речи задушевность, подчеркивающее духовную близость сына и матери. Можно отметить только три случая употребления притяжательных местоимений, которые употреблены в значении «принадлежащий матери».

Суммировав данные, можно убедиться в том, что чаще всего слова со значением «родная мать» занимают позицию подлежащего, реже они используются в функции дополнения. В этом отношении местоимения ведут себя так же, как и полнозначные слова: на грамматическом уровне передается высокая «активность» матери.

Какие бы синтаксические функции ни выполнялись местоимениями, они расширяют круг сочетаемости ядерной части концепта, «втягивая» в ее окружение новые слова.

Круг сочетаемости слов, имеющих отношение к обозначению родной матери, расширяется еще и за счет имплицитных именованных. Анализ материала показал, что обозначения концепта в текстах стихотворений встречаются не только в открытой форме в виде полнозначных слов и местоимений, но и передаются через посредство синтаксических структур в виде 1) односоставных определенно-личных и 2) односоставных безличных предложений, 3) словосочетаний с опущенными, но легко восстанавливаемыми из контекста наименованиями (в роли несогласованных определений).

1) В односоставных определенно-личных предложениях глагол не нуждается в наличии местоимения, так как в его форме заключено уже указание на вполне определенное лицо. Местоимение-подлежащее легко восстанавливается из контекста, а главный член односоставного предложения пополняет круг слов, сочетающихся со словом «мать» и его синонимами: 1) С детьми на рыбе **выжила** В военной той беде. 2) Все **повторила** кроме **бы** Слезы — в кормилец-Вах... 3) **Держала** экономику на худеньких плечах. 4) **Перемыла, убрала, Уложила, довязала...** 5) И **сложила** два крыла На коленочки устало. 6) Долго **стираешь** бельё, **устаешь**. 7) Слышу, косою **звенишь** на лугу. 8) Празднично **плянешь**, платком зазывая. 9) Под гармонью **голосила**, И **подхватывал** народ... 10) **Подари** мне, гор-родскому, Деревенский огонёк. 11) Как мне, **подскажи**, начать сначала? 12) **Ушла** к отцу, любимому мужчине и др. Всего таких употреблений насчитывается 14.

2) В односоставных безличных предложениях, извлеченных из текстов стихотворений, местоимение-дополнение выводится из контекста: всегда можно подставить словоформу **тебе*, которая имплицитно заложена в грамматической структуре этих предложений: 1) И **невмочь заголосить**, Боль снимая поясницы. 2) Лампу **надо погасить**, **Помолиться** у божницы. 3) Солнце парит, **надо сено косить**. 4) **Душно и потно, хочется пить**. 5) **Тошно и жарко** в бредовом кругу. Отмечается 5 случаев употребления таких предложений.

3) Незавершенные словосочетания с невыраженным несогласованным определением восстанавливаются через текстовое окружение, мысленно они могут быть дополнены словоформой *матери: 1) *В чудном кружеве сказок волшебных Пели звезды, цветы... И не вдруг Было масло на ломтиках хлебных Из мозолистых ласковых рук (*матери)...* 2) *Я еще не видел звезды На высоких небесах, Но родной певучий роздых (*матери) Прогонял все-ленский страх.* 3) *Осенний ветер причесал седины (*матери), И луч коснулся серебра бровей (*матери).* 4) *На фоне зелени и золота разлуки Слова я безответные шептал, Последний раз поцеловал я руки (*матери), Которые без дела не видал.*

Центральная часть ассоциативно-семантического поля «родная мать» представлена в стихотворных текстах разными языковыми средствами: 1) через посредство полнозначных слов (47 употреблений), 2) через контекстуальные синонимы (4 случая), 3) с помощью местоимений (23 употребления), 3) имплицитно (24 случая). В общей сложности это 98 обозначений, что само по себе говорит о том, что репрезентируемая ментальная сущность действительно является концептом, причем этот концепт имеет для автора особое значение.

Перейдем к описанию той части ассоциативно-семантического поля, которая содержит словоформы «втянутых» слов. Предметом рассмотрения будут являться теперь вторые члены уже рассмотренных выше словосочетаний. Очевидно, что основную часть сочетающихся словоформ составят предикаты. В силу того, что многие из них на чисто грамматическом уровне характеризуются семантической недостаточностью, выделение словосказуемых не всегда представляется возможным. По этой причине будут рассматриваться как грамматические, так и логические предикаты. По семантике их можно объединить в подгруппы.

1. В составе предикативных структур:

1) ‘источник жизни и таланта’: 1) *в предьянварскую ночь новогодья жизнь дала мне;* 2) *данного (матерью слуха);*

2) ‘любила отца и сыновей’: 1) *сближали рты (мать с отцом) над ваховским пенгали;* 2) *навек родные народы, словно мать и отец, влюблены;* 3) *растревожены (мать и родня);* 4) *до сих пор зовет ребенком;* 5) *ждала меня;*

3) ‘тоска одиночества’: 1) *все повторила кроме бы слезы — в кормилец-Вах...;* 2) *на полотенце годы вышиты, узор их прост, неодинаков. Над ним и горько и возвышенно устала плакать;*

4) ‘много трудилась’: 1) *долго стираешь бельё;* 2) *над корытом согнулась в дугу;* 3) *к холодным вахским водам белье ходила полоскать;* 4) *перемыла,* 5) *убрала,* 6) *уложила,* 7) *довязала;* 8) *не красоту нежила купальщицей в реке;* 9) *с детьми на рыбе выжила в военной той беде;* 10) *бросала сеть-невод в кровь-зарю;* 11) *держала экономику на ху-деньких плечах;* 12) *хворост ищешь на первом снегу;* 13) *косою звенишь на лугу;*

5) ‘сильно уставала’: 1) *устаёшь,* 2) *сложила два крыла на коленочки устало;*

6) ‘владела даром слова и пения’: 1) *ему сказала;* 2) *на отца по-бабьи расшумелась;* 3) *когда рвался буран в мою душу, добрые сказки плела;* 4) *любила песни распевать;*

7) ‘хорошо воспитывала’: 1) *со мною мучились порядком немало лет (отец и мать), чтоб дать рыбацкую хватку и песней душу воспитать;* 2) *у хантыйского чума мне подарила тетрадь и чернила;* 3) *просила свой почерк не исказить;* 4) *благодетию строго учила;* 5) *поручила мне не далече, а рядышком видеть землю, родившую православное отчество в моем ваховском племени, где хантыйская вотчина учит вечному времени;*

8) ‘умела веселиться’: 1) *машкарадихой ходила в округлый хоровод;* 2) *празднично пляшешь, платком зазывая;* 3) *под гармонью голосила;* 4) *лихо топотушки откаблучивала;*

9) ‘умерла’: 1) *в кедрач, как в храм, вошла, в миру оставив взрослых сыновей;* 2) *ушла к отцу, любимому мужчине;* 3) *на погосте под крестом третий месяц лежит;*

10) ‘готовность сына помочь материи’: 1) *добрую силу во мне (ты) найдешь;*

11) 'тоска сына по умершей матери': 1) *но (ты) и мне как мать Бергения здесь, на земле, по-прежнему нужна;*

12) 'обращения сына к матери': 1) *помнишь, (матушка), гулянку;* 2) *вспомни, (матушка), частушки;* 3) *подари мне, городскому, деревенский огонёк;* 4) *милая, хоть ты-то пожалей;* 5) *как мне, подскажи, начать сначала.*

2. В составе словосочетаний. Эта группа предикатов выражает отношение к матери со стороны окружающих.

1) 'общение с матерью': 1) *на плаче модуляций я подпеваю (маме);* 2) *с благодарностью слушаю (мать);* 3) *и в послевоенном детстве я (за матушкой) вознес музыкальное наследство неслучайных русских слез;* 4) *обратился (к матери своей);* 5) *(у тебя) в сиднях и морщинах есть забота древняя о сыне;*

2) 'любовь к матери, тоска по умершим родителям': 1) *там отец мой замолкшею осенью (маму) счастьем одаривать мог;* 2) *любви отца (к поющей маме);* 3) *но за прошлое хочется крепко держаться, как больному ребенку (за строгую мать);* б) *я выйду из утлой избушки оплакивать (мать и отца);* 7) *(тебя) уж нет;* 8) *но на рассвете опять встречаемся (с тобой);* 9) *а когда отыграю последнюю роль, рядом (с матерью милой) меня положите;* 10) *и приходят (к ней) прежние гости — вот опять кто-то в вечность спешит;*

3) 'сочувствие, понимание, готовность помочь': 1) *у (бедной матери) два сына на две мозолистых руки;* 2) *и безраздельная кручина — такой не знают мужики;* 3) *(*тебе) лампу надо погасить,* 4) *(*тебе надо) помолиться у божницы;* 5) *надо сено косить;* б) *(*тебе) невмочь заголосить, боль снимая поясницы;* 7) *(*тебе) душно и потно,* 8) *(*тебе) хочется пить;* 9) *(*тебе) тошно и жарко в бредовом кругу;* 10-15) *(тебе) помогу.*

Основную часть слов, входящих в состав рассматриваемых словосочетаний, составляют глаголы, большая часть которых (46) называет действия, совершаемые матерью; меньшая часть (28) служит для выражения отношений к матери со стороны других субъектов (отца, сына, односельчан). Имена существительные называют объекты, имеющие отношение к матери, а имена прилагательные — ее качества и характеристики. На уровне слов, непосредственно сочетающихся со словами ядра, передаются такие логические смыслы, как 'простая', 'русская', 'с Урала родом', 'имела двух сыновей', 'рано овдовевшая', 'много трудилась', 'сильно уставала', 'много чувствовала', 'вызывала любовь и сочувствие', 'умела хорошо петь', 'хорошо владела словом', 'хорошо воспитывала', 'умела веселиться', 'умерла', 'тоска сына по умершей матери', и некоторые другие. Наиболее интенсивно передается смысл 'много трудилась'.

Будучи сконструированным, ассоциативно-семантическое поле может быть подвергнуто когнитивной обработке, в результате которой создается вербальная модель художественного концепта.

Итак, источник языкового материала действительно является одним из наиболее надежных классификационных признаков при построении типологии вербальных моделей концептов. Сфера его действия распространяется на все разновидности концептов-означающих. Деление источников на «книжные», «живые» и смешанные позволяет более четко осознать необходимость строгого разграничения концепта как ментальной структуры и его «овеществления» в форме вербальных и графических моделей.

В заключение следует сказать, что источник языкового материала может использоваться для построения классификации концептов. Практическая значимость такой классификации заключается в возможности ее применения в дидактических целях: признак помогает студентам и аспирантам понять причины многозначности термина «концепт», объяснить существование нескольких подходов к описанию концепта, разобраться в многочисленных классификациях концептов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., доп. Томск, 2006.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.
4. Мазин В.А. Ритмы времени в рифмах судьбы: Избр. стихотворения. Екатеринбург, 2010.
5. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие. М., 2008.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2010.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
8. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учеб. пособие / Под ред. В.Д.Бондалетова. М., 2006.

Э.М.Рянская
А.С.Балкунова
Нижевартовск, Россия

E.M.Ryanskaya
A.S.Balkunova
Nizhnevartovsk, Russia

СЕТЕВОЕ ИМЯ (НИКНЕЙМ) КАК ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК

NET NAME (NICKNAME) AS A LANGUAGE SIGN

Аннотация. Статья посвящена характеристике знаковой структуры сетевых имен (никнеймов). Рассматриваются общие признаки, присущие ему как знаку-ониму, и специфические, свойственные никнейму как языковому коду.

Ключевые слова: единица искусственной номинации; характеристики знака-онима; языковой код.

Сведения об авторах: Рянская Эльвира Михайловна¹, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода; Балкунова Александра Сергеевна², аспирант кафедры лингвистики и перевода.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 628609, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б; тел. (3466)273577; e-mail: ¹elohka2210@yandex.ru, ²nggu_eld@mail.ru

Abstract. The present article is concerned with characteristics attributed to semiotic system of netnames (nicknames). It analysis general features of a net name as of a naming unit, and specific characteristics of a nickname as of a semiotic code.

Keys words: unit of artificial nomination; characteristics of naming units; semiotic code.

About the authors: Ryanskaya Elvira Mikhailovna¹, doctor of Philology, docent, professor of Linguistics and Translation department; Balkunova Alexandra Sergeevna², postgraduate student of Linguistics and Translation department.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Сетевое имя, или никнейм, является единицей искусственной номинации и призвано идентифицировать пользователя сети Интернет. Это новое имя, своего рода визитная карточка, самая главная деталь выдуманного (виртуального) образа или имиджа. Возникновение никнеймов связано с новым видом коммуникации и имеет целью не столько скрыть реальную информацию о себе, сколько позиционировать себя в виртуальном мире, подчеркнув личностные черты или создав определенный образ, чаще всего придуманный. Специфика использования и, следовательно, создания никнеймов связана с тем, что интернет-коммуникация позволяет установить не односторонний, а взаимный контакт коммуникантов. Ценность изучаемого языкового явления состоит в том, как сам человек идентифицирует (определяет) себя в веб-среде (от англ. *Web Runtime Enviroment*, или *WRT*). Никнейм, обладая всеми характеристиками антропонима (личного имени), которое дают при рождении родители, отличается от него своей произвольностью и свободой выбора. Важно отметить то, что ники, образованные на основе личных имен, например, «*дима*», «*саша*» (именно с такой орфографией) потенциально не привлекают внимания других коммуникантов. Отсюда стремление создателей сетевых имен к использованию необычных имен, вызывающих больший интерес: *БублЕжУй*, *Дождь*, *kolhozman*, *Шветка*, *Туманная*, *десантник*, *апельсин* и т.д.

Ономастическая лексика, как любая языковая единица, соотносимая с объектом действительности, представляет собой знак, который может быть описан. Ее относят к безэквивалентной лексике (реалиям) [7. С. 6], определяют как единственный символ-знак отдельного объекта, обладающего социально-дистинктивной важностью [4. С. 85], как обозначающую отдельный объект (референт), принадлежащий классу предметов, индивидуально выделяемых из него [2. С. 203]. Отсюда следует, что одни имена собственные связаны с единственным (единичным) объектом, например, *Волга*, другие — с одним из класса объектов, например, *Иван*. Во втором случае имя функционирует в двойной роли — как общее название, пока не отнесено к конкретному объекту, и как индивидуализированное, когда соотносено с определенным референтом [4. С. 85].

Как было отмечено выше, никнеймы — это новые единицы из сферы искусственной ономастики или вторичной номинации, что осложняет интерпретацию их как знаковых

единиц. Наше исследование сетевых имен каталога интернет-программы ICQ (Айсикью — «I seek you» — 'Я ищу тебя') на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры показывает, что в образовании никнеймов участвуют имена собственные, нарицательные, комбинированные или искусственные знаки-символы: *Егор, Ирина, СЕРЕГА; Иллюзия, ласточка; drug, podushka; *\$cRaT*, Sn()wy*.

По своему статусу никнеймы относятся к онимам, ближе всего — к псевдонимам. Исходя из этого положения все никнеймы либо единичны, неповторимы, следовательно, безэквивалентны и соотносимы с конкретным носителем, либо индивидуальны в условиях конкретной ситуации интернет-общения, поскольку никнеймы нескольких участников коммуникации могут совпадать.

Наиболее дискуссионным является вопрос о наличии значений у индивидуальных имен. Довольно распространенное мнение, по заключению Н.Г.Комлева, состоит в том, что имя собственное значения не имеет до тех пор, пока оно не связано с определенным объектом — лицом или вещью [4. С. 85]. По мнению автора, имена собственные легко идентифицируются как представители определенного класса. «Они состоят из звукотипов (фонем, слогов) и составлены по морфологическим и грамматическим правилам конкретного языка. Они имеют и лексическое понятие, ибо, услышав, например, имя *Марфа*, мы уже узнаем не только слово-знак, но и целый ряд других моментов (русское женское имя, несколько архаичное)» [Там же].

По мнению Н.Ф.Алефиренко, понимание того, что онимы не обладают обобщающим значением, потому что соотносятся с единичными объектами, противоречат аксиомам, что «всякое слово обобщает» и «значение», «обозначение» и «употребление» взаимосвязаны, но не тождественны [2. С. 203].

Обобщающая часть ономастического значения, считает автор, сообщает о присущих объекту номинации признаках, что «составляет сущность сигнификативного компонента ономастической семантики» [2. С. 204]. Однако приведенный Н.Ф.Алефиренко пример *Байкал* иллюстрирует случай, когда с объектом (озером) связано отражение в сознании как индивидуальных признаков, так и общих (с другими озерами). В случае с никнеймами в сигнификативном компоненте ономастического значения отражаются лишь наши знания, а если точнее, представления о конкретном носителе виртуального имени.

Референтная отнесенность онимов проявляется в том, что имя призвано выделить уникальность объекта, в то время как назначение апеллятива — назвать обобщенный объект, подчеркнуть его серийную сущность. В связи с этим, как отмечает Н.Ф.Алефиренко, оним является результатом процесса дифференциации и по своей сути сходен с дейктическим значением, т.е. служит средством идентификации и индивидуализации. Тип номинативной функции апеллятива — классифицирующий, собственно-лингвистический, онима — репрезентативно-дифференцирующий, обусловленный преимущественно экстралингвистическим характером [2. С. 205—206].

Следует согласиться с тем, что поскольку онимы — это слова, то они не могут не иметь значений «как вербализованного отражения в нашем сознании объекта именованного», следовательно, сигнификатом ономастического значения является единичное понятие об отдельном объекте [2. С. 208].

Отметим также, что репрезентативно-дифференцирующая функция никнейма связана с выбором десигната как особого культурно-знакового кода. Как уже упоминалось, никнейм наиболее близок к псевдонимам, а понятие «псевдоним», по справедливому замечанию Г.В.Холодных, изоморфно понятию «аноним», поскольку в обоих случаях подлинное имя заменяется условным знаком [12. С. 7]. Как полифункциональный знак псевдоним представляет или скрывает определенные характеристики автора (пол, возраст, национальность, социальное положение и т.д.), а также тип авторства (индивидуал, соавторы, коллектив) [12. С. 18]. С этой точки зрения никнейм — «индивидуал». К числу общепризнанных

свойств знака относят отсутствие детерминированности знака предметом, который он замещает [10. С. 15], т.е. речь идет о произвольности языкового знака. Если говорить о создании никнеймов, то это своего рода «рукотворный» символ, созданный носителем псевдонима. Это результат наполнения знака различными компонентами, формирующими образ «Я».

Напрашивается аналогия со статусом названия текста — быть не просто знаком объекта, а кодом, содержащим внутреннюю сущность, демонстрирующим лишь намек на содержание. При этом кроме смыслового содержания за знаком (названием) могут стоять эмоциональные, психологические, социальные, этические и даже мировоззренческие аспекты [9. С. 80—81].

Имя собственное как «лингвосоциальный артефакт» интегрирует, по мнению В.А.Ражиной, и денотат, и концепт [7. С. 4]. С этой точки зрения никнейм можно рассматривать как знак, содержащий не просто придуманный образ, но и мировоззрение, социальный статус и другие признаки целого концепта «Я», представляющего своего рода слепок с нового образа самосознания.

Концепт «Я» является основой осознания человеком его личностной идентичности [11. С. 31], поэтому выбор формы выражения самоидентификации позволяет носителю (автору) никнейма позиционировать те качества, которые его характеризуют или создают воображаемый образ. Справедливо отмечая, что никакой языковой образ напрямую не соответствует конкретному объекту действительности, Е.В.Рахилина рассматривает его как соединение нескольких представлений об этом объекте [8. С. 340]. Никнеймы несут в себе особый языковой образ, зависящий от интенций автора — скрыть за «именем-маской» свою реальную сущность или, наоборот, подчеркнуть какие-либо черты. Так, *BeСтИя*, *knocker* (от амер. *knocker* — красавчик), *Skromnica* (*скромница*), *милашка*, *ЛАСКОВЫЙ*, *psiho*, *стерва* и т.п. Приведенные примеры относятся к именам, позиционирующим определенные черты характера. Часть никнеймов, как показывает наш материал, не поддается расшифровке: *atoz*, *~laki~*, *putik 2006* и т.п.

Как языковые знаки, неотделимые от процесса коммуникации, они приобретают коннотативную и прагматическую значимость — способность передавать различные оттенки эмоциональных и интеллектуальных оценок [7. С. 4].

По мнению Н.Ф.Алефиренко, референтная, денотативная и сигнификативная отнесенность онимов представляет ядро ономастического значения, в то время как коннотативные смыслы образуют его периферию [2. С. 210]. Полагаем, что, прежде всего, при использовании никнеймов актуализируется мотивированное представление о личности как совокупности самооценок, создающих микроконцепт «я», связанное с приписыванием знаку определенного смысла. В никнеймах для выражения оценочных смыслов привлекаются различные средства. С мотивом номинации связано, прежде всего, фонетико-графическое и орфографическое оформление языкового знака. По наблюдениям некоторых ученых, звуки могут обладать нелингвистическим эмоционально-оценочным смыслом. «Фоносемантическое значение», как отмечает В.А.Пищальникова, возникает из ассоциативного сближения звуковых обликов слов и определенных чувственных представлений [5. С. 79]. Так, к эмоционально окрашенным знакам препинания П.В.Смородина относит: восклицательный знак, диграфы, включающие в себя вопросительный и восклицательный знаки, многоточия [9. С. 85]. Отметим несколько подобных примеров: *Я!!!*, *Alenka!*, *Saimon!!!* и др.

Эмоционально-оценочный эффект придают, на наш взгляд, такие особенности никнеймов, как использование прописных букв: *OLYA*, *MARIANNA*; включения прописных букв: *AnGeL*, *NiKa*; дефиса: *Ole-g*, *Брю-ки*; коммерческого знака: *@nton*, *КроХ@*; апострофа: *Ком'OK*; звездочек: **Don**, ***Патриот***; знака доллара: *Prince\$\$ka*; круглых скобок: *Эмочка)))*; тильды: *Юлия~*. В нашей картотеке встретились также звукоподражательные никнеймы, которые явно наделены оценочным коннотативным компонентом: *ай-ай*, *Bul-bul*.

Для подобных примеров своего рода языковой игры важны семиотически оформленные лингвистические и экстралингвистические знания [6. С. 287]. Лингвистические знания связаны с фонетикой, графикой, орфографией; паронимическими возможностями языка, лексической многозначностью, прагматическими компонентами. К экстралингвистическим знаниям относятся также прецедентные имена, ситуации и высказывания [6. С. 287—288].

Основными факторами порождения коннотаций являются двойственная природа языкового знака и его полифункциональность [3. С. 155]. Одна и та же форма может служить для обозначения нескольких объектов, в результате возникают вторичные функции и вторичные номинации. В связи с этим важным является замечание И.Е.Герасименко: «Если в знаках первичной номинации отражается тождественность реальности и ее смысла, то знаки вторичной номинации служат средством объективации смыслов уже из сферы личностно значимых отношений» [Там же].

Применительно к никнеймам тезис о связи коннотации и вторичной номинации весьма актуален. Под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов, к которым, в нашем случае, можно отнести и самопрезентацию носителя виртуального имени (т.е. влияние языковой личности), в процессе вторичной номинации никнеймы получают эмоционально-образные и эмоционально-оценочные компоненты. Происходит, как образно описывает этот процесс Н.Ф.Алефиренко, транспозиция кодовых элементов — «погашение предметно-практических смыслов и порождение смыслов, возникающих в системе жизненно значимых отношений человека и среды его обитания» [1. С. 67].

Прием вторичной номинации позволяет выразить как положительную, так и отрицательную самооценку за счет использования имен нарицательных различных тематических групп: *Халява, Боец, Next, веснушка, гном, Дождь*. Довольно часто встречаются шуточные никнеймы (пайзонимы), имеющие целью произвести комический эффект: *ГОЛОД, Пуговка, нунс, Кадриль, Babanja, podushka, Prizrakprizrakov*. Распространены никнеймы-зоонимы, которые благодаря своему коннотативному потенциалу, легко используются для самооценки: *пантерка, Серый Волк, Суслик, тигренок, saika* (зайка), *киска, моська, Мур, мышь, ёж, Sweetcat* (от англ. *sweet cat* — сладкий котенок).

В виртуальном пространстве важнейшей функцией является коммуникативная и, прежде всего, такая ее разновидность, как контактоустанавливающая. Прагматизм предполагает наличие коммуникативных потребностей, к которым относят: формирование собственной идентичности, желание произвести впечатление, реализовать свои творческие возможности, сыграть роль и т.д. Из всех коммуникативных потребностей чаще выделяют намерение автора виртуального имени произвести впечатление на коммуникантов.

Формирование собственной идентичности реализуется виртуальной личностью путем выбора никнейма, отражающего, по представлениям автора, наиболее яркие качества или черты его «Я». Из опрошенных нами носителей виртуальных имен лишь 5% указали, что никнейм отражает их сущность, «Я». При этом в дальнейшем 68% положительно ответили на вопрос «соответствует ли никнейм твоему характеру, твоим личным данным?». Только 22% отметили, что такого соответствия нет, и 10% не смогли ответить на вопрос. Желание донести до собеседников информацию об определенных свойствах своей личности реализуется выбором ников, отражающих интересы и увлечения (8%). Третья часть респондентов (32%) объясняет свой выбор удобством, модой, оригинальностью, тем, что это имя просто понравилось. На случайный выбор никнеймов («просто так») указали 6% участников опроса.

Что касается стремления авторов реализовать в подборе свои творческие возможности, то они проявляются достаточно часто. Обратим внимание на ряд подобных имен: *chinchona* «англ. *to chin* — болтать, я люблю общаться с интересными людьми»; *Ренианна* — «имя героини цикла моих рассказов»; *Читатель снов* — «понравился образ, созданный именем». Авторы часто останавливают свой выбор на игре слов: *Юляфка; Шветка, Мифффанька* (от *Мишенька*); *Bul-bul* («люблю воду и всё, что с ней связано»).

Необычные имена привлекательны для собеседников, служат для установления первичного контакта, реализуя тем самым интенции их носителей произвести впечатление или привлечь внимание (*Туманная, Майская роза*). Тем же целям служит выбор имен известных героев фильмов, мультфильмов, книг, игр и т.д. по их личностным или внешним характеристикам. Такие ники выбрали 14% опрошенных. Приведем следующие примеры: *Шато Марго* («так зовут героиню песни группы “Сплин”»); *Boombastic* («Я поклонник Shaggy. У него есть песня “Мистер Бумбастик”, она мне очень нравится, отсюда мой ник... Я такой же, как он...»).

Исходя из изложенного можно утверждать, что в никнейме как слове-знаке прагматический компонент более эксплицирован, чем в псевдониме. Он выражает информацию о коммуниканте, стремящемся в первую очередь обратить на себя внимание, создать благоприятные условия для восприятия смыслового оттенка никнейма (если он присутствует).

Подводя итог характеристике знаковой структуры никнейма, можно заключить, что данная языковая единица несет в себе основные характеристики знака-онима, это:

- единичность, неповторимость, безэквивалентность;
- референтная отнесенность как соотносимость с конкретным носителем;
- принадлежность к репрезентативно-дифференцирующему типу номинативной функции;
- сигнификатом ономастического значения является единичное понятие об отдельном объекте;
- коннотативная и прагматическая значимость.

При этом можно отметить и ряд особенностей, отличающих в определенной степени никнеймы от остальной ономастической лексики:

- индивидуальность в условиях конкретной ситуации интернет-общения;
- полифункциональность (цель — замаскировать «я» или, наоборот, позиционировать себя);
- по своему сигнификативному содержанию — результат наполнения различными компонентами, формирующими образ «я»;
- высокая степень выраженности и мотивированности коннотативных смыслов;
- связь репрезентативно-дифференцирующей функции с выбором десигната как особого культурно-знакового кода;
- активное использование в качестве имени слов во вторичной номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002.
2. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М., 2005.
3. Герасименко И.Е. Коннотация и динамизм языкового знака // Известия Уральского государственного университета. № 59. Вып. 16. Екатеринбург, 2008.
4. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 2006.
5. Пищальникова В.А. Фоносемантическое содержание текста: тенденции и методы исследования // Русский язык в школе. 2009. № 5.
6. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М., 2005.
7. Ражина В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.
8. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
9. Смородина П.В. Категория названия на глубинном и поверхностном уровнях // Вестник Московского государственного университета им. М.А.Шолохова. Филологические науки. 2009. № 1.
10. Солнцев В.М. Языковой знак и его свойства // Вопросы языкознания. 1977. № 2.
11. Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В.Красных, А.И.Изотов. М., 2005. Вып. 30.
12. Холодных Г.В. Псевдоиздания: понятие, сущность, виды (на примере изданий на французском языке XVIII — начала XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ
СВОЙСТВ ПРЕДЛОГАTHE PROBLEM OF FORMATION
OF FUNCTIONAL AND SEMANTIC
PROPERTIES OF THE PREPOSITION

Аннотация. Статья посвящена анализу функционально-семантических свойств предлогов в немецком языке с позиций когнитивистики. Для проведения анализа был отобран один из широко распространённых в речи полисемантический предлог *an*.

Ключевые слова: предлог; этимология; семантика; функционально-семантические свойства; пространственные отношения.

Abstract. The article gives the analysis of functional and semantic properties of the preposition in the German language from the viewpoint of cognitive linguistics. For the analysis the article takes one of the most widely used in speech polysemous preposition “an”.

Key words: preposition; etymology; semantics; functional and semantic peculiarities; spatial relations.

Сведения об авторе: Старкова Людмила Ивановна, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

About the author: Starkova Lyudmila Ivanovna, senior lecturer of Modern Languages department.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Контактная информация: 628609, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б; тел. (3466)272533; e-mail: starkovaliva@mail.ru

В настоящей статье на примере немецкого предлога *an* сделана попытка выявления его функционально-семантического потенциала. С этой целью предлог *an* был подвергнут словарному анализу. Изучение данных этимологических и языковых словарей немецкого языка позволило выяснить, насколько разнообразно предлог выражает различные типы отношений и как глубинное значение предлога *an* служит источником его семантического развития.

Рассмотрение первообразных предлогов в диахроническом аспекте показывает, что исходное пространственное значение не только сохранилось в слове, но и расширило семантическую структуру предлогов и тем самым область их употреблений. Так, этимологический словарь немецкого языка *Duden Herkunftswörterbuch* указывает, что предлоги *an* имеет общегерманское происхождение. Вместе с готским *ana*, английским *on*, шведским *å* и с родственными словами из других германских языков предлог *an* восходит к корню в индогерманском языке *an-* со значением «*an etwas hin oder entlang*» (по направлению к или вдоль). В древневерхненемецком языке у предлога была форма *an[a]*. В средневерхненемецкий период форма *an[a]* перешла в *an[e]* и позднее полностью утратила конечный гласный звук. Этимологически заложенное значение пространства в данном предлоге сохранилось и в современном языке. Изученные нами словарные статьи лексикографических источников современного немецкого языка указывают на наличие этого значения и рассматривают две модели пространства: месторасположение и траекторию движения. В то же время разные словари выделяют разное количество значений, например, в словарной статье *Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache* авторы выделяют 12 значений или вариантов употребления, а авторы *Duden — Deutsches Universalwörterbuch* рассматривают только 7 семантических вариантов. По всей видимости, у лингвистов нет единого подхода к решению проблемы значения данного предлога, и каждый автор сам отмечает важные с его точки зрения значения.

Для предлогов характерно большое разнообразие сочетаемости и, как следствие, толкование и организация их значений вызывает у исследователей определенные трудности. Традиционное перечисление всех возможных значений слова приводит к дезориентации в словарной статье и проблеме выбора подходящего варианта. Некоторые лингвисты (А.Кульоли, Д.Пайар) предлагают выделять у языковых единиц единственное и максимально общее значение, которое подвергается трансформации в зависимости от контекста.

Учитывая частотное употребление предложных единиц, наличие инварианта или прототипа приводит к проблеме употребления слова в конкретной ситуации. Признавая полисемию предлогов, авторы (О.Н.Селиверстова, Е.В.Рахилина) считают перспективным как выделение и объяснение разнообразных значений в семантике предлога, так и организацию этих значений и вариантов употреблений в некое единство. Е.В.Рахилина, анализируя употребление предлогов *через* и *сквозь*, использует понятие концепта и семантическую сеть, в которой все элементы взаимосвязаны, имеют разный статус и расположены на разных уровнях [2. С. 265]. Функциональный подход при описании семантики использует в своих исследованиях К.Ванделуаз [10. С. 203]. Он изучает взаимодействие двух объектов через отношение «содержащее/содержимое» и влияние этих функциональных отношений на прочие характеристики. В современной теоретической семантике для описания значений предложных слов предлагается учитывать геометрические, топологические и функциональные характеристики описываемых ситуаций.

Рассмотрим семантику немецкого предлога *an*. О наборе семантических составляющих и потенциале значений, заложенных в предлоге, позволяют судить обзор и анализ фиксаций разнообразных типов отношений предлога в статьях немецкоязычных толковых и немецко-русского словарей, а также отобранный комплекс примеров из материалов немецкой прессы. Словарные фиксации семантики предлога *an* приведены в таблице 1.

Таблица 1

Словарные описания значений предлога *an*

№	Значение предлога	Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch	Duden-Deutsches Universalwörter buch	Немецко- русский словарь К.Лейна и др.
1.	Указание на местонахождение, близость, соприкосновение (<i>an der Hauptstraße wohnen</i>)	+	+	+
2.	Указание на направление, на движение в определенном направлении (<i>die Leiter an den Baum lehnen</i>)	+	+	+
3.	Указание на момент во времени, дату (<i>an meinem Geburtstag</i>)	+	+	+
4.	Указание на какое-л. учреждение, в котором кто-л. работает (<i>Schauspieler an einem Theater sein</i>)	+	-	-
5.	Указание на какое-л. занятие, дело, которое еще не закончено (непространственное отношение к предмету) (<i>an der Arbeit sein</i>)	+	+	+
6.	Указание на предназначенность кому-л., чему-л., обращённость к кому-л., к чему-л. (<i>an den Bruder schreiben</i>)	-	-	+
7.	Указание на то, что что-л. находится в распоряжении кого-л. в неопределенном количестве, указывает на недостаток или избыток чего-л. (<i>Überfluß an Obst</i>)	+	-	+

8.	Указание на способ, образ действия (<i>an den Fingern abzählen</i>)	+	-	+
9.	Указание на причину, основание, повод (<i>an der Krankheit leiden</i>)	+	+	+
10.	Указание на то, за что держатся, чего придерживаются (<i>sich am Geländer festhalten</i>)	-	-	+
11.	Указание на принадлежность, отношение, касательство к чему-л., на участие в чём-л., на состояние (<i>du hast immer an mir etwas auszusetzen</i>)	+	-	+
12.	При числительных указание на приблизительность данных (<i>an die Tausend</i>)	-	-	+
13.	Указание на пространственное либо временное расстояние, указание на приближение к чему-л., достижение чего-л. (часто с предлогом <i>bis</i>) (<i>Der Lärm drang bis an mein Fenster</i>)	+	+	+
14.	Указание на пространственную близость или большое количество двух схожих вещей, указание на множество или регулярность (при употреблении двух одинаковых существительных) (<i>mit j-m Tür an Tür wohnen</i>)	+	+	-
15.	Указание на присоединение дополнения (с определенными глаголами) (<i>sich an j-n wenden</i>)	+	-	+

Анализ данных таблицы показывает, что общее количество насчитываемых по всем словарям значений предлога *an* составляет 15. Немецко-русский словарь выделяет наибольшее количество вариантов употреблений — 13, в нем не содержится указание на участие предлога в выражении пространственной близости или большого количества двух схожих вещей как, например, в ситуации, выделяемой двумя другими словарями, — *mit j-m Tür an Tür wohnen*, а также отсутствует указание на какое-либо учреждение, в котором кто-либо работает, например, *Schauspieler an einem Theater sein*.

По данным всех словарей в современном немецком языке первичной функцией предлога *an* остается этимологически исходная локативная, а именно, предлог указывает на такие отношения между референтом и релятумом, как их непосредственный контакт, близость, соприкосновение. Причем контакт происходит внешними сторонами и может быть как на поверхности, так и у поверхности. Поверхность, как правило, вертикальная, такие геометрические характеристики, как глубина/высота, не существенны для предлога, важным признается фиксация и функциональная соотнесенность объектов. Указание на местоположение объектов относительно друг друга можно проследить в следующих предложениях.

Er schrieb eine Mail, sie schrieb freudig zurück — im Juni 2003 verabredeten sie das erste Treffen an der Frittenbude [8. С. 82].

*Justina Mulumba trägt ein mintgrünes Kleid und flüstert, **am** Grab ihres Sohnes kniend, kaum hörbar: "Vergib ihnen, Herr; denn sie wissen nicht, was sie tun" [4. С. 139].*

Предлог в обоих случаях указывает на близость объектов, референт располагается вдоль внешней поверхности релятума.

*„Ich arbeite weniger als früher, ich verdiene weniger, ich bin zufriedener“, resümiert Romhardt bei einem Gespräch in einem Café **am** Ufer des Berliner Wannsees [8. С. 64].*

Сравнение когнитивных ситуаций в двух языках показывает, что в немецком языке такое явление, как берег, представляется в качестве линии, соответственно, референт имеет положение у поверхности релятума, в то время как в русском языке в этом случае подразумевается некая поверхность.

Своеобразие прототипического значения предлога *an* состоит в том, что выражение локации связано, прежде всего, с вертикальной поверхностью.

*Schau dir das mal an, er hat keinen Aufkleber **an** seinem Fenster [4. С. 63].*

Такой объект, как окно, располагается вертикально, в то же время оно может быть под наклоном или находиться в крыше здания. В следующей ситуации референт находится под релятумом, то есть, как мы видим, местоположение объектов относительно друг друга не обязательно соотносится с вертикалью.

*Hinten im Wohnmobil waren kleine Schrankfächer **an** der Decke eingebaut [4. С. 62].*

Использование в такой ситуации предлога *an* указывает на соприкосновение внешних сторон релятума и референта, но пространственная траектория имеет направление снизу вверх. Подтверждает ли это предположение, что пространственное отношение может иметь любое направление? Скорее всего, употребление предлога в данной ситуации связано с тем, что такое понятие, как потолок, ассоциируется в представлении носителей немецкого языка, прежде всего, с пограничным участком или границей и, соответственно, с ситуацией окраины, а для выражения отношений местоположения у края объекта в немецком языке типично употребление предлога *an*.

Одновременно исходное значение предлога *an* связано и с ситуацией пространственного перемещения. Движение референта в направлении релятума подразумевает первоначальную дистанцию, релятум задает направление движения и выступает в качестве конечной точки-цели.

*Panik kam auf, nur neun Fahrer sollten bei der Tour **an** den Start gehen, einige der Deutschen bangten um ihren Platz [4. С. 59].*

*Im Holocaust wurden die Leute aus ihrem Leben gerissen, weggeholt, ohne zu wissen, warum, sie hatten nichts Falsches getan, und **an** einen furchtbaren Platz verfrachtet, aus dem es nur einen Weg heraus gab — das Krematorium [4. С. 57].*

В первом случае референт движется от исходной точки до линии релятума, во втором случае референт занимает определенную площадь релятума, то есть объект располагается непосредственно на поверхности. Понятие места связано не только с поверхностью, но и с вместительностью, с трехмерностью, и в данном случае происходит перемещение из одного пространства в другое, то есть релятум включает в себя референт. Но, скорее всего, в понимании немецкоговорящих людей возникает ассоциация нахождения не внутри, а при определенном месте, и предлог выражает свойственное ему отношение соприкосновения с границей или с внешним краем объекта.

*Straßenszene in einem Wiener Arbeiterbezirk: Ein Rentnerpaar geht **an** einer Reihe Werbeplakate entlang [7. С. 224].*

Перемещение происходит не к определенной точке релятума, а вдоль линии релятума, здесь второй предлог *entlang* усиливает параллельную траекторию движения. Употребление предлога с глаголами движения подчеркивает присутствие в семантике предлога *an* свойства динамичности.

Таким образом, прототипическое значение предлога содержит в себе следующие характеристики: референт занимает определенную площадь вдоль или у поверхности релятума либо референт движется в направлении к релятуму.

Отталкиваясь от прототипической пространственной ситуации, можно проследить, как исходное значение распространяется на временные и метафорические пространства и непространственные модели.

Предлог *an* показывает высокую частотность своего употребления при указании на временной фактор. Само время может быть интервалом, а может быть определенным моментом.

Seinen 61. Geburtstag am Mittwoch vergangener Woche verbrachte Glos mit der Anreise nach Hongkong [8. С. 35].

Wie gut, dass ich diese Frage schon am allerersten Drehtag gestellt habe [8. С. 119].

Die erste von bislang 52 Folgen lief am 8. Januar 2002 [8. С. 119].

Все отобранные нами контексты временного употребления показывают, что предлогу *an* свойственно выражать указание на конкретный момент, день, дату. Конкретность подразумевает, что носитель немецкого языка назначает или планирует какое-либо событие заранее и соотносит его с определенным моментом времени, то есть во временной семантике предлога присутствует свойство фиксированности.

Er befand sich an der Spitze des Ärzteteams [4. С. 58].

При рассмотрении данного примера видно, что метафорическая вершина представляется в качестве точки. Сравнивая эту ситуацию в двух языках, можно отметить, что для русского языка характерно представление некой абстрактной поверхности и употребление предлога *na*, в немецком же языке предлог указывает на контакт с некой точкой на поверхности, то есть глубинная семантическая структура предлога при переносе на метафорические пространства сохраняется.

Auch er schätzt die Mystik, obwohl er am personalen Gott festhält [8. С. 66].

„Wenn du jemandem hilfst, soll deine Linke nicht wissen, was deine Rechte tut“ — es scheint, als hielte sich Elisabeth Olzog an diesen Satz der Bergpredigt [7. С. 158].

Когнитивные ситуации в данных примерах отражают такое значение предлога, как близость референта к релятуму, проявляется значение указания на то, чего придерживаются.

В следующих контекстах предлогом реализуется значение предназначенности, обращенности к кому-либо. Предлог содержит указание на метафорическое перемещение от исходной точки к релятуму. Первичное этимологическое значение сохраняется также в этих ситуациях.

Dosiert verteilt er zwischendurch Handküsse an die Damen, fachsimpelt mit dem brasilianischen Kollegen über die Fußballweltmeisterschaft und fragt im Fahrstuhl unverblümt eine Blondine, ob sie nicht die irische Handelsministerin sei [8. С. 34].

Er winkte mit einem Brief, der an Jean-Marie Leblanc, den Leiter der Tour, gerichtet war; unsere Namen kamen darin vor, und es wurde von Doping-Praktiken im Team Telekom berichtet [4. С. 63].

В следующем предложении содержится указание на человека, который работает в университете:

„Mein Raumflug hat ein Nachdenken angestoßen“, sagt Ulrich Walter, 51, mittlerweile Leiter des Lehrstuhls für Raumfahrttechnik an der TU München [7. С. 157].

В такой ситуации, несмотря на то, что заведующий кафедрой работает внутри здания, его рабочее место носители немецкого языка осмысливают как местоположение при университете. Вероятно, здесь предлог *an* также выражает отношение принадлежности, предназначенности. Заложённая этимологически пространственная ситуация продолжает существовать в воображении носителя языка, служит источником семантического развития предлога и позволяет реализовывать абстрактные отношения в современном немецком языке.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что спектр семантического потенциала предлога можно представить следующими пространственными когнитивными моделями: «статический контакт снизу вверх», «статический контакт вдоль», «статический контакт у», «направление движения к», «направление движения вдоль», «временной момент». Свойство полифункциональности предлога заложено в его функционально-семантической эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Немецко-русский (основной) словарь. 5-е изд., стереотип. М., 1998.
2. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
3. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М., 2004.
4. Der Spiegel. Nr. 18. 2007.
5. Duden-Deutsches Universalwörterbuch. 2003. Bibliographisches Institut und F.A. Brockhaus AG, 5. Aufl. Mannheim. PC — Bibliothek Express [CD-ROM].
6. Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Bibliographisches Institut und F.A. Brockhaus AG, Mannheim, 2001.
7. FOCUS. Nr. 17. 2005.
8. FOCUS. Nr. 52. 2005.
9. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin und München, 2001.
10. Vandeloise C. La preposition DANS et la relation contenant / contenu // Leuvense Bijdragen. 1985. № 74.

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ
КАТЕГОРИИ ПРОСПЕКТИВНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО
И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)****PECULIARITIES OF REALIZATION OF
THE CATEGORY OF PROSPECTIVENESS
(ON THE BASIS OF THE FRENCH
AND ENGLISH LANGUAGES)**

Аннотация. В статье даётся краткая характеристика категории проспективности, её трактовка с различных научных позиций. Обосновывается необходимость выделения способов действия как самостоятельной лексико-грамматической категории. Статья содержит анализ и классификацию языкового материала. Используются данные французского и английского языков.

Abstract. The article presents a short characteristic of the prospective category and its treatment from various scientific positions. Necessity to single out ways of action as an independent lexical and grammatical category is proved. The article contains analysis and classification of the French and English language material.

Ключевые слова: понятийные категории; проспективность.

Key words: conceptual categories; the prospective category.

Сведения об авторе: Федорова Римма Владимировна, аспирант кафедры лингвистики и перевода Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

About the author: Fedorova Rimma Vladimirovna, postgraduate student of Linguistics and Translation department of Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Место работы: муниципальная средняя общеобразовательная школа № 34.

Place of employment: Municipal Secondary School № 34.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б; тел. (3466)272533; e-mail: f.rim@mail.ru.

Традиционное описание способов действия осуществляется «от формы к содержанию», то есть семасиологическим путем. При обращении к материалу разных языков данный подход утрачивает свою значимость и требует поиска таких методов, которые позволяют видеть как общие, так и специфические черты реконструируемых знаний и представлений о совершаемости действий или процессов. В связи с этим представляется целесообразным использовать при изучении способов действия ономазиологический подход — «от содержания к форме». В настоящей работе представлена попытка описания одного из способов действия — проспективности, которая рассматривается последовательно с позиции её понятийного содержания, а затем — языкового выражения. Анализ проспективности как понятийной категории позволяет определить круг аспектуальных понятийных ситуаций и затем сопоставить языковые возможности их выражения во французском и английском языках.

Термин «проспективность» связан с обозначением действия, представляющего собой ожидаемое вступление в определенную ситуацию или фазу предшествования вступлению в процесс, другими словами, это понятие о действии, которое должно совершиться в ближайшем будущем, и отражение представления о неизбежности наступающей ситуации [5; 6. С. 61—62].

Характеристика проспективных событий отражает различные представления об этом понятии, объединенные идеей будущего [1—3], проксимативности (интенциональности) [3, 8] или фазовости (начинательности) [4]. Обобщение имеющихся описаний, а также языковой материал нескольких языков (русского, английского, французского) позволил выделить следующие частные понятийные ситуации, передающие идею поэтапности проспективности: «намерение», «готовность к совершению действия», «движение к совершению действия», «близость к вступлению в действие», «неизбежность».

Рассмотрим языковые возможности выражения обозначенных аспектуальных ситуаций во французском и английском языках. Ситуация «намерения совершения действия»

во французском языке может быть представлена при помощи следующих инфинитивных конструкций: *vouloir de (à) + инфинитив, avoir à + инфинитив, avoir envie de + инфинитив, avoir le dessein de + инфинитив, avoir l'intention de + инфинитив, désirer + инфинитив, rever de + инфинитив, souhaiter de + инфинитив, aspirer à + инфинитив, entendre point le faire + инфинитив, entendre à + инфинитив, se proposer de + инфинитив, se disposer à + инфинитив, tendre à + инфинитив, être à + инфинитив, être forcé de + инфинитив, être pour + инфинитив, être obligé de + инфинитив, aller falloir + инфинитив, aller devoir (pouvoir) + инфинитив. Так, например:*

Il fallait me forcer dans ma bauge, immédiatement (Bazin H. Vipere au poing. P. 159).

J'avais bien envie de questionner Armand sur Marguerite, car la dédicace du livre, le voyage du jeune homme, son désir de posséder ce volume piquaient ma curiosité (Dumas A. La Dame aux camellias. P. 30).

Voilà. Je crois que c'est la seule chose à faire pour le moment (Simenon G. La première affaire de Maigret. P. 34).

Je suis obligée d'en référer immédiatement à votre grand-mère (Bazin H. Vipere au poing. P. 17).

Je voulais lui dire justement que... (Sagan F. Bonjour tristesse. P. 63).

Vous avez l'intention de m'accompagner? (Simenon G. La première affaire de Maigret. P. 10).

Je dois même dire que l'idée vient de moi (Bazin H. Vipère au poing. P. 137).

Maintenant, je n'ai qu'à attendre (Sagan F. Le sourire vague. P. 123).

Что касается английского языка, то он также обладает широким спектром языковых средств, выражающих модальное значение намерения совершения действия, среди них модальные глаголы и конструкции с аспектуальным значением проспективности: *to want + инфинитив, to wish + инфинитив, to desire + инфинитив, to intend (to plan) + инфинитив, to have an intention + инфинитив, to be (feel) inclined + инфинитив, to determine + инфинитив, to make up one's mind + инфинитив, will (do sth.) soon, to be bound + инфинитив, to have + инфинитив, to be ought + инфинитив, to be + инфинитив. Приведём ряд примеров:*

I want to go out too, for a minute (Lawrens D. lady's Chutterley's Lover. P. 286).

I desire to interpolate here that I am a Southerner (Henry O. Selected Stories. A Municipal Report. P. 157).

He had made up his mind not to try any more experiments (Wilde O. Lord Arthur Savile's Crime. P. 39).

I know I shall outrage the feelings of my friend Arthur, but I am bound to confess it would not surprise me to learn that he possessed powers by which he was able to do things seemingly miraculous (Maugham W.S. The magician. P. 45).

I ought to do it at once (Galsworthy J. The First and the Last. P. 87).

Одним из компонентов проспективного значения, представленного в английском и французском языках, является «готовность» к осуществлению действия или вступлению в определенную ситуацию. Во французском языке данная ситуация выражается рядом инфинитивных конструкций с глаголами в значении «готовности», «решимости», таких как *se décider à + инфинитив, déterminer à + инфинитив, résoudre de + инфинитив, se préparer à + инфинитив* и, прежде всего, конструкцией *être prêt à + инфинитив*. Рассмотрим примеры:

J'étais prêt à croire qu'elle partageait invinciblement pour moi l'attraction que j'avais pour elle (Dumas A. La Dame aux camellias. P. 100).

Je cherchai ce qui la déterminerait à me suivre dans l'école buissonnière (Raymond R. Le Diable au corps. P. 29).

Il était décidé que ce pauvre garçon ne dirait pas un mot (Dumas A. La Dame aux camellias. P. 78).

Je fus préparé de bonne heure à traiter le professorat comme un sacerdoce et la littérature comme une passion (Sartre J.-P. Les mots. P. 37).

В английском языке рассматриваемая ситуация передается подобными инфинитивными сочетаниями: *to be ready* + инфинитив, *to decide* + инфинитив, *to determine* + инфинитив, *to be (feel) prepared* + инфинитив. Например:

I'm almost ready to give it up (Henry O. Selected Stories. P. 90).

I had decided that, on the way up country to Bafut, we would make a ten-day stop at a town called Mamfe (Durrell G.A. Zoo in My Luggage. P. 12).

I am quite prepared to bear out this statement (Jerome K. J. Three Men in a Boat (To say nothing of the Dog). P. 203).

He was determined to find out Basil Hallward's mystery (Wilde O. The Picture of Dorian Gray. P. 156).

Представление о движении в принятой нами траектории проспективности отражает пространственно-временной образ ближайшего будущего. Подобное участие глаголов движения обусловлено базовыми свойствами подобных языковых единиц, участие которых в выражении аспектуальных характеристик действия наблюдается в истории развития и германских, и романских языков [7. С. 104—106]. Проекция в будущее через метафорические образы «движения» и пространственно-временные ориентиры наблюдается в обоих рассматриваемых языках.

Так, во французском языке к конструкциям обозначения предстоящего действия в ближайшем будущем с помощью глаголов движения относят: *aller* + инфинитив, *arriver à* + инфинитив, *se diriger vers* + инфинитив, *descendre* + инфинитив. Рассмотрим следующие примеры:

J'irai la retrouver (Simenon G. La première affaire de Maigret. P. 186).

Il vaut mieux le laisser dehors, si vous le faites rentrer de force il va pleurer et ça fera pleurer les autres (Bernard K. Le tonnerre céleste. P. 72).

Il en arrivait, à présent, à avoir des doutes sur son ami Justin Minard (Simenon G. La première affaire de Maigret. P. 61).

В современном английском языке ситуация движения к совершению действия передается с помощью *to be going* + инфинитив, *to set (out)* + инфинитив, *to set forward* + инфинитив, *to set about* + инфинитив. Рассмотрим несколько примеров:

I set out to find them (Gardner E.S. The Case of the Perjured Parrot. P. 10).

I'm going to say a prayer for you tonight! (Galsworthy J. The First and the Last. P. 83)

Фаза приближения или рядоположения к осуществлению действия (процесса) выражается в основном пространственными или временными указателями. Во французском языке для выражения описываемой ситуации используются конструкции *un pas de plus* + инфинитив, *être près de* + инфинитив. Так, например:

Eh, bien, monsieur, dit - il en relevant la tête sur moi, en n'essayant même plus de me cacher qu'il avait pleuré et qu'il était près de pleurer encore, tenez-vous beaucoup à ce livre? (Dumas A. La Dame aux camellias. P. 29)

Un pas de plus et vous ne pourrez plus quitter la route où vous êtes, et vous autres, toute votre vie, le remords de votre jeunesse (Dumas A. La Dame aux camellias. P. 29).

В английском языке фаза приближения к осуществлению действия передается с помощью пространственного предлога в конструкции *to be about* + инфинитив. Например:

His own title was about to be perfected by the State's own hand (Henry O. Selected Stories. P. 295).

Заметим, что выражение фазы приближения к точке вступления в действие или в новую ситуацию отмечено, прежде всего, во французском языке. С этой целью используются конструкции: *être en train de* + инфинитив, *être sur le point de* + инфинитив, *à peu près, presque, à l'instant même*, например:

Attention! Il y a ton mouchoir qui est en train de tomber [1. С. 641].

Je fus sur le point de l'envoyer au diable (Sagan F. Bonjour tristesse. P. 33).

S'il acceptail de vous le sacrifice que vous êtes sur le point de faire, il serait de son honneur et de sa dignité de vous faire en échange cet abandon qui vous mettrait toujours à l'abri d'une adversité complète (Dumas A. La Dame aux camellias. P. 245).

В английском языке подобный оттенок может быть выражен с помощью перифраз *to be on the point of* с сочетанием прогрессива глагола и *to be almost* с сочетанием прогрессива глагола. Например:

I'm almost giving it up (Henry O. Selected Stories. P. 96).

Сходной по значению с перифразой *to be on the point of* выступает *to be on the brink of*, представляющая довольно редкий случай использования в художественной литературе:

There he paused for a moment, feeling that he was on the brink of a discovery that would either make or mar his life (Wilde O. The Picture of Dorian Gray. P. 282).

Подводя итог анализу языкового материала, можно констатировать, что практически все отмеченные аспектуальные оттенки проспективности нашли языковое воплощение в английском и французском языках. Можно говорить о специализации языковых средств, участвующих в объективации проспективности как аспектуальной категория фазовости, в детализации понятийных ситуаций, входящих в ее структуру. Полученные результаты свидетельствуют об универсальной тенденции в рассматриваемых языках к концептуализации пространственно-временного и субъективного отношения к восприятию характера действия (процесса) или события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.
2. Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М., 2004.
3. Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Будущее время в агульском языке в типологической перспективе // Вопросы языкознания. № 6. 2003.
4. Недялков В.П. Начинательность и средства её выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В.Бондарко. Л., 1987.
5. Рянская Э.М. Проспекция как часть аспектуальности // Филологические науки. № 4. 2002.
6. Рянская Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте. СПб., 2002.
7. Рянская Э.М., Ахмерова А.В., Федорова Р.В. Базовые понятия как фактор формирования полифункциональных свойств языковых единиц // Французский язык и культура Франции в России XXI века: Материалы XV международной научно-практической конференции / Школы-семинара им. Л.М.Скрепиной (Нижний Новгород, 27—28 сентября 2011 г.). Н.Новгород, 2011.
8. Сичинава Д.В. К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: casus latinus // Вопросы языкознания. 2003. № 5.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.111

М.А. Степанова
Нижневартовск, Россия

M.A. Stepanova
Nizhnevartovsk, Russia

ВОЛКОВА Т.А.
ДИСКУРСИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ
МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА

VOLKOVA T.A.
DISCOURSE AND COMMUNICATION
AS BASIS FOR TRANSLATION STRATEGIES

Аннотация. Рецензия на монографию: Волкова Т.А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода. М.: Флинта; Наука, 2010. 125 с.

Abstract. Book review: Volkova T.A. Discourse and communication as basis for translation strategies. Moscow: Flinta; Nauka, 2010. 125 p.

Ключевые слова: дискурс; коммуникация; текст; модель перевода; стратегии перевода; институциональный дискурс.

Key words: discourse; communication; text; translation model; translation strategies; institutional discourse.

Сведения об авторе: Степанова Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода.

About the author: Stepanova Marina Alexandrovna, candidate of Philology, assistant professor of the Linguistics and Translation department.

Место работы: Нижневартровский государственный гуманитарный университет.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Контактная информация: 628605, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б; тел. (3466)273510; e-mail: mstepanova2@gmail.com

Монография посвящена комплексному анализу институционального дискурса средствами авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода. Автор предпринимает попытку установить связь стратегий перевода с особенностями текста, дискурса и коммуникации с целью формулирования специфических стратегий перевода специальных текстов, в том числе при устном переводе.

В работе получили развитие основные положения моделирования в переводе, исследования институционального дискурса (в частности, эксплицированы составляющие институционального дискурса), разработана модель, применимая к анализу институционального дискурса в целом.

По мнению автора, цели институционального общения в целом сводятся к поддержанию общественных институтов, к обеспечению стабильности социальной структуры. Автор подчеркивает, что специфика институционального дискурса раскрывается в типе общественного института, связывается с общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, при этом принципиальное отличие институционального дискурса от персонального заключается в трафаретности первого. Такая «заданность» институционального дискурса позволяет говорить о возможной схематизации процесса перевода текстов в рамках конкретных видов данного дискурса: дипломатического, политического, массово-информационного, юридического.

В главе 1 «Дискурсивно-коммуникативная модель перевода как аналитический инструмент в работе переводчика» исследователь описывает общие принципы моделирования в переводе, определяет понятия «стратегия перевода» и «коммуникативная стратегия» и выводит их типологию, указывает принципы организации и функционирования дискурсивно-коммуникативной модели перевода.

В качестве методологической базы исследования выступают работы известных отечественных ученых: В.Г.Гака, В.Н.Комиссарова, И.И.Ревзина, Я.И.Рецкера, А.Д.Швейцера и др. Не ставя перед собой задачу рассмотреть все существующие модели перевода, автор

перечисляет несколько основных концепций: герменевтическую, функционально-прагматическую (динамическую), информативную, коммуникативную, психолингвистическую, семантическую, ситуативно-денотативную, трансформационную. Проанализировав основные положения указанных моделей перевода, автор приходит к заключению, что сложность переводческой деятельности определяет принципиальную невозможность построения объемной картины перевода на основании изучения какого-либо одного его аспекта. Вопрос о моделировании в переводе автор предлагает рассматривать в комплексе с аналитическими инструментами, функционирующими также в рамках смежных областей, что позволит переводчику проводить комплексное исследование текста оригинала. В качестве основы для построения такой модели автору видится стратегичность перевода и коммуникации.

Автор определяет стратегию перевода как «неконечную совокупность профессиональных, эффективных, динамических, логически взаимосвязанных, последовательных универсальных и индивидуальных приемов. Данные приемы целенаправленно используются в процессе переводческой деятельности в двуязычной ситуации для оптимизации понимания исходного текста и гибкого вариативного поиска наиболее точного соответствия исходному тексту в языке перевода с учетом условий выполнения перевода, типа текста и характера предполагаемого реципиента» [С. 21]. Не вызывают возражений слова исследователя о том, что стратегия перевода, которая определяется отнесенностью к ментальным процессам индивида и критическим отношением переводчика к выполняемым действиям носит системный характер.

Понятие «стратегия перевода» рассматривается в параллели с феноменом коммуникативных стратегий, который исследуется в данной работе в рамках введенной автором триады «текст — дискурс — коммуникация». В качестве основы исследования стратегий коммуникативного воздействия автор считает возможным рассматривать результаты комплексной характеристики дискурса, текста и коммуникации (конститутивные признаки дискурса, особенности текста, функции и типовые свойства коммуникации), при этом следует учитывать также условия возникновения коммуникативного акта, динамический характер взаимодействия субъектов коммуникации и мотивы возникновения дискурса.

Исходя из факта интерреляции понятий «текст», «дискурс», «коммуникация», автор считает правомерным представить основу применения переводческих стратегий в виде комбинаций ряда взаимосвязанных компонентов: уровень текста, уровень дискурса, уровень коммуникации. В таком случае переводческие решения, по мнению исследователя, определяются лингвистическими (стилистическими, лексико-семантическими, синтаксическими, прагматическими) особенностями исходного текста, его дискурсивными характеристиками (авторство, адресность, нарратив), узловыми точками дискурса, его конститутивными признаками (цель, ценности, хронотоп, языковое воплощение, тематика, участники дискурса, интердискурсивность), функциями, типовыми свойствами и стратегиями коммуникации.

Авторская дискурсивно-коммуникативная модель отражает общую типологию переводческих стратегий, которая включает следующие элементы: общую стратегию перевода (стремление переводчика как можно полнее понять переводимый текст и найти ему наиболее точное соответствие в языке перевода); этапы процесса перевода; макростратегии перевода (уровень дискурса и коммуникации); микростратегии перевода (уровень текста). Формирование типологии стратегий в дискурсивно-коммуникативной модели перевода на основе выявления особенностей текста, дискурса и коммуникации, определения соответствующих переводческих трудностей и систематизации соответствующих переводческих решений автор предлагает рассматривать как переводческие операции.

Исследователь указывает на то, что анализ лингвистических особенностей текста и функций коммуникации позволяет определить состав и плотность информации, жанровую принадлежность текста, функцию текста. По словам автора, этапы перевода в равной

степени охватывают уровень коммуникации, уровень дискурса и уровень текста. В свою очередь, выявление функций коммуникации и коммуникативных стратегий, выраженных в исходном тексте, лингвистических особенностей исходного текста и особенностей соответствующего дискурса возможно на любом этапе процесса перевода.

Автор, однако, подчеркивает, что последовательность и характер стратегических действий переводчика формируются, но не ограничиваются приведенной моделью. Так, часть решений может быть принята в ходе предпереводческого анализа, отдельные же решения могут быть приняты или скорректированы на стадии анализа результатов. Таким образом, в соответствии с целью перевода (с учетом условий выполнения перевода, типа текста и характера предполагаемого реципиента) микростратегии и макростратегии перевода могут использоваться в произвольном объеме и произвольном порядке. При этом автор уточняет, что разделение переводческих решений на микро- и макростратегии представляет собой исследовательский прием, позволяющий переводчику провести комплексный анализ исходного текстового материала, выделить в нем лингвистическую, фоновую, социокультурную и иную информацию, определить пути преодоления отдельных переводческих трудностей.

Представляется важным указать, что дискурсивно-коммуникативная модель перевода может оказаться перспективной в рамках интердискурсивного переводческого анализа специальных текстов, а также при изучении специфических интердискурсивных особенностей устного и письменного перевода.

В главе 2 «Дискурсивно-коммуникативная модель перевода как средство выявления стратегий перевода» приводится составленная автором характеристика и результаты комплексного исследования отдельных видов институционального дискурса: политического, дипломатического, массово-информационного и юридического. Автор отмечает, что указанные виды дискурса обнаруживают высокую степень интердискурсивности, характеризуются общими особенностями на уровне текста, дискурса, коммуникации, что может быть использовано в качестве аналитического инструмента в работе как письменного, так и устного переводчика.

Отдельный раздел работы посвящен вопросу о возможности использования дискурсивно-коммуникативной модели при обучении переводу (практический курс письменного и устного перевода, курс специального перевода в вузах).

Несомненно, применение дискурсивно-коммуникативной модели перевода при анализе текстов различных типов в рамках разных видов дискурса имеет хорошие перспективы как для переводчиков-практиков, так и для преподавателей.

IX Международная научная конференция
«ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЕ ПОНИМАНИЕ КУЛЬТУРЫ
КАК ВИДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ»
(Нижневартовск)

Организатор: ГОУ ВПО «Нижневартовский государственный гуманитарный университет».
Сроки проведения: 23—24 ноября 2012 года.

К участию в конференции приглашаются преподаватели, сотрудники научно-исследовательских институтов и лабораторий, молодые ученые и специалисты из России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Секции конференции:

1. Философские, теоретико-методологические проблемы культуры
2. Проблемы истории культуры, отечественной и региональной культурологии
3. Культура и образование
4. Культура и искусство
5. Культура и лингвистика
6. Социально-правовые вопросы культуры
7. Молодежная культура: динамика, конфликты, преемственность

По итогам конференции планируется издание сборника статей.

Участие в конференции бесплатное. Оплата предусмотрена только за публикацию статьи в сборнике материалов конференции. Сумма оплаты зависит от вида выходного издания (печатный / электронный) и способа рассылки (Почта России / по e-mail); рассчитывается следующим образом:

- 1) Сборник (печатный) + почтовая рассылка — 300+130 руб.
- 2) Сборник на CD + почтовая рассылка — 180+130 руб.
- 3) Сборник с рассылкой по электронной почте — 150 руб.

Реквизиты для оплаты публикации материалов высылаются только после просмотра материалов.

Прием статей и заявок на участие: **до 12 ноября 2012 года.**

Правила оформления материалов — на сайте www.nggu.ru или nggu.pf

Контактная информация

Адрес: 628600, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56, Нижневартовский государственный гуманитарный университет, научно-исследовательская лаборатория проблем региональной культуры (каб. 313)

Телефон/факс: (3466)465343, (3466)451820

E-mail: ngguckkif@yandex.ru, blinks@bk.ru (с пометкой «конференция»)

**Региональная научно-практическая конференция
молодых ученых и специалистов
«НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЮГРЫ»
(Нижневартовск)**

Организатор: ГОУ ВПО «Нижневартовский государственный гуманитарный университет».
Сроки проведения: октябрь 2012 года.

К участию приглашаются магистранты, аспиранты, соискатели, кандидаты наук и специалисты (до 35 лет), доктора наук (до 40 лет) Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Основные направления работы

1. Философия
2. История. Исторические науки
3. Социология
4. Экономика. Экономические науки
5. Культура
6. Документоведение и архивоведение
7. Педагогика
8. Психология
9. Языкознание
10. Литература. Литературоведение
11. Искусство. Искусствоведение
12. Массовая коммуникация. Журналистика
13. Информатика. Автоматика и вычислительная техника
14. Математика
15. Физика
16. Биология. Экология
17. География
18. Энергетика. Электротехника
19. Физическая культура и спорт

По итогам конференции планируется издание сборника статей.

Плата за участие в конференции и публикацию статьи не взимается.

Прием статей и заявок на участие: до 1 октября 2012 года.

Правила оформления материалов — на сайте www.nggu.ru или nggu.pf

Контактная информация

Адрес: 628600, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56, Нижневартовский государственный гуманитарный университет, управление научных исследований (каб. 219)

Телефон/факс: (3466) 451820

E-mail: uni@nggu.ru

Уважаемые коллеги!

Издательство Нижневартковского государственного гуманитарного университета приглашает ученых, преподавателей, сотрудников научно-исследовательских институтов и лабораторий, аспирантов, соискателей опубликовать результаты своих исследований в области гуманитарных, естественных и технических наук.

«Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета» — периодическое научное издание. Журнал выходит ежеквартально в шести сериях:

- Серия «Исторические науки»
- Серия «Филологические науки»
- Серия «Естественные науки и науки о Земле»
- Серия «Культурология. Философия. Социология»
- Серия «Психологические и педагогические науки»
- Серия «Физико-математические и технические науки»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, свидетельство о регистрации № ФС77-26062 от 25.10.2006 г.

Изданию присвоен международный стандартный серийный номер ISSN 2070-7274.

Публикация в журнале бесплатная.

Как опубликовать статью?

1. Вы отправляете нам статью и сведения об авторе по адресу e-mail: uni@nggu.ru.

Оформление статьи: формат листа — А4, поля вокруг текста — 2 см, гарнитура шрифта — Times New Roman, размер шрифта — 12 пт, межстрочный интервал — одинарный, абзацный отступ — 1 см, список литературы — по ГОСТ 7.0.5.2008. Статья помимо основного текста должна содержать аннотацию и ключевые слова (на русском и английском языке), код УДК. Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень, ученое звание; аспиранты, соискатели — указать вуз и кафедру; место работы (город, организация, подразделение), должность; корреспондентский почтовый адрес; контактный телефон; контактный e-mail.

Аспиранты и соискатели дополнительно предоставляют отзыв научного руководителя на статью.

2. Статья направляется на рецензирование (7—14 рабочих дней). При положительной рецензии статья публикуется в ближайшем выпуске журнала соответствующей Вашей тематике серии; один экземпляр издания направляется Вам.

3. В случае отказа в публикации автору направляется мотивированный отказ.

Контактная информация

Адрес: 628600, Россия, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56, Нижневартковский государственный гуманитарный университет, управление научных исследований (каб. 219).

Телефон: (3466) 451820

E-mail: uni@nggu.ru

Web: www.nggu.ru или nggu.pf

Куратор: Овечкина Елена Сергеевна, начальник управления научных исследований.